

№ 1
2023

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ
«МИР РУССКОГО СЛОВА»

Выходит ежеквартально

Журнал издаётся с 2000 года

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в
сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного
наследия (свидетельство ПИ № ФС77–30539 от 20.12.2007)

ISSN 1811–1629

<https://mirs.spbu.ru/>

THE SCHOLARLY
AND METHODOLOGICAL JOURNAL

“THE WORLD OF RUSSIAN WORD”
(Mir russkogo slova)

Quarterly journal

The journal has been published since 2000

The journal is registered by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology, and Mass Media
(certificate ПИ № ФС77–30539 dated 20.12.2007)

ISSN 1811–1629

<https://mirs.spbu.ru/>

Учредители:

Ассоциация преподавателей русского языка
и литературы, Санкт-Петербургский
государственный университет

Издатель:

Издательство Санкт-Петербургского
государственного университета

Редакционная коллегия

К. А. Рогова (главный редактор) —
д-р филол. наук, проф., почетный проф. СПбГУ
В. А. Абрамов — д-р филол. наук, проф.,
КубанскГУ
Э. М. Афанасьева — д-р филол. наук,
Гос. ИРЯ им А. С. Пушкина
Л. Г. Бабенко — д-р филол. наук, проф.,
Уральский ФУ им. Б. Н. Ельцина
Н. Г. Бабенко — д-р филол. наук, проф.,
Балтийский ФУ им. И. Канта
Х. Вальтер — д-р филол. наук, проф.,
Университет г. Грайфсвальда
М. Д. Воейкова — д-р филол. наук, проф.
СПбГУ, ИЛИ РАН
О. Е. Дроздова — д-р пед. наук, доцент
МПГУ, РГПУ
Л. А. Дунаева — д-р пед. наук, проф.
МГУ им. М. В. Ломоносова
Н. В. Изотова — д-р филол. наук, проф.,
Южный ФУ
Е. И. Костанди — канд. филол. наук, доцент,
Университет Тарту
А. Б. Лихачева — д-р гум. наук, проф.,
Вильнюсский университет
В. А. Марьянчик — д-р филол. наук, проф.,
Северный (Арктический) ФУ
В. В. Прохоров — д-р филол. наук, проф.,
СаратовГУ
Ю. Е. Прохоров — д-р пед. наук, д-р филол. наук, проф.,
заслуженный деятель науки РФ
М. Ю. Сидорова — д-р филол. наук, проф.,
МГУ им. М. В. Ломоносова
И. Н. Сухих — д-р филол. наук, проф.,
СПбГУ
М. Д. Тагаев — д-р филол. наук, проф., Кыргызско-
Российский Славянский университет им. Б. Н. Ельцина
Н. Чуйкина — канд. филол. наук,
Таллинский университет
Н. И. Шром — PhD, ассоц. проф.,
Латвийский университет
В. Д. Янченко — д-р пед. наук, доцент,
МПГУ

The Founders:

Association of Teachers of Russian
Language and Literature, St. Petersburg
State University

Publisher:

St. Petersburg University Press

Editorial board

K. A. Rogova — editor-in-chief
St. Petersburg State University
V. A. Abramov
Kuban State University
E. M. Afanasieva
Pushkin State Russian Language Institute
L. G. Babenko
Ural Federal University
N. G. Babenko
Immanuel Kant Baltic Federal University
H. Walter
Universität Greifswald
M. D. Voikova
St. Petersburg State University
O. E. Drozdova
Moscow Pedagogical State University
L. A. Dunaeva
Lomonosov Moscow State University
N. V. Izotova
Southern Federal University
E. I. Kostandi
University of Tartu
A. B. Likhacheva
Vilnius University
V. A. Maryanchik
Northern (Arctic) Federal University
V. V. Prozorov
Saratov State University
Yu. E. Prokhorov
St. Petersburg State University
M. Yu. Sidorova
Lomonosov Moscow State University
I. N. Sukhikh
St. Petersburg State University
M. D. Tagaev
Kyrgyz-Russian Slavic University
N. Chuykina
Tallinn University
N. I. Shrom
University of Latvia
V. D. Yanchenko
Moscow Pedagogical State University

Адрес издателя:

199004, Санкт-Петербург, В. О., 6-я линия, д. 11

Адрес редакции:

199034, Санкт-Петербург,
Университетская наб., д. 7–9
e-mail: mirs@spbu.ru

Publisher's address:

11, 6 Line V. O., St. Petersburg, 199004, Russia

Editorial board's address:

7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg,
199034, Russia
e-mail: mirs@spbu.ru

**По вопросам приобретения
и подписки обращаться:**

Издательство СПбГУ.
Сайт: publishing.spbu.ru
Контакты: +7(812) 328-44-22
+7(812) 328-77-63
e-mail: publishing@spbu.ru, post@spbu.ru

Журнал включен в:

– перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук (с
2007 года);
– российский индекс научного цитирования
(РИНЦ) и представлен в Научной электронной
библиотеке;
– научную электронную библиотеку
«КиберЛенинка»

Abstracting and Indexing

– Russian Science Citation Index (RSCI), and
is represented in Scientific Electronic Library
(elibrary.ru)
– Scientific Electronic Library CyberLeninka

Подписной индекс
по каталогу «Пресса России» 72396
Тираж 60 экз.

Цена свободная

Отпечатано в типографии Издательства СПбГУ.
199034, С.-Петербург, Менделеевская линия, д. 5.
Дата выхода в свет: 14.12.2023

№ 1 2023

Главный редактор:

К. А. Рогова —

*д-р филол. наук, проф.,
почетный проф. СПбГУ*

Зам. главного редактора:

С. А. Кузнецов —

д-р филол. наук, проф.

Зам. главного редактора:

Д. А. Щукина —

д-р филол. наук, проф.

Ответственный секретарь:

М. М. Ровинская

Редакторы:

Г. А. Диль

Корректор:

Т. В. Хорошавина

Верстка:

Е. М. Воронковой

В НОМЕРЕ

[ЛИНГВИСТИКА]

- 4 В. Ю. Меликян
О критериях отграничения
устойчивых моделей
от фразеосхем
- 12 Н. В. Богданова-Бегларян,
Чжао Цзэли
Ассоциации на слово *каникулы*
в языковом сознании носителей
китайского языка
в сопоставлении
со спонтанными рассказами
китайцев о каникулах
- 22 Э. Г. Куликова
Точность речи и грамматическая
категория рода в современном
русском языке
- 29 Е. К. Николаева, Е. И. Селиверстова
Ценностный аспект
в современном осмыслении
хлеба (на примере русских
фразеологических единиц)

[ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА]

- 38 В. А. Доманский
«Некрасовская девушка»
в литературном контексте эпохи
- 47 А. С. Степанова
Нарративные стратегии
в рассказах В. В. Набокова
1920-х годов
- 55 Т. В. Швецова, В. Е. Шахова
Образ Робинзона в аспекте
проблемы «свой — чужой»
- 63 Н. В. Изотова, Л. В. Табаченко
Семантическое поле «Греция»
в идиолекте Марины Цветаевой

CONTENTS

[LINGUISTICS]

- Vadim Yu. Melikyan
On the Criteria for Detracting Stable
Models from Fixed Phrase Schemes
- Natalia V. Bogdanova-Beglarian, Zhao Zeli
Associations per Word *Holidays* in the
Language Consciousness of Native Chi-
nese Speakers in Comparison with the
Spontaneous Stories of the Chinese about
the Holidays
- Ella G. Kulikova
Speech Accuracy and Grammatical
Category of Gender in Modern Russian
- Elena K. Nikolaeva, Elena I. Seliverstova
Axiological Aspect in Contemporary
Conceptualization of Bread:
On the Material of Russian
Phraseological Units

[LANGUAGE AND LITERATURE]

- Valery A. Domansky
“Nekrasov Girl” in the Literary Context
of the Era
- Alla S. Stepanova
Narrative Strategies in the Stories
by Vladimir Nabokov in the 1920s
- Tatiana V. Shvetsova, Veronika E. Shakhova
The Image of Robinson Crusoe in the
Aspect of the Problem of “One’s Own —
Alien”
- Natalia V. Izotova, Liudmila V. Tabachenko
“Greece” Semantic Field in Marina Tsvet-
aeva’s Idiolect

[МЕТОДИКА]

- 69 Е. С. Богданова
Тексты патриотических песен как объект анализа на уроках русского языка в старших классах
- 78 И. В. Реброва, К. Грегори-Мурес
Современное научное общение и типология текста: теория и практика (жанр аннотации в сопоставительном аспекте)
- 88 З. З. Саидов
Творчество современных русских писателей в преподавании русского языка таджикским школьникам: теоретический и практический аспекты
- 97 Н. А. Аскарина, О. В. Трофимова
Олимпиада по русскому языку как когнитивно-культурный эксперимент (на материале «Гимна лиро-эпического на прогнание французов из отечества» Г. Р. Державина)

[РЕЦЕНЗИИ]

- 107 О. В. Хорохордина
Sheila Vieira de Camargo Grillo, Sandrine Reboul-Touré, Maria Glushkova (dir.) Analyse du discours et comparaison: enjeux théoriques et méthodologiques. Série: Études contrastives. Vol. 16. Brussels, 2021. 350 p.

[ЯЗЫК И КУЛЬТУРА]

- 112 Т. Б. Радбиль, Л. И. Ручина,
М. Г. Уртминцева, И. С. Юхнова
Отечественная филология в Нижегородском государственном университете имени Н. И. Лобачевского в свете современных стратегий научного поиска

[METHODOLOGY]

- Elena S. Bogdanova
Texts of Patriotic Songs as an Object of Analysis in Russian Language Lessons in High School
- Irina V. Rebrova, Colin Gregory-Moores
Modern Academic Discourse and the Typology of the Text in Theory and Practice (a Comparative Study of the Abstract Genre)
- Zaynularab Z. Saidov
Creativity of Modern Russian Writers in Teaching Russian Language to Tajik High School Students: Theoretical and Practical Aspects
- Natalia A. Aksarina, Olga V. Trofimova
Russian Language Olympiad as a Cognitive and Cultural Experiment (on the Material of the "Lyro-Epic Hymn for Driving the French out of the Fatherland" G. R. Derzhavin)

[REVIEWS]

- Olga V. Khorokhordina
Sheila Vieira de Camargo Grillo, Sandrine Reboul-Touré, Maria Glushkova (dir.) Analyse du discours et comparaison: enjeux théoriques et méthodologiques. Série: Études contrastives. Vol. 16. Brussels, 2021. 350 p.

[LANGUAGE AND CULTURE]

- Timur B. Radbil, Liudmila I. Ruchina,
Marina G. Urtmintseva, Irina S. Iukhnova
Russian Philology at Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod in the Light of Modern Strategies of Scholarly Search

О КРИТЕРИЯХ ОТГРАНИЧЕНИЯ УСТОЙЧИВЫХ МОДЕЛЕЙ ОТ ФРАЗЕОСХЕМ

VADIM YU. MELIKYAN

ON THE CRITERIA FOR DETRACTING STABLE MODELS FROM FIXED PHRASE SCHEMES

**Вадим Юрьевич
Меликян**

Доктор филологических наук,
профессор

► melikyanv@sfedu.ru

Южный федеральный университет,
Российская Федерация,
344006, Ростов-на-Дону,
ул. Большая Садовая, 105/42

Vadim Yu. Melikyan

Doctor of Philology,
Professor

Southern Federal University,
105/42, ul. Bol'shaia Sadovaia, Rostov-on-Don,
344006, Russian Federation

Статья посвящена выявлению системы критериев, позволяющих отграничивать устойчивые модели от фразеосинтаксических схем. Разграничение устойчивых моделей и фразеосхем как различных классов синтаксических фразеологических единиц представляет собой одну из наиболее сложных и важных проблем современной теории синтаксической фразеологии. Дополнительная трудность заключается в том, что фразеосхемы относятся к ядру синтаксической фразеологии, а устойчивые модели — к ее периферии. Решение данной проблемы и составляет актуальность, цель и новизну настоящего исследования. Языковой материал заимствован из специализированного словаря автора исследования. Общее количество фразеосхем, подвергнутых анализу, — 123. Иллюстративный материал заимствован из текстов художественной литературы, язык которой квалифицируется как современный русский язык. В исследовании использованы описательный метод, методы компонентного анализа семантической структуры предложения, синтаксического моделирования, фразеологического анализа, трансформационный, а также этимологического, контекстуального и сравнительного анализа. В статье исследуются устойчивые синтаксические конструкции в аспекте теории синтаксической фразеологии: определяется набор характеристик, позволяющих рассматривать их в системе различных классов синтаксических фразеологических единиц, а также отграничивать от свободных синтаксических конструкций; устанавливаются интегральные и дифференциальные признаки устойчивых моделей и фразеосхем, которые квалифицируются как абсолютные (дифференцирующие) и относительные (факультативные). Определены следующие абсолютные критерии: пересмысление всей производящей синтаксической конструкции или отдельной лексемы, наличие/отсутствие опорного компонента, наличие/отсутствие деактуализации/грамматикализации/лексикализации компонентов синтаксической конструкции, наличие/отсутствие трансформации синтаксического значения производящей конструкции. Относительные критерии: актуальность/неактуальность синтаксического анализа, наличие/отсутствие трансформации функционального типа производящей синтаксической конструкции.

Ключевые слова: синтаксическая фразеология, устойчивая модель, фразеосхема, русский язык.

The article is devoted to the identification of a system of criteria that allow to distinguish stable models from fixed phrase schemes. The distinction between stable models and fixed phrase schemes as different classes of syntactic phraseological units is one of the most complex and important problems of the modern theory of syntactic phraseology. An additional difficulty lies in the fact that fixed phrase schemes belong to the core of syntactic phraseology,

and stable models to its periphery. The solution to this problem is the relevance, purpose and novelty of this study. The language material is borrowed from the specialized dictionary of the author of the study. The total number of syntactic constructions analyzed is 123 fixed phrase schemes. Illustrative material is borrowed from the texts of fiction, the language of which qualifies as the modern Russian language. The study uses the descriptive method, the method of component analysis of the semantic structure of the sentence, syntactic modeling, phraseological analysis, transformational method, as well as methods of etymological, contextual and comparative analysis. Stable models of the Russian Language are investigated in the aspect of the syntactic phraseology theory: a set of characteristics is defined that allow them to be considered in the system of various classes of syntactic phraseological units, as well as allowing them to be distinguished from free syntactic constructions; integral and differential features of stable models and fixed phrase schemes are established, which are qualified as absolute (differentiating) and relative (optional). Absolute criteria include the following: the nature of rethinking the producing syntactic construction (a single lexeme or the entire syntactic construction as a whole is being rethought); the presence/absence of a compulsory component; the presence/absence of deactualization/grammaticalization/lexicization of the syntactic structure components; the presence/absence of transformation of the syntactic meaning of the producing structure. The relative criteria are the following: relevance/irrelevance of parsing; the presence/absence of transformation of the functional type of the producing syntactic construction.

Keywords: syntactic phraseology, stable model, fixed phrase scheme, the Russian Language.

Введение

Фразеологические единицы представлены на различных уровнях языковой системы, что позволяет говорить о существовании фразеологической подсистемы языка [см., например: Виноградов 1947; Добровольский 2016; Fillmore, Kay, O'Connor 1988]. Наибольшим разнообразием фразеологические единицы отличаются на синтаксическом уровне [см., например: Архангельский 1964; Пиотровская 1998].

Принято выделять следующие классы синтаксических фразеологических единиц (далее — СФЕ): коммуникемы, фразеосинтаксические схемы (далее — фразеосхемы), устойчивые модели и устойчивые обороты [Меликян 2001; 2010]. Деление СФЕ на классы обусловлено их разнородностью по составу, специфике означающего и означаемого, наличию и степени проявления фразеологических свойств, функциям и другим признакам. В связи с этим СФЕ делят на ядро (коммуникемы

и фразеосхемы) и периферию (устойчивые модели и устойчивые обороты) [Меликян 2014; Melikyan, Melikyan, Dzubenko 2017]. Каждый из данных классов СФЕ, в свою очередь, предполагает деление на фразеологические разряды, а также классификацию по другим критериям.

Такая разветвленная типология предполагает установление полного списка интегральных и дифференциальных характеристик СФЕ, а также наличие четких критериев их отграничения. Наибольшую трудность представляет, во-первых, обоснование лингвистического статуса устойчивых моделей (а по сути, их отграничение от свободных синтаксических конструкций) в связи с их периферийным статусом, во-вторых, отграничение устойчивых моделей от фразеосхем.

Языковой материал, использованный в настоящем исследовании, заимствован из специализированного словаря [Меликян 2016]. Общее количество языковых единиц, подвергнутых анализу, — 123 фразеосхемы и более двух десятков разнообразных устойчивых моделей.

В исследовании применены традиционные для теории синтаксической фразеологии методы: описательный, компонентного анализа семантической структуры предложения, синтаксического моделирования, фразеологического анализа, трансформационный, а также этимологического, контекстуального и сравнительного анализа.

Устойчивые модели vs свободные синтаксические конструкции

Устойчивые модели представляют собой периферию СФЕ. Их рассмотрение с точки зрения теории синтаксической фразеологии обусловлено тем, что они обладают некоторыми признаками фразеологических единиц.

Прежде всего, в устойчивой модели, в отличие от ее производящей свободной синтаксической конструкции, имеет место признак асимметрии формы и содержания, обусловленный частичной идиоматичностью диктумной пропозиции, а также полной идиоматичностью модусной пропозиции, например:

— *Значит, про меня она тебе ничего не сказала? — Сказала она! Как же!* /М. Зощенко. Пару-

синовий портфель;/ Ср.: — *Значит, про меня она тебе ничего не сказала?* — **Сказала она!** С тебя и начала разговор.

Означающее данной устойчивой модели презентует диктумную пропозицию в форме утверждения (*Сказала она*), при этом модусная пропозиция вообще отсутствует (высказывание нейтрально с точки зрения эмоциональности). Ее означаемое значительно шире по объему: во-первых, оно включает в свой состав компонент «не» (*Она не сказала*), во-вторых, модусную пропозицию в форме эмоциональной реакции на реплику-стимул: «возмущение, ирония, негативное отношение к предмету речи и собеседнику и т. п.». То есть сема отрицания, а также модусная пропозиция, формально не представленные в структуре такого высказывания, являются идиоматическими.

Существуют дополнительные показатели идиоматичности устойчивой модели, которые, однако, не являются обязательными. К примеру, идиоматичным может оказаться функциональное значение высказывания при выражении повествовательного значения (отрицания или утверждения) посредством вопросительной синтаксической конструкции. Например:

— *Нет*, — сказал Павел Иванович, — *этак не ходят по три шашки, вдруг*. — *За кого ж ты меня считаешь?* — *горячился Ноздрев*. — **Стану я плутовать?** («Я не стану плутовать...»: вопросительное предложение → повествовательное предложение в форме отрицания) /Н. Гоголь. Мертвые души/; — *Какие вы бессовестные! Можно ли так лгать?* — *Где уж тут солжешь?!* («Нельзя так лгать...»: вопросительное предложение → повествовательное предложение в форме отрицания) /И. Гончаров. Обыкновенная история/.

Также возможны случаи грамматической транспозиции, т.е. переносного использования отдельных грамматических форм, например:

[Старуха:] *Да ты чо уж, помираешь, што ли! Может, ишо оклемаисся*. [Старик:] *Счас — оклемался*. *Ноги вон стынут...* *Ох, господи, господи!..* («Не оклемаюсь...»: прошедшее время → будущее время) /В. Шукшин. Как помирал старик/.

На уровне означающего фразеологизация устойчивой модели может проявляться в измене-

нии словопорядка в предложении и выносе в инициальное положение рематического (информативно наиболее значимый) члена предложения, как правило предикативного. Например:

— *Да ну тебя! Откуда я знаю, здесь ты или не здесь*. *Я думала, Илья один*. *Пришла ему сказать, что матушка-то у нас уж сидит*. — **Сидит она!** *Как же! Только недавно видел ее у Марьи*. («Не сидит она...») /В. Распутин. Последний срок/.

«Субъективный» порядок слов в высказывании обусловлен эмфазой, которая акцентирует внимание на предмете речи и способствует переосмыслению значения слова в такой позиции на противоположное. Однако эмфатически маркированным может оказаться и прямой порядок слов, что детерминируется актуальным членением предложения. При этом, по мнению Д. Н. Шмелева, первичным для синтаксических конструкций с обратным порядком слов следует считать экспрессивно-ироническое значение: «И в большинстве случаев “нейтральнее”, привычнее именно первое осмысление» [Шмелев 1958: 64; см. также: Шведова 1980].

Таким образом, появление идиоматичности и других признаков фразеологизации у устойчивой модели обусловлено в определенной степени синтаксическим (специальная синтаксическая схема) и коммуникативным (специальная темарематическая схема) факторами. Однако следует отметить, что данные средства фразеологизации устойчивой модели являются факультативными.

И все же устойчивые модели ближе к свободным синтаксическим конструкциям: они обладают диктумной пропозицией, представляющей собой почти полностью сумму значений входящих в нее структурных компонентов; в их составе отсутствуют десемантизированные и фразеологизированные лексические компоненты; устойчивые модели способны воспроизводить все структурные схемы предложений со свободным порядком слов; синтаксические связи между компонентами устойчивой модели актуальны и совпадают в структуре означающего и означаемого.

Таким образом, устойчивые модели — явление переходное между нефразеологизированными и фразеологизированными предложениями,

они относятся к периферии поля синтаксической фразеологии. Их принадлежность к классу СФЕ является условной.

Устойчивые модели vs фразеосхемы

Отграничение устойчивых моделей от фразеосхем представляется задачей более важной и сложной [см., например: Шведова 1960; Шмелев 1976].

Наличие отдельных признаков фразеологизации приводит к тому, что устойчивые модели становятся сходными с фразеосхемами, что порождает необходимость выявления их дифференцирующих характеристик. Анализ данного объектного пространства привел к выводу о том, что существует две группы таких характеристик: абсолютные (присущи только устойчивым моделям, а потому способны выполнять дифференцирующую функцию) и относительные (могут быть присущи устойчивым моделям и фразеосхемам, т. е. факультативные).

Характеристики СФЕ и критерии их отграничения

1. Процесс и результаты формирования устойчивой модели и фразеосхемы существенно различаются. Так, формирование экспрессивно-иронического значения свободной синтаксической конструкции и ее трансформация в устойчивую модель происходят в результате переосмысления отдельной лексемы, соответствующей конкретной синтаксической позиции (члену предложения). Например:

— Ты не грусти. Я тебе помогу. — **Нужна мне твоя помощь!** Я от тебя даже хлеба краюхи не возьму! — отозвался Федька. («Мне твоя помощь не нужна...») /А. Гайдар. Школа/;

— У нее есть ум. — **Она умна!** Как же! («Она не умна...») /Н. Лесков. На ножах/;

— Всё в порядке пока, товарищ четвертый. — Не верю. Харчей нет? Жрать нечего? Доклады-вай! — Кондратьев только кашлянул тихо. — Опять кашляешь? Говори, нет харчей? Как же! **В порядке!** («Не в порядке...») /Ю. Бондарев. Батальоны просят огня/;

— Сейчас все зависит от вас, Александр Борисович. Если вы его расколете, то все будет в поряд-

ке. — **Расколется он, жди!** Я уже перепробовал все средства! («Не расколется он...») /Ф. Незнанский. Контрольный выстрел/.

Как видим, диктумная пропозиция, репрезентированная означающим устойчивой модели (**Нужна мне твоя помощь!**) и представленная в ее означаемом («Мне твоя помощь не нужна...»), практически полностью совпадает по объему и содержанию, за исключением появившегося отрицания у сказуемого.

Во фразеосхеме переосмысливается вся синтаксическая конструкция в целом. Например, во фразеосхеме-сращении «Где + V!»²:

— А то, что про мое участие никто не будет знать — так это не важно, главное, что сам будешь от гордости лопаться! — И слушать не хочу этот бред! — Старыгин отвернулся и снова склонился над картиной. — Приходите снова, если придумаете что-нибудь поумнее! — Поумнее? — Легов усмехнулся. — **Где уж нам поумнее!** Мы ведь люди простые, грубые! Университет, правда, тоже закончили, но до вас нам ой как далеко! («У нас поумнее не получится...») /Н. Александрова. Последний ученик да Винчи/.

Здесь значение опорного компонента где вообще не представлено в силу его полной деактуализации (лексико-семантической и морфологосинтаксической).

Данный критерий актуален также для фразеосхем-сочетаний, т. к. в них имеет место переосмысление всей синтаксической конструкции, однако в гораздо меньшем объеме. Например, во фразеосхеме «Где + V!»¹:

— Азербайджанца на мясокомбинате. Даже молдованина подыскали, инструктора райкома комсомола. А вот с узбеками, киргизами, туркменами — завал. **Где я возьму узбека?!** — В Узбекистане, — подсказал я. — Какой ты умный! («Мне негде взять узбека...») /С. Довлатов. Чемодан/.

Подобные синтаксические конструкции все же относятся к фразеосхемам, так как в них обнаруживаются и другие признаки фразеологизации, присущие данному классу СФЕ, — синтаксические отношения между компонентами фразеосхем-сочетаний актуальны не в полном объеме, несмотря на свою «прозрачность» (т. е. понятность и граммати-

ческую правильность). Семантические отношения также частично деактуализированы в силу частичной десемантизации опорного компонента: происходит отход от прямого лексического значения (*где* — вопросительное наречие («в каком месте?») → *негде* — наречие с инфинитивом: «нет места, источника, откуда можно добыть, получить что-либо»; обобщение его семантики и ее распространение на содержание всего высказывания в целом).

По справедливому утверждению Н. Ю. Шведовой, такие построения следует квалифицировать как «конструкции, образованные в соответствии с действующими синтаксическими нормами, но включающие в свой состав в качестве незаменимого компонента такие слова или сочетания, в которых, при сохранении категориальных значений, в той или иной степени ослабляется конкретное лексическое значение; такие слова и сочетания становятся обязательным формантом предикативной единицы определенного модального значения» [Шведова 1960: 278].

Данный критерий (характер переосмысления производящей синтаксической конструкции) является абсолютным (дифференцирующим).

2. Формирование устойчивой модели имеет минимальные последствия для ее означающего: все структурные компоненты остаются актуальными с точки зрения лексико-семантического значения и синтаксической функции. Например:

— *Какие удивительные перевороты бывают, я это знаю: он был настоящий атеист.* — Атеист он. Как же! — *отвечает Дунечка, — просто и верно говорят мужики: бешеный барин.* («Он не атеист...») /М. Пришвин. Курымушка/.

При формировании фразеосхемы происходят существенные трансформации означающего, выражающиеся, прежде всего, в появлении обязательного неизменяемого (опорного) компонента. Например, во фразеосхеме-единстве «**Какой + N₁!**»¹:

— *Ты бы мне еще водочки, сестрица...* — **Какая там водочка!** Нельзя тебе больше, никак нельзя, миленький. («Водочки нельзя...») /М. Шолохов. Они сражались за Родину/.

С учетом коммуникативного смысла данной фразеосхемы невозможно установить синтаксический статус лексемы *водочка*, несмотря на ак-

туальность ее значения. Можно предположить, что это позиция дополнения (*Водочку ты не получишь*) или подлежащего (*Водочка тебе противопоказана*). Синтаксическая же позиция лексем *какая* (вопросительное местоимение) и *там* (*частица, разг.*, употребляется обычно при местоименных словах для придания оттенка несущественности, пренебрежения. Нашел каких-то *там* друзей) в силу их полной лексико-грамматической деактуализации не определяется.

Данный критерий (наличие/отсутствие опорного компонента) является абсолютным.

3. Сохранение в устойчивой модели синтаксического значения производящей свободной синтаксической конструкции обуславливает актуальность ее синтаксического анализа. Например:

— *Говори! А то я тебе покажу, где раки зимуют!* — **Боюсь я тебя!** — воскликнул Сеня, смело взглянув на Махана. — *Я не боюсь тебя!* («Не боюсь я тебя...») /Л. Кассиль. Чаша гладиатора/.

Во фразеосхеме в силу полной или частичной деактуализации синтаксических отношений между компонентами модели предложения синтаксический анализ невозможен вообще или допустим лишь частично. Например, во фразеосхеме-сравнении «**Где + V!**»²:

— *Ты нежная душа, размазня, где тебе ненавидеть!* («Ты не можешь ненавидеть...») /И. Тургенев. Отцы и дети/;

— *Ты пока еще в полете, ты оптимист, ты искатель, и мир для тебя хорош, ты молодой.* — **Где уж молодой...** — печально сказал Данилов. («Я не молодой...») /В. Орлов. Альтист Данилов/.

Алогичность прямой интерпретации данных примеров очевидна в силу логической несочетаемости вопросительного наречия *где* с глаголом *ненавидеть* и именем прилагательным *молодой* (нельзя *ненавидеть* или *быть молодым* в конкретном месте). Полнозначательные лексемы, входящие в состав данных высказываний, можно лишь формально отнести к сказуемому.

В некоторых случаях не совпадают даже морфологические показатели предполагаемого глагола-сказуемого в означающем и означаемом фразеосхемы, например:

— Обедню небось уже не служите? — спросил он при следующей встрече. — **Где там служить.** Прихожане по городам разбежались, сокровища ищут. («Не служим...») /И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев/.

Формальное и актуальное значения глагола-сказуемого в данном примере различны: *служить* (инфинитив) → *не служим* (настоящее время). Все это делает синтаксический анализ фразеосхем нерелевантным.

Данный критерий (актуальность/неактуальность синтаксического анализа) является все же относительным.

4. Отсутствие в составе означающего устойчивой модели опорного компонента обуславливает и отсутствие фактов деактуализации лексико-грамматического значения отдельных ее структурных компонентов.

В составе фразеосхемы одна или несколько лексем имеют статус опорного компонента, приобретаемый ими в результате частичной и полной утраты своего исходного значения: лексического, морфологического и синтаксического. Даже у фразеосхем-сочетаний, характеризующихся минимальной степенью фразеологизации, явление деактуализации/грамматикализации/лексикализации имеет место в той или иной степени. Например, во фразеосхеме «**Что + за + N₁!**»:

[Аграфена Кондратьевна:] ...Нужно мне очень смотреть, как ты греховодничаешь!.. Говорю тебе, не вертись! [Липочка:] **Что за грех такой!** Нынче все этим развлекаются. Раз... два... («В этом нет никакого греха...») /А. Островский. Свои люди — сочтемся/.

В составе данной фразеосхемы сочетание вопросительного местоимения с предлогом *что за* (обозначает вопрос о предмете, явлении, признаке, качестве, свойстве чего-либо и т. п.) практически полностью десемантизировано, о чем свидетельствует повествовательная (восклицательная) форма высказывания, а также отсутствие вопросительного знака в конце предложения.

Таким образом, результатом формирования фразеосхемы является грамматикализация ее синтаксической конструкции и закрепление за самой моделью предложения обобщенного значе-

ния утверждения, отрицания, положительной/негативной оценки и т. п.

Данный критерий (наличие/отсутствие деактуализации/грамматикализации/лексикализации компонентов синтаксической конструкции) является абсолютным.

5. Устойчивая модель заимствует синтаксическое значение у производящего предложения. Например:

— Такой боевитый — так и обжигает! — нескромно захихикав, сказала женщина. — **Слушай ее больше!** — воскликнул Иван горько. — Убить, да грех на душу брать неохота! (Слушай ее больше → Не слушай ее: простое предложение) /В. Шукшин. До третьих петухов/.

При формировании фразеосхемы синтаксическое значение производящей синтаксической конструкции часто трансформируется. Например, фразеосхема «**A то + Pron₁ + не + V!**», представляющая собой простое предложение со значением утверждения, сформирована на основе придаточной части сложноподчиненного предложения с причинно-аргументативным союзом *а то*, который присоединяет часть предложения или предложение при выражении причинного обоснования: «потому что», «поскольку». Например:

— Раз на коне ночью приехал к окну, пьяный. Просился. — Что ж, не пустила? — **A то пустить!** Я раз слово сказала, и будет! Твердо, как камень, — серьезно отвечала Марьяна. /Л. Толстой. Казаки/; ср.: У него [Сережи] дрогнула губа, но он скрепился; подходила Лидка, **при ней плакать не стоит, а то задразнит:** «Плакса! Плакса!» /В. Панова. Сережа/.

Фразеосхема-простое предложение «**Где + же + еще + V!**» образована на основе первой части фразеосхемы — сложноподчиненного предложения «**Где + <же> + еще + V [N, Pron, Adj, Adv], + как [если, коли (устар.)] + не + Adv. m. (места) (?)!**». Например:

Естественно. Бывшая торговая площадь. Рыночная. **Где же еще в старину сжигали?** Очистили место, натаскали из ближнего леса хвороста, собрались глазеть. /М. Харитонов. Стенография конца века. Из дневниковых записей/;

ср.: — Почему в Голландию и почему именно сейчас? — вопросы праздные. — **Где же еще развезть весенний сплин, как не в уютной и веселой стране?** /Е. Малик. Северная Бавария/.

Фразеосхема — простое предложение «Где + как + не + Adv. m.» образована на основе обеих частей фразеосхемы — сложноподчиненного предложения «Где + <же> + еще + V [N₁₋₆, Pron, Adj, Adv], + как [если, коли (устар.)] + не + Adv. m. (места)(?)!».

«Записки сумасшедшего» по праву могут быть названы «записками из подполья». **Где, как не в подполье, копил их герой свою боль и свои сарказмы? Он долго ждал, он терпел и, наконец, его прорвало.** /И. Золотусский. «Записки сумасшедшего» и «Записки из подполья»/;

ср.: Перед входом красовалась вывеска: «Общество охраны памятников», что было вполне понятно. От него до Кремля и Красной площади рукой подать, а **где ж еще охранять памятники, как не здесь, в самом сердце столицы?** /А. Маца-нов. Мастер и подмастерье/.

Данный критерий (наличие/отсутствие трансформации синтаксического значения производящей конструкции) является абсолютным.

6. При формировании устойчивой модели функциональный тип ее производящей синтаксической конструкции чаще сохраняется, например:

— Про меня, значит, разговор? — Ага, **про тебя!** Делать нечего! («Не про тебя...») /А. Толстой. Петр Первый/; ср.: — Про меня, значит, разговор? — Ага, **про тебя!** Весь день только про тебя и говорила! («Про тебя...»);

— Поддержали бы вы эту надежду, кузина? — **Поддержала бы!** Как же! («Не поддержала бы...») /И. Гончаров. Обрыв/; ср.: — Поддержали бы вы эту надежду, кузина? — **Поддержала бы!** Без всяких сомнений! («Поддержала бы...»).

Однако это не является обязательным признаком устойчивой модели, например:

— ...Я у вас завяла совсем. — **...Такая ли я была!** Я жила, ни об чем не тужила, точно птичка на воле. («Я была не такая: повествовательное (восклицательное) предложение») /А. Островский. Гроза/; ср.: — ...Я у вас завяла совсем. — **...Такая ли я была?** — Нет. Это ты у нас засохла. (вопросительное предложение).

При формировании фразеосхемы функциональный тип производящей синтаксической конструкции чаще изменяется. Например, фразеосхема «Куда + V!»² образована от фразеосхемы «Куда + V!»¹, которая, в свою очередь, сформирована на основе простого вопросительного предложения:

— Война все равно кончена. **Куда там воевать, когда уж все провоевали!** («Воевать не имеет смысла...») /А. Макаренко. Честь/;

ср.: — С толком надо учить, а у тебя одна улица на уме. **Куда она денется, твоя улица?** Никуда она не денется. А время пропустишь... («Никуда не денется...») /В. Шукшин. Забуксовал/;

ср.: — **Куда идти, господин майор?** — спросил я. Он молча показал саблей налево. («В каком направлении?») /В. Гаршин. Аясларское дело/.

Необязательность данной характеристики делает этот критерий (наличие/отсутствие трансформации функционального типа производящей синтаксической конструкции) относительным.

Заключение

Разграничение устойчивых моделей и фразеосхем представляет собой сложную проблему теории синтаксической фразеологии как в собственном теоретическом, так и во фразеографическом аспектах.

Все критерии их различения целесообразно делить на абсолютные, являющиеся обязательными и выполняющие функцию отграничения от иных классов СФЕ, и относительные (необязательные, факультативные).

К абсолютным критериям следует отнести следующие:

— характер переосмысления производящей синтаксической конструкции (переосмысливается отдельная лексема или вся синтаксическая конструкция в целом);

— наличие/отсутствие опорного компонента;

— наличие/отсутствие деактуализации/грамматикализации/лексикализации компонентов синтаксической конструкции;

— наличие/отсутствие трансформации синтаксического значения производящей конструкции.

В качестве относительных критериев выступают следующие:

- актуальность/неактуальность синтаксического анализа;
- наличие/отсутствие трансформации функционального типа производящей синтаксической конструкции.

ЛИТЕРАТУРА

Архангельский 1964 — Архангельский В. Л. *Устойчивые фразы в современном русском языке. Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии*. Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1964. 315 с.

Виноградов 1947 — Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке. В кн.: А. А. Шахматов. *Синтаксис русского языка*. М.-Л.: АН СССР, 1947. С. 140–161.

Добровольский 2016 — Добровольский Д. О. Грамматика конструкций и фразеология. *Вопросы языкознания*. 2016, (3): 7–21.

Меликян 2001 — Меликян В. Ю. Об основных типах нечленяемых предложений в русском языке. *Филологические науки. НДВШ*. 2001, (6): 79–89.

Меликян 2010 — Меликян В. Ю. Синтаксические фразеологические единицы русского языка. *Русский язык в школе*. 2010, (11): 55–60.

Меликян 2014 — Меликян В. Ю. *Современный русский язык. Синтаксическая фразеология*. М.: Флинта; Наука, 2014. 232 с.

Меликян 2016 — Меликян В. Ю. *Словарь экспрессивных устойчивых фраз: фразеосхемы и устойчивые модели*. М.: Флинта; Наука, 2016. 336 с.

Пиотровская 1998 — Пиотровская Л. А. К вопросу о синтаксической фразеологии. В кн.: *Славистический сборник*. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. С. 111–118.

Шведова 1980 — Шведова Н. Ю. (ред.) *Русская грамматика*. В 2 т. Т. 2. М.: Наука, 1980. 709 с.

Шведова 1960 — Шведова Н. Ю. *Очерки по синтаксису русской разговорной речи*. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 377 с.

Шмелев 1958 — Шмелев Д. Н. Экспрессивно-ироническое выражение отрицания и отрицательной оценки в современном русском языке. *Вопросы языкознания*. 1958, (6): 63–75.

Шмелев 1976 — Шмелев Д. Н. Синтаксически связанные конструкции-фразеосхемы. В кн.: *Синтаксическая членность высказывания в современном русском языке*. М.: Наука, 1976. 152 с.

Fillmore, Kay, O'Connor 1988 — Fillmore Ch. J., Kay P., O'Connor M. C. Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: The case of LET ALONE. *Language*. 1988, (3): 501–538.

Melikyan, Melikyan, Dzubenko 2017 — Melikyan V., Melikyan A., Dzubenko A. Syntactic phraseological units. Syntactic

phraseology. Phraseological subsystem of language. *Zeitschrift für Slawistik*. 2017, (1): 1–25. <https://doi.org/10.1515/slzw-2017-0002>

REFERENCES

Архангельский 1964 — Arkhangelsky V. L. *Stable phrases in the modern Russian language. Fundamentals of the theory of stable phrases and problems of general phraseology*. Rostov-on-Don: Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta Publ., 1964. 315 p. (In Russian)

Виноградов 1947 — Vinogradov V. V. On the main types of phraseological units in the Russian language. In: A. A. Shakhmatov. *Sintaksis russkogo iazyka*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1947. P. 140–161. (In Russian)

Добровольский 2016 — Dobrovolsky D. O. Constructions grammar and phraseology. *Linguistics Issues*. 2016, (3): 7–21. (In Russian)

Меликян 2001 — Melikyan V. Y. On the main types of indivisible sentences in the Russian language. *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*. 2001, (6): 79–89. (In Russian)

Меликян 2010 — Melikyan V. Y. Syntactic phraseological units of the Russian language. *Russian language at school*. 2010, (11): 55–60. (In Russian)

Меликян 2014 — Melikyan V. Y. *Modern Russian language. Syntactic phraseology*. Moscow: Flinta; Nauka Publ., 2014. 232 p. (In Russian)

Меликян 2016 — Melikyan V. Y. *Dictionary of expressive stable phrases: fixed phrase schemes and stable models*. Moscow: Flinta; Nauka Publ., 2016. 336 p. (In Russian)

Пиотровская 1998 — Piotrovskaya L. A. On the question of syntactic phraseology. In: *Slavisticheskii sbornik*. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 1998. P. 111–118. (In Russian)

Шведова 1980 — Shvedova N. Yu. (ed.) *Russian Grammar*. In 2 vols. Vol. 2. Moscow: Nauka Publ., 1980. 709 p. (In Russian)

Шведова 1960 — Shvedova N. Yu. *Essays on the syntax of the Russian colloquial speech*. Moscow, 1960. 377 p. (In Russian)

Шмелев 1958 — Shmelev D. N. An expressive and ironic expression of denial and negative evaluation in the modern Russian language. *Issues of linguistics*. 1958, (6): 63–75. (In Russian)

Шмелев 1976 — Shmelev D. N. Syntactically related constructions-fixed phrase schemes. In: *Syntactic divisibility of a statement in the modern Russian language*. Moscow: Nauka Publ., 1976. 152 p. (In Russian)

Fillmore, Kay, O'Connor 1988 — Fillmore Ch. J., Kay P., O'Connor M. C. Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: The case of LET ALONE. *Language*. 1988, (3): 501–538.

Melikyan, Melikyan, Dzubenko 2017 — Melikyan V., Melikyan A., Dzubenko A. Syntactic phraseological units. Syntactic phraseology. Phraseological subsystem of language. *Zeitschrift für Slawistik*. 2017, (1): 1–25. <https://doi.org/10.1515/slzw-2017-0002>

АССОЦИИАЦИИ НА СЛОВО *КАНИКУЛЫ* В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА В СОПОСТАВЛЕНИИ СО СПОНТАННЫМИ РАССКАЗАМИ КИТАЙЦЕВ О КАНИКУЛАХ

NATALIA V. BOGDANOVA-BEGLARIAN, ZHAO ZELI
ASSOCIATIONS PER WORD "HOLIDAYS" IN THE LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF NATIVE CHINESE SPEAKERS
IN COMPARISON WITH THE SPONTANEOUS STORIES OF THE CHINESE ABOUT THE HOLIDAYS

Наталья Викторовна Богданова-Бегларян

Доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка

► n.bogdanova@spbu.ru

Санкт-Петербургский
государственный университет,
Российская Федерация, 199034,
Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Natalia V. Bogdanova-Beglarian

Doctor of Philology,
Professor of Russian Language Department

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg,
199034, Russian Federation

Чжао Цзэли

Магистр лингвистики,
аспирант кафедры русского языка

► zhaozeli@mail.ru

Санкт-Петербургский
государственный университет,
Российская Федерация, 199034,
Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Zhao Zeli

Master of Linguistics, Postgraduate Student
of the Department of Russian Language

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg,
199034, Russian Federation

Объектом внимания в настоящей статье стали два набора ключевых слов (КС) на тему «Каникулы». Первый набор был выделен в ходе специального эксперимента из 20 спонтанных монологов на русском языке — рассказов китайцев о каникулах, взятых из корпуса русской монологической речи «Сбалансированная аннотированная текстовая». В эксперименте приняли участие 40 отечественных филологов. Второй набор КС был получен в ходе свободного ассоциативного эксперимента на слово *каникулы*, в котором приняли участие 146 носителей китайского языка, живущих (на момент участия в эксперименте) как в России, так и в Китае. Сопоставление результатов двух разных экспериментов показало большую близость полученных наборов КС, что обеспечило, в числе прочего, содержательную цельность записанных текстов. Предложенная методика ассоциативного эксперимента и поиска ключевых слов в устных монологах-рассказах представляется вполне перспективной при анализе корпусного материала, а полученные результаты могут быть полезны как в теоретическом, так и в практическом отношении. В первом случае можно говорить об изучении влияния *первичной языковой личности* на *вторичную языковую личность*, а также об особенностях формирования вторичной языковой личности, какой и является иностранец, изучающий второй язык. Во втором случае полученные данные позволяют понять, используют ли носители китайского языка, *говоря* и *думая* на неродном для них русском языке, одни и те же способы мышления, задействуют ли схожий лексикон, а также влияет ли пол говорящего на выбор того или иного слова. Результаты исследования могут быть полезны в практике преподавания русского языка для иностранной (в частности, китайской) аудитории.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, ключевое слово, спонтанный монолог, монолог-рассказ, коммуникативный сценарий, речевой корпус.

The article explores two sets of keywords (KW) on the topic “Holidays”. The first one was selected in the course of a special experiment consisting of 20 spontaneous monologues — stories about holidays — pronounced by Chinese in Russian. These monologues were taken from the corpus of Russian monologue speech “Balanced Annotated Text Library”. The experiment involved 40 native Russian speakers, all philologists, who have an idea of what a keyword is. The second set of KWs was obtained during a free association experiment on the word holidays, which was attended by 146 native Chinese speakers living (at the time of participation in the experiment) both in Russia and in China. Comparison of the results of two different experiments showed a great similarity of the obtained sets of KWs, which ensured, among other things, the content integrity of the recorded texts. The proposed method of associative experiment and

search for keywords in oral monologue-stories seems to be quite promising in the analysis of corpus material, and the results can be useful both in theoretical and practical terms. In the first case, we can talk about studying the influence of the primary linguistic personality on the secondary linguistic personality, as well as about the features of the formation of this secondary linguistic personality, which is a foreigner studying a second language. In the second case, the obtained data can help to understand whether native Chinese speakers, when speaking and thinking in their non-native Russian language, are using the same or different ways of thinking, same or different lexicon, and also whether the speaker's gender influences the choice of one or another word. These data can be useful in the practice of teaching the Russian language to a foreign (in particular, Chinese) audience.

Keywords: associative experiment, keyword, spontaneous monologue, monologue-story, communicative scenario, speech corpus.

Введение. Специфика устного спонтанного монолога

Вопросы изучения устной спонтанной речи привлекают в последние годы все большее внимание лингвистов разных направлений. Интерес этот вполне закономерен, так как устная форма существования языка является первичной и определяющей в жизни человека, она «...есть первое и истинное состояние языка, и всякий язык раскрывается в своей полноте только в живом употреблении, в речи **говорящего** лица» [Гумбольдт 1960: 68]. Возникло и активно развивается даже специальное направление лингвистики — *коллоквиалистика*, изучающая специфику разговорной речи как сферы коммуникации и особой разновидности языка [Девкин 1979; Скребнев 1985].

Одной из основных форм устной речи является *монолог*. По мнению Е. В. Ерофеевой, спонтанный монолог весьма репрезентативен для изучения, с одной стороны, спонтанности речи, с другой — характеристик (социальных, психологических, индивидуальных) говорящего [Ерофеева 2005: 116]. Первый аспект дает возможность исследователям ознакомиться с общими характеристиками спонтанной речи и особенностями ее цельности и связности на содержательном и формальном уровнях организации структуры, в целом отличающимися монолог от диалога. Второй аспект связан с тем, что в процессе коммуникации у говорящего нет собеседника, и ему не нужно «подстраиваться», поэтому «характери-

стики говорящего выражаются в естественной для него форме» [Ерофеева 2005: 116]. С учетом данных аспектов спонтанный монолог представляет собой весьма богатый материал для анализа языковых и речевых навыков как отдельного говорящего (языковой личности, идиолекта), так и группы говорящих со сходными социальными и/или психологическими характеристиками (того или иного социолекта) на достаточно глубоком уровне. И это касается не только носителей языка, на котором происходит общение, но и билингвов, например иностранцев, изучающих русский язык.

Спонтанные монологи в корпусе САТ построены в рамках четырех типичных *коммуникативных сценариев*, а именно: чтение (сюжетный/несюжетный исходный текст), пересказ (сюжетный/несюжетный исходный текст), описание изображения (также сюжетного или несюжетного), свободный рассказ на заданную тему [Звуковой корпус... 2013: 76–77]. Среди этих сценариев свободный рассказ на заданную тему имеет наименьшую степень *лингвистической мотивированности* и наибольшую степень *спонтанности* [Звуковой корпус... 2013: 87]. Такой монолог не только обладает признаками неподготовленности и необратимости, свойственными устной речи, но и не имеет никаких содержательных ограничений для информанта, кроме заданной темы. Именно эта особенность делает его интересным для исследования.

Причины выбора целевой аудитории

В настоящее время китайские студенты являются одной из основных групп иностранцев, изучающих русский язык. Благодаря успешному развитию современных российско-китайских отношений в различных сферах общественной деятельности, в том числе в сфере образования, их число увеличивается. По данным статистических исследований, общее количество китайских студентов, обучавшихся в вузах Российской Федерации в 2009/10 учебном году, составило 16 006 человек, уступив только студентам из государств — участников СНГ [Арефьев 2011: 18–20]. А к 2012 г. китайских студентов в России стало более 25 000 человек, и далее эта цифра возросла

почти в два раза, к 2019 г. достигнув 48 000 [Россия и Китай... 2021].

Как в учебных, так и в исследовательских целях важно поддерживать интерес китайских студентов к их собственной речи на русском языке. Однако существующие исследования русской речи китайцев явно недостаточны, они сосредоточены в основном на фонетике, а в лексико-грамматическом аспекте такой речи по большей части анализируются отклонения от норм кодифицированного русского литературного языка, из чего можно заключить, что всестороннего анализа особенностей русской монологической речи китайцев пока не проведено. Кроме того, из-за сложности сбора материала устной речи во многих работах анализ лексико-грамматических особенностей русской речи китайцев строится на письменных текстах. Использование реального устного материала для исследований в этой области также пока нет. Следовательно, выбор спонтанного монолога для всестороннего анализа лексико-грамматических особенностей русской речи китайцев можно считать обоснованным.

Материал и цель исследования

Материалом для анализа послужили 20 монологов-рассказов китайцев на тему «Как Вы проводите время на каникулах?» из корпуса русской монологической речи, созданного в СПбГУ и известного как «Сбалансированная аннотированная текстотека» (САТ) [Звуковой корпус... 2013; Богданова-Бегларян 2017; 2019].

Монолог-рассказ, в том числе на неродном языке, интересен во многих аспектах. Например, его можно рассматривать с точки зрения традиционной трехчастной структуры: *зачин* (вступление), *основная часть* и *концовка* (заключение) [Stubbs 2001: 11]. Монологи китайцев из корпуса САТ уже рассматривались в данном ключе [Чжао 2022а, б]. Оказалось, в частности, что текстов полной структуры в материале исследования только 35 %, а 20 % монологов вообще не имеют ни зачина, ни концовки. Единственной обязательной частью всех текстов является, таким образом, «ядро» монолога, его основная часть, посвященная каникулам. Именно она и стала объектом вни-

мания в настоящем исследовании, цель которого — установить экспериментальным путем, что именно стоит для носителей китайского языка за словом *каникулы* и насколько эти представления отразились в монологах-рассказах китайцев о каникулах.

Ход исследования и обсуждение результатов

Экспериментальной части исследования предшествовал обзор толковых словарей русского и китайского языков, которые дают несколько различающиеся дефиниции слова *каникулы*:

1. Перерыв в занятиях (в учебных заведениях; в некоторых странах также в работе парламента) на праздничное или летнее время [Ожегов 2006: 263].

2. Освобождение от учебы и работы на определенный срок для отдыха [Большой словарь китайского языка 2017: 567].

Видно, что в России каникулы бывают прежде всего у студентов и школьников, а в Китае — еще и у работников, в результате чего понятие *каникулы* включает в себя для китайцев и понятие 'отпуск'. Это различие, впрочем, мало повлияло на результаты нашего исследования, поскольку все китайские информанты на момент записи являлись студентами или аспирантами.

Собственно проведенное исследование включало в себя два этапа.

На первом этапе был проведен *ассоциативный эксперимент* (АЭ) на слово *каникулы*, в котором приняли участие 146 китайских и 10 русских (только для сравнения) респондентов. Результаты представлены в табл. 1.

В ходе эксперимента были получены наборы ключевых слов (КС), выражающих ассоциации респондентов на предложенное слово, а также тематические группы (ТГ), в которые удалось объединить полученные ассоциации.

По тематическим группам русские и китайцы показали очень близкие результаты: три ТГ («Отдых», «Настроение», «Развлечение») совпали в обеих группах респондентов, хоть и с разным процентным соотношением. Для китайцев самой важной в *каникулах* оказалась составляющая

Таблица 1. Сравнение данных ассоциативного эксперимента на слово КАНИКУЛЫ в русской и китайской аудиториях

Респонденты	Топ-5 ТГ	%	Топ-5 КС	Ранг
Китайцы	Отдых	21,4	<i>Отдых/отдыхать</i>	1
	Настроение	13,5	<i>Путешествие/путешествовать/поездка</i>	2
	Развлечения	11,4	<i>Лето/летний</i>	3
	Учеба/работа	10,5	<i>Спать/проспать/сон/спанье/много спать</i>	4
	Путешествия	7,9	<i>Веселый/веселые</i>	5
Русские	Развлечения	22,2	<i>Отдых</i>	1
	Отдых	20,8	<i>Друзья/Гулять</i>	2
	Место отдыха	8,3	<i>Чтение/Море/Лето</i>	3
	Друзья/общение	8,3	<i>Спорт/Радость/Солнце</i>	4
	Настроение	8,3	<i>Свободное время / Просмотр фильмов</i>	5

«Отдых» (21,4 %), без указания места отдыха. Кроме того, в топ-5 тематических групп для китайской аудитории попали «Учеба/работа» (10,5 %) и «Путешествия» (7,9 %). Для русских несколько важнее отдыха на каникулах оказались «Развлечения» (22,2 %) (тоже, впрочем, разновидность отдыха), «Место отдыха» и «Друзья/общение» (по 8,3 %).

В целом на материале китайских ассоциаций удалось выявить несколько больше тематических групп (14), чем на материале русских (11), что можно объяснить, в числе прочего, экстралингвистическими причинами. Так, китайцы, думая о каникулах, часто упоминают тему «Еда» (*еда, ресторан, блюда, вкусно/вкусное, мороженое, шашлык, арбуз, кухня, кушать, торт, вкусные блюда, кулинария, есть домашнюю еду*). Для студентов, живущих далеко от родины и в другой культурной среде, это вполне понятно. Еда имеет в сознании китайцев высокий статус, вот почему 吃了吗 (Вы поели?/ Ты поел?) — это обычное приветствие в Китае. Русские же студенты, живущие в холодном северном городе, закономерно мечтают о море и даче. Такое тематическое разнообразие ассоциаций у китайцев тем более примечательно, что они приводились на неродном для респондентов языке.

Наиболее частотными конкретными ассоциациями в обеих группах оказались слова *отдых* и *отдыхать* (ранг 1 в обоих случаях). В ранге 3 и в том и другом случае упоминается *лето*; китайцы

при этом заметно чаще русских мечтают в каникулы *путешествовать* и *спать*, а русские — *гулять с друзьями, заниматься спортом, читать и смотреть фильмы* (см. табл. 1). В китайских ассоциациях заметное место заняла тема «Ковид» (*вирус, границы, маска, страшно*), которая, видимо, затронула китайцев немного больше, чем русских.

Интересно, что в ассоциативном эксперименте, проводимом на неродном (русском) языке, китайские респонденты намеренно использовали единицы, которые редко или вообще не используются в китайском языке, но привычны для русского. Так, вместо словосочетания *домашнее задание* в китайском языке чаще используется выражение *задание после уроков* или просто *задание*, а слова *зачет* в значении 'вид проверочного испытания в учебных заведениях' в китайском языке просто не существует. Это можно рассматривать как влияние изучаемого языка (лексическую интерференцию).

На втором этапе исследования из 20 китайских рассказов о каникулах — также в ходе лингвистического эксперимента — были выделены *ключевые слова* и *словосочетания*, которые затем тоже были объединены в тематические группы. В этом эксперименте приняли участие 40 носителей русского языка, только филологи. Результаты эксперимента представлены в табл. 2.

Сравнение двух списков (топ-5) тематических групп по данным ассоциативного эксперимента (упрощенно говоря, «мечты» китайских студентов)

Таблица 2. Ключевые слова/словосочетания и тематические группы, выделенные в рассказах китайцев о каникулах

Ранг	ТГ	%	КС
1	Развлечения	19,8	кино/фильмы/кинотеатр; читать книгу; гулять; театр; слушать музыку; музей; телевизор
2	Путешествия	12,5	путешествие/путешествовать; достопримечательности
3	Учеба/работа	12,2	диссертация (заниматься, готовить, (много) читать/писать для диссертации); заниматься; работать; подготовиться к экзамену; домашнее задание; занята; учеба; тест; готовиться; аспирантура; заниматься чем-то серьезным; плодотворные каникулы; много дел; нет свободного времени
4	Друзья/подруги	11,0	друзья; подруга; встречаться с друзьями; общаться с друзьями; позвонить друзьям; обсуждать что-то интересное
5	Отдых	10,9	каникулы; время отдыха (в том числе на природе); ничего не делать; не надо работать/учиться; свободное время; выходные дни; время свободы; делать что хочу

и эксперимента по выделению КС в спонтанных монологах (упрощенно говоря, «реальность») показывает, что в основном «мечты» и «реальность» у испытуемых совпадают: это те же «Развлечения», «Путешествия», «Учеба/работа» и «Отдых». Изменились только ранги четырех основных ТГ: «Отдых» с первого места в «мечтах»/ассоциациях переместился на пятое в рассказах, остальные темы в ранжированном списке ТГ в группе «реальность» тоже поднялись выше: «Развлечения» с третьего места поднялись на первое (и «лидируют» в частотном списке с большим отрывом), «Путешествия» переместились с пятого места на второе, «Учеба/работа» — с четвертого на третье. Тематическая группа «Настроение», имевшая в «мечтах» второй ранг, в «реальности» совсем не попала в топ-5 ТГ, уступив место группе «Друзья/подруги».

Во второй таблице также приводятся ключевые слова и словосочетания, выделенные респондентами в ходе второго эксперимента. В каждой тематической группе КС выстроены по убыванию частотности.

Видно, что наибольшее лексическое разнообразие представлено в ТГ «Учеба/работа»: от общих слов *заниматься* и *работать* — до подробной детализации дел, связанных с диссертацией: *заниматься диссертацией, готовить диссертацию, (много) читать/писать для диссертации*. В эту же группу попали и такие конкретные КС, как *домашнее задание, экзамен, тест*, и оценоч-

ное выражение *плодотворные каникулы*, и единицы *занята, много дел, нет свободного времени*, также характеризующие студенческие каникулы, на 12,2 % наполненные, как оказалось, не отдыхом и развлечениями, а работой и учебой или, по крайней мере, мыслями о них.

Данные двух экспериментов для простоты были разделены на «мечты» (ассоциации на слово *каникулы*) и «реальность» (ключевые слова из реальных монологов-рассказов). Это разделение требует еще некоторых комментариев, поскольку на самом деле оно еще более условно, чем было заявлено.

Так, анализ структуры текстов на русском языке, записанных от китайцев [Чжао 2022а], показал, что содержание этих монологов, которые мы отнесли к «реальности», имеет три временных плана: 1) рассказы о настоящем — см. ниже примеры (1)–(2), 2) рассказы о будущем (3), 3) рассказы о прошлом (4)–(5):

- 1) *с-э последний последние годы/домой уезжаю* [н-н / какой-то компа-ании / или / сами с друзьями **работаем** / немножко **зарабатываем** (И13, муж., Э, С1, 26 лет);
- 2) *свободное время я обычно сл ы-н **смотрю*** [н-н телевизор <со смехом> / н-н и-и **читаю** (И14, жен., А, В2, 25 лет);
- 3) *там тоже мои друзья / и мы наверно / мы уже давно там не виделись / поэтому-у мы тоже там потус... **потусуем**. сл и после этого наверно я-я **вернуся** в-э свой дом / сл*

погуляю [каждый ночью] с с моём папом (И12, жен., А, С1, 26 лет);

- 4) в июне / в конце июня мы **закончили** [а семестр / ы и] ы после экзамена я сразу же **проехала** в Китай / н я-я н-н [вс... н в Китае н я-я **отдыхала** и н-н [и **погуляла** / ы-н вс... н-н [всего через сорок дней / ы-н я-я **вернулась**] в Россию опять (И6, жен., И, В2, 24 года);
- 5) во время летних каникул / сначала ко мне **приездили** моё [э-ы] в Россию мои-и [родители и мы вместе **путешествовал** по России / в Петербурге и в Москве / а потом / а-а [мы вместе **вернулись** в Китай (И2, муж., И, С1, 23 года).

Чаще всего (70 %) в корпусном материале встречается монолог о настоящем (действительно — «реальность»), но при этом очевидно, что монологи-рассказы о будущем далеки от «реальности» и, скорее, тоже тяготеют к студенческим «мечтам».

Кроме того, в текстах с любым временным планом встречаются конструкции откровенно «мечтательного» типа, содержащие разнообразные условные или модальные конструкции:

- 6) сейчас / **если** у меня **будет свободное время** / мп я тоже [я **бы ходила** с друзьями **погулять** / на Невском проспекте (И11, жен., И, С1, 25 лет);
- 7) иногда я тоже **хочу** с родителями [**вместе**] проводить [**время**. так [**мечтаю** о сопровождении их (И11, жен., И, С1, 25 лет);
- 8) **если я останусь в России** / допустим / я **бы поехал** в Мурманск за северное сияние / потому что это моя мечта (И12, жен., А, С1, 26 лет);
- 9) я **бы сначала-а** [**купил** путёвку / н **поехал** на-а востоке Китая / допустим / сл у-в Сычуане / ну потому что там тоже мой родной город (И12, жен., А, С1, 26 лет);
- 10) я **люблю** [ы-н [**купить**] одежду **одежду** на сайте / н-н [**смотреть**] ы-н **теле... телевидение** (И14, жен., А, В2, 25 лет);
- 11) и-и ну конечно **если** мп ы-н **вечером** [я-я **бы хотел** [ы **смотреть** ы **кино** с-ы друзьями / ы-н с девушками (И16, муж., А, В2, 24 года);

- 12) во время / в каникулах / я **могу** / ы-ы [**читать** книгу] дома / **сидеть** в на диване (И3, жен., И, В2, 24 года).

По примерам видно, что «мечты» информантов выражаются в их рассказах о каникулах не только с помощью временного плана или специальных конструкций, но и с использованием конкретных слов: **мечтаю** о сопровождении их [родителей] (7), **это моя мечта** (8). Ср. еще примеры такого типа:

- 13) наверное через месяц / я [**собираюсь** / н [в а н н н город Хай Ко / на путешествие / потому что / давно **мечталось** о море / а скорее всего о Китайском море (И7, жен., И, С1, 25 лет);
- 14) ну всё-таки / я-я ы **мечтаю** [о том что / а-а ч... чтобы [мо... мои каникулы / были прекрасными (И7, жен., И, С1, 25 лет).

Обращает на себя внимание лексико-грамматическое разнообразие однокоренных лексем с корнем *мечт-*: **мечта**, **мечтаю**, **мечталось**, что, впрочем, отмечено только в монологах информантов с уровнем С1.

Далее были сопоставлены результаты, полученные в ходе двух проведенных экспериментов (данные АЭ), с данными «Русского ассоциативного словаря» (данные РАС) [<http://thesaurus.ru/dict/>] (см. табл. 3).

Из сопоставления данных следует, что ассоциации в двух списках совпадают разве что в тематических группах «Отдых» и «Настроение», хотя ранг этих групп у китайской аудитории АЭ (соответственно 1 и 2) выше, чем в словаре (соответственно 4–6 и 3). «Словарные» ассоциации часто очень формальные (*летние, зимние, весенние, школьные, кончились, начались, приходят, пришли*) и фактически не отражают содержания слова *каникулы*, тогда как в проведенном эксперименте содержание анализируемого слова определенно находится на первом месте. За ассоциациями китайских респондентов «видны» именно студенты, озабоченные своими научными работами и домашними заданиями (*диссертация, работать, статья, экзамен, предзащита*), оторванные от родины и скучающие по дому (*дом, семья, родители, родина*), но при этом молодые и нуждающиеся во

Таблица 3. Сопоставление тематических групп и основных ключевых слов/словосочетаний по данным ассоциативного эксперимента и «Русского ассоциативного словаря»

Ранг	Топ-5 ТГ (данные АЭ)	%	Топ-6 ТГ (данные РАС)	%
1	Отдых (<i>отдых, спать, свобода, отпуск...</i>)	21,4	Время отдыха (<i>лето, летние, зимние, весенние, скоро, далеко</i>)	25,6
2	Настроение (<i>веселый, отлично, радость, счастье...</i>)	13,5	Качество/свойство (<i>короткие, большие, идут, кончились, начались, приходят, пришли</i>)	20,5
3	Развлечения (<i>играть, гулять, сериал, пиво...</i>)	11,4	Настроение (<i>ура! великолепно, весело, веселые, люблю</i>)	17,9
4–6	Учеба/работа (<i>диссертация, работать, статья...</i>)	10,5	Отдых (<i>безделье, отдых</i>)	10,3
4–6	Путешествия (<i>путешествие, поездка, зарубежье, ехать, машина...</i>)	7,9	Школа (<i>школа, школьники, школьные, vacation</i>)	10,3
4–6	–	–	Разное (и не всегда понятное) (<i>Кроша, звезды, потому что</i>)	10,3

время каникул в физическом отдыхе (*спать, ничего не делать, свобода*), развлечениях (*играть, гулять, сериал, пиво*) и путешествиях. В РАС совсем нет упоминания ни о развлечениях, ни о путешествиях, ни, тем более, о работе или учебе. В этом отношении разница между русскими и китайскими студентами в нашем эксперименте значительно меньше (см. табл. 1), чем между ассоциациями социально однородной группы говорящих и обезличенными ассоциациями русских информантов в словаре.

Именно социально окрашенные ассоциации на слово *каникулы* нашли отражение в наборе ключевых слов, выделенных из рассказов китайцев о каникулах. Проведенные эксперименты показали, таким образом, близость наборов КС и данных АЭ, полученных от носителей китайского языка. Можно даже сказать: *у кого что болит, тот о том и говорит*. Детальный анализ ключевых слов в свободных монологах китайцев позволяет говорить даже о некоторых гендерных предпочтениях. Так, информанты-девушки в своих рассказах о каникулах много говорили о домашних делах (*стирать, уборка, магазин, готовить, рецепт, вкусно*), а информанты-юноши — о баскетболе, ресторане и пиве. Респонденты хорошо почувствовали эти предпочтения и выделили данные лексические единицы как КС.

Заключение

Предложенную методику ассоциативного эксперимента и поиска ключевых слов в устных монологах-рассказах можно признать вполне перспективной при анализе корпусного материала. Полученные данные могут быть использованы не только для объяснения того, почему китайцы используют именно вышеперечисленные слова, говоря о каникулах, но и могут помочь понять, используют ли носители китайского языка, говоря и думая на неродном русском языке, одинаковые или разные способы мышления, задействуют ли при этом одинаковый или разный лексикон, а также влияет ли пол говорящего на выбор того или иного слова.

Кроме того, результаты данной работы могут быть использованы для исследования влияния *первичной языковой личности* на *вторичную языковую личность*, а также на формирование этой вторичной языковой личности, какой и является иностранец, изучающий второй язык.

ИСТОЧНИКИ

Арефьев 2011 — Арефьев А.Л., Шереги А.Ф. (сост.). *Обучение иностранных граждан в высших учебных заведениях Российской Федерации*. Статистический сб. Вып.8. М.: ЦСПиМ, 2011. 173 с.

Большой словарь китайского языка 2017 — *Большой словарь китайского языка*. Шанхай: Изд-во словарей, 2017. 1334 с.

Ожегов 2006 — Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: А ТЕМП, 2006. 944 с.

<http://www.russia.edu.ru/rus/levels> — *Российская государственная система тестирования иностранных граждан*.

Россия и Китай... 2021 — *Россия и Китай достигли уровня академической мобильности в 100 тысяч человек*. URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=26080 (дата обращения: 04.11.2021).

Русский ассоциативный словарь 2022 — *Русский ассоциативный словарь*. URL: <http://thesaurus.ru/dict/> (дата обращения: 05.04.2022).

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова 1990 — Арутюнова Н. Д. *Прагматика. Лингвистический энциклопедический словарь*. Ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 389–390.

Баранов 2001 — Баранов А. Н. *Введение в прикладную лингвистику*. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 360 с.

Баранов 1987 — Баранов А. Н. *Категории искусственно-го интеллекта в лингвистической семантике. Фреймы и сценарии*. Сер.: Актуальные проблемы прикладного языкознания. М.: ИНИОН, 1987. 55 с.

Барт 1989 — Барт Р. Гул языка. *Р. Барт. Избранные работы. Семиотика. Поэтика*. Сост., общ. ред. и вступ. статья Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. С. 541–544.

Богданова 2006 — Богданова Н. В. О единице описания синтаксической структуры устного спонтанного монолога: проблемы, методики, гипотезы. В сб.: ...*Слово отзовется. Памяти А. С. Штерн и Л. В. Сахарного*. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2006. С. 288–293.

Богданова-Бегларян 2017 — Богданова-Бегларян Н. В., Шерстинова Т. Ю., Зайдес К. Д. Корпус «Сбалансированная аннотированная текстотека»: методика многоуровневого анализа русской монологической речи. В сб.: *Анализ разговорной русской речи (АР³-2017): Труды седьмого междисциплинарного семинара*. Науч. ред. Д. А. Кочаров, П. А. Скрелин. СПб.: Политехника-принт, 2017. С. 8–13.

Богданова-Бегларян 2019 — Богданова-Бегларян Н. В., Блинова О. В., Зайдес К. Д., Шерстинова Т. Ю. Корпус «Сбалансированная аннотированная текстотека» (CAT): изучение специфики русской монологической речи. В сб.: *Труды ИРЯ им. В. В. Виноградова. Вып. 21. Национальный корпус русского языка: исследования и разработки*. Гл. ред. А. М. Молдован. Отв. ред. вып. В. А. Плунгян. М., 2019. С. 111–126.

Бурая 2017 — Бурая Е. А. Аккомодация в процессе коммуникации. *Вестник Московского государственного лингвистического университета*. Гуманитарные науки. 2017, 3 (771): 9–21.

Гумбольдт 1960 — Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода. В сб.: В. А. Звегинцев. *История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях*. Часть. I. М.: Учпедгиз, 1960. С. 68–86.

Девкин 1979 — Девкин В. Д. *Немецкая разговорная речь. Синтаксис и лексика*. М.: Международные отношения, 1979. 256 с.

Ерофеева 2005 — Ерофеева Е. В. *Вероятностные структуры идиомов*. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2005. 320 с.

Звуковой корпус... 2013 — *Звуковой корпус как материал для анализа русской речи: коллективная монография. Часть 1. Чтение. Пересказ. Описание*. Отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2013. 532 с.

Литвинова 2022 — Литвинова Т. А., Заварзина В. А. Семантическая близость реплик собеседников в устном и клавиатурно-опосредованном письменном диалоге: пилотное исследование. В сб.: *Тезисы 50-й Междунар. науч. филол. конф. им. Л. А. Вербицкой*. СПб.: СПбГУ, 2022. С. 446–447.

Минский 1978 — Минский М. Структура для представления знаний. В сб.: *Психология машинного зрения*. Пер. В. Л. Стефанюка; ред. П. Уинстон. М.: Мир, 1978. С. 249–338.

Норман 1998 — Норман Д. Синтаксические сети. В сб.: *Психология памяти*. Ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. Я. Романов. М.: ЧеРо, 1998. С. 350–370.

Попова 2022 — Попова Т. И. *Социальные роли говорящего в повседневной коммуникации на русском языке: гендерный аспект*. Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2022. 133 с.

Скребнев 1985 — Скребнев Ю. М. *Введение в коллоквиалистику*. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1985. 210 с.

Чжао 2022a — Чжао Ц. Особенности построения монолога-рассказа на неродном языке (на материале русской речи китайцев). В сб.: *Тезисы 50-й Междунар. науч. филол. конф. им. Л. А. Вербицкой*. СПб.: СПбГУ, 2022a. С. 452–453.

Чжао 2022b — Чжао Ц. Особенности построения устного монолога-рассказа на родном и неродном языке: начало текста (на материале речи китайцев). В сб.: *Категории языка и мышления: аспекты современной интерпретации*. М-лы междуна. науч. конф. Петрозаводск: ПетрГУ, 2022b. С. 149–151.

Чэн 2021 — Чэн Ч. *Хезитации в русской устной речи носителей китайского языка*. СПб.: Нестор-История, 2021. 231 с.

Шевченко 2016 — Шевченко Т. И. *Социофонетика. Национальная и социальная идентичность в английском произношении*. М.: Ленанд, 2016. 240 с.

Шенк 1980 — Шенк Р. *Обработка концептуальной информации*. М.: Энергия, 1980. 360 с.

Abelson 1973 — Abelson R. P. The Structure of Belief Systems In: *Computer Models of Thought and Language*. R. Schank, K. Colby (eds). San Francisco: W. H. Freeman and Co, 1973. P. 287–339.

Bartlett 1932 — Bartlett F. C. *Remembering: A Study in Experimental and Social Psychology*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1932. 317 p.

Coupland 1991 — Coupland N., Giles H., Wiemann J. *“Miscommunication” and Problematic Talk*. Newbury Park, CA: Sage, 1991. 374 p.

Giles 1973 — Giles H. Accent Mobility: A Model and Some Data. *Anthropological Linguistics*. University of Nebraska Press. 1973, 15 (1): 87–105.

Minsky 1988 — Minsky M. *The Society of Mind*. New-York, London: Touchstone Book, 1988. P. 244–272.

Schank 1972 — Schank R. Conceptual Dependency: A Theory of Natural Language Understanding. *Cognitive Psychology*. 1972, 3 (4): 552–631.

Stubbs 2001 — Stubbs M. *Words and Phrases: Corpus Studies of Lexical Semantics*. Oxford, Blackwell, 2001. 11 p.

Troshchenkova 2020 — Troshchenkova E. V., Blinova O. V. Pragmatic Markers in the Aspect of Communicative Alignment. *Vestnik Volgogradskogo gos. un-ta. Seria 2. Yazykoznanie*. 2020, 19 (3): 49–58.

DICTIONARIES AND OTHER RESOURCES

Арефьев, Шереги 2011 — Aref'ev A. L., Sheregi A. F. *Education of Foreign Citizens in Higher Educational Institutions of the Russian Federation*. Iss. 8. Moscow: CSPM Publ., 2011. 173 p. (In Russian)

Большой словарь китайского языка 2017 — *Large Dictionary of the Chinese Language*. Shanghai: Izd-vo slovary Publ., 2017. 1334 p. (In Chinese)

Ожегов, Шведова 2006 — Ozhegov S. I., Shvedova N. Iu. *Explanatory Dictionary of the Russian Language*. Moscow: A TEMP Publ., 2006. 944 p. (In Russian)

<http://www.russia.edu.ru/rus/levels> — *Russian State System for Testing Foreign Citizens*. (In Russian)

Россия и Китай... 2021 — *Russia and China Reached the Level of Academic Mobility of 100,000 People*. Available at: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=26080 (accessed: 04.11.2021). (In Russian)

Русский ассоциативный словарь 2022 — *Russian Associative Dictionary*. Available at: <http://thesaurus.ru/dict/> (accessed: 05.04.2022). (In Russian)

REFERENCES

Арутюнова 1990 — Arutiunova N. D. Pragmatics. In: *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'*. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1990. P. 389–390. (In Russian)

Баранов 1987 — Baranov A. N. *Categories of Artificial Intelligence in Linguistic Semantics. Frames and scripts. Series: Actual Problems of Applied Linguistics*. Moscow: INION Publ., 1987. 55 p. (In Russian)

Баранов 2001 — Baranov A. N. *Introduction to Applied Linguistics*. Moscow: Editorial URSS Publ., 2001. 360 p. (In Russian)

Барт 1989 — Bart R. Hum Language. In: R. Bart. *Izbrannyye raboty. Semiotika. Poetika*. Moscow: Progress Publ., 1989. P. 541–544.

Богданова 2006 — Bogdanova N. V. On the Unit of Description of the Syntactic Structure of an Oral Spontaneous Monologue: Problems, Methods, Hypotheses. In: *Slovo otzovetsia. Pamiati A. S. Shtern i L. V. Sakhar'nogo*. Perm': Perm. Univ. Publ., 2006. P. 288–293. (In Russian)

Богданова-Бегларян и др. 2017 — Bogdanova-Beglarian N. V., Sherstinova T. Iu., Zaides K. D. Corpus “Balanced Annotated Text Library”: a Technique for Multilevel Analysis of Russian Monologue Speech. In: *Analiz razgovornoj russkoi rechi (AR³-2017): Trudy sed'mogo mezhdistsiplinarnogo seminara*. St Petersburg: Politekhnik-a-print Publ., 2017. P. 8–13. (In Russian)

Богданова-Бегларян и др. 2019 — Bogdanova-Beglarian N. V., Blinova O. V., Zaides K. D., Sherstinova T. Iu. Corpus “Balanced Annotated Text Library” (SAT): Studying the Specifics of Russian Monologue Speech. In: *Trudy Instituta russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova*. Vyp. 21. Natsional'nyi korpus russkogo iazyka: issledovaniia i razrabotki. Moscow, 2019. P. 111–126. (In Russian)

Буряя 2017 — Buraia E. A. Accommodation in the Process of Communication. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*. Vyp. 3 (771). Moscow, 2017: 9–21. (In Russian)

Гумбольдт 1960 — Gumboldt V. fon. On the Difference in the Structure of Human Languages and Its Influence on the Spiritual Development of the Human Race. In: *Istoriia iazykoznaniiia XIX i XX vekov v ocherkakh i izvlecheniiakh. Part I*. Moscow: Uchpedgiz Publ., 1960. P. 68–86. (In Russian)

Девкин 1979 — Devkin V. D. *German Colloquial Speech: Syntax and Vocabulary*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 1979. 256 p. (In Russian)

Ерофеева 2005 — Erofeeva E. V. *Probabilistic Structures of Idioms*. Perm': Perm. Univ. Publ., 2005. 320 p. (In Russian)

Звуковой корпус... 2013 — *Speech Corpus as a Material for the Analysis of Russian Speech. Collective Monograph. Part 1. Reading. Retelling. Description*. St. Petersburg: Philol. Faculty of St. Petersburg Univ. Press, 2013. 532 p. (In Russian)

Литвинова, Заварзина 2022 — Litvinova T. A., Zavarzina V. A. Semantic Proximity of Interlocutors' Remarks in Oral and Keyboard-Mediated Written Dialogue: a Pilot Study. In: *Tezisy 50-i Mezhdun. nauch. filol. konf. imeni L. A. Verbitskoi*. St. Petersburg: St Petersburg Univ. Press, 2022. P. 446–447. (In Russian)

Минский 1978 — Minskii M. Structure for Knowledge Representation. In: *Psikhologiya mashinnogo zreniia*. Moscow: Mir Publ., 1978. P. 249–338. (In Russian)

Норман 1998 — Norman D. *Psychology of Memory*. Moscow: CheRo Publ., 1998. P. 350–370. (In Russian)

Попова 2022 — Popova T. I. *The Social Roles of the Speaker in Everyday Communication in Russian: Gender Aspect*. PhD Thesis. St Petersburg, 2022. 133 p. (In Russian)

Скребнев 1985 — Skrebnev Iu. M. *Introduction to Colloquialism*. Saratov: Saratov Univ. Publ., 1985. 210 p. (In Russian)

Чжао Цзэли 2022a — Zhao Zeli. Features of the Construction of a Monologue-Story in a Non-Native Language (Based on the Russian Speech of the Chinese). In: *Tezisy 50-i Mezhdun. nauch. filol. konf. imeni L. A. Verbitskoi*. St. Petersburg: St. Petersburg Univ. Press, 2022a. P. 452–453.

Чжао Цзэли 2022b — Zhao Zeli. Features of the Construction of an Oral Monologue-Story in the Native and Non-Native Languages: the Beginning of the Text (on the Material of Chinese Speech). In: *Kategorii iazyka i myshleniia: aspekty sovremennoi interpretatsii. Materialy mezhdun. nauch. konf.* Petrozavodsk: Petrozavodsk State Univ. Publ., 2022b. P. 149–151.

Чэн Чэнь 2021 — Chen Ch. *Hesitations in Russian Speech of Native Chinese Speakers*. St Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2021. 231 p. (In Russian)

Шевченко 2016 — Shevchenko T. I. *Sociophonetics. National and Social Identity in English Pronunciation*. Moscow: Lenand Publ., 2016. 240 p. (In Russian)

Шенк 1980 — Shenk R. *Processing of Conceptual Information*. Moscow: Energiya Publ., 1980. 360 p. (In Russian)

Abelson 1973 — Abelson R. P. The Structure of Belief Systems. In: *Computer Models of Thought and Language*. San Francisco: W. H. Freeman and Co, 1973. P. 287–339.

Bartlett 1932 — Bartlett F. C. *Remembering: A Study in Experimental and Social Psychology*. Cambridge: Cambridge University Press, 1932. 317 p.

Coupland et al. 1991 — Coupland N., Giles H., Wiemann J. “Miscommunication” and Problematic Talk. Newbury Park, CA: Sage, 1991. 374 p.

Giles 1973 — Giles H. Accent Mobility: A Model and Some Data. *Anthropological Linguistics*. University of Nebraska Press. 1973, 15 (1): 87–105.

Minsky 1988 — Minsky M. *The Society of Mind*. New-York, London: Touchstone Book, 1988. P. 244–272.

Schank 1972 — Schank R. Conceptual Dependency: A Theory of Natural Language Understanding. *Cognitive Psychology*. 1972, 3 (4): 552–631.

Stubbs 2001 — Stubbs M. *Words and Phrases: Corpus Studies of Lexical Semantics*. Oxford, Blackwell, 2001. 11 p.

Troshchenkova, Blinova 2020 — Troshchenkova E. V., Blinova O. V. Pragmatic Markers in the Aspect of Communicative Alignment. *Vestnik Volgogradskogo gos. un-ta. Seriya 2. Iazykoznanie*. 2020, 19 (3): 49–58.

ТОЧНОСТЬ РЕЧИ И ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ РОДА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ*

ELLA G. KULIKOVA

SPEECH ACCURACY AND GRAMMATICAL CATEGORY OF GENDER IN MODERN RUSSIAN

**Элла Германовна
Куликова**

Доктор филологических наук,
профессор, профессор кафедры
массовых коммуникаций

► kulikova_ella21@mail.ru

Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы,
Российская Федерация, 117198,
Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

Ella G. Kulikova

Doctor in Philology, Professor, Professor of the
Mass Communications Department

Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba,
6, ul. Miklukho-Maklaia, Moscow,
117198, Russian Federation

В последнее время внимание исследователей привлекают активизировавшиеся в русском языке вообще и в медийном пространстве в частности разнотипные феминитивы. Цель статьи — описать феминитивы с учетом родовых и гендерных корреляций в аспекте текстовой категории точности. Цель определила выбор адекватных методов исследования, в качестве которых использовались контекстуальный и лингвопрагматический анализ. В статье представлен расширительный ракурс проблемы феминитивов — в контексте функционирования категории грамматического рода в целом. Сделаны наблюдения относительно возможности категории рода и в особенности феминных образований способствовать формированию предметной, понятийной и эмоционально-эстетической (элокутивной) точности. Материалом для статьи послужили медиатексты 2022 г. Установлено наличие значимых для феминитивов корреляций по роду, которые включают в качестве нейтрального и немаркированный элемент, который реализует понятийную точность. Выбор такой единицы определяется ее регулярностью и лаконичностью, а реализуемая ею понятийная точность обеспечивает закономерную адекватность в восприятии текста любым адресатом. Маркированный член оппозиции — феминитив в прямом значении — формирует и реализует предметную точность. Еще один маркированный член оппозиции — феминитив в прямом значении — формирует и реализует предметную точность, а также эмоционально-экспрессивную (элокутивную) точность как категорию наиболее высокого уровня. Следовательно, привативная грамматическая оппозиция по роду может рассматриваться как двучленная с наличием следующих вариантов моделей: немаркированный мужской род — маркированный женский (феминитив в прямом значении); немаркированный мужской род — маркированный женский (феминитив в переносном значении). Представляется возможным также рассматривать грамматическую оппозицию по роду как трехэлементную: немаркированный мужской род — маркированный женский (феминитив в прямом значении) — маркированный женский (феминитив в переносном значении) с учетом контекстуальной обусловленности и реализации категории точности.

Ключевые слова: феминитивы, качества хорошей речи, понятийная точность, элокутивная точность, грамматическая категория рода, привативная грамматическая оппозиция.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОНРЮО в рамках научного проекта № 21-512-07001.

The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research and Ministry of Education and Science of the Republic of South Ossetia, project number 21-512-07001.

The author argues that recently research attention has been attracted by the various structural femininitives that have become more active in the Russian language in general and in the media space in particular. The purpose of the article is to describe femininitives taking into consideration generic and gender correlations in the aspect of the textual category of accuracy. This purpose has determined the choice of adequate research methods, which used methods of contextual and linguopragmatic analysis. The article presents an expansive view of the problem of femininitives — in the context of the functioning of the grammatical gender category as a whole. Observations are made on the possibility of the gender category in general and temporary formations in particular to contribute to the formation of object, conceptual and emotional and aesthetic (elocutionary) accuracy. The article is based on the 2022 media texts. The correlations relating to gender significant for femininitives has been detected, which include an unmarked element as neutral one, implementing conceptual accuracy. The choice of such a unit is determined by its regularity and conciseness, and the conceptual accuracy implemented by it ensures a natural adequacy in the perception of the text by any addressee. The marked member of the opposition, in particular the femininitive in the direct meaning, forms and implements the object accuracy. Another marked member of the opposition, the femininitive in the direct meaning, represents emotional and expressive (eloquent) accuracy as the category of the highest level. Thus, the privative grammatical opposition relating to gender can be considered as binomial with the following variants of models: unmarked masculine gender — marked feminine gender (femininitive in the direct meaning); unmarked masculine gender — marked feminine gender (femininitive in the figurative meaning). It is also possible to analyse grammatical opposition relating to gender as a three-element one: unmarked masculine gender — marked feminine gender (femininitive in the direct meaning) — marked feminine (femininitive in the figurative meaning), taking into consideration contextual conditionality and the implementation of the accuracy category.

Keywords: femininitives, features of good speech, conceptual accuracy, eloquent accuracy, grammatical category of gender, privative grammatical opposition.

Введение

Категория рода личных имен существительных, как известно, представляет собой привативную грамматическую оппозицию с маркированным женским родом. Выбор немаркированного (мужской род) или маркированного (женский род) члена оппозиции определяется комплексом факторов, к которым относится и жанровая принадлежность текста. Так, тексты информационных и аналитических жанров, главная коммуникативная цель которых состоит в информировании и рациональном убеждении аудитории, редко включают эмоционально окрашенную лексику

[Мельникова 2014: 95], в том числе и феминитивы, многие из которых нередко связаны с различными коннотациями (чаще всего пейоративными). Публицистические тексты с их неперенными доводами к этосу и пафосу часто содержат и полукодифицированные феминитивы [Табаква 2018: 278]. «Выбор между номинацией мужского рода и феминитивом-неологизмом, либо женской номинацией, имеющей отрицательную или сниженную коннотацию, может определяться коммуникативными задачами, которые решает автор медиатекста» [Кобяков 2022: 47]. В любом случае к коммуникативным задачам всегда относится формирование одного из главных качеств хорошей речи — точности (в одной из ее разновидностей — предметной, понятийной или элокутивной).

Материалы и методы

Материал для статьи черпался из современных источников — главным образом актуальных публикаций и медиатекстов 2022 г. Формирование разных типов точности (предметной, понятийной и эмоционально-эстетической) с помощью форм грамматического рода существительных проанализировано с применением лингвопрагматического метода и контекстуального анализа.

Дискуссия

Категория рода в целом сегодня привлекает гораздо меньше исследовательского внимания, чем одна из частных проблем — проблема адекватного использования феминитивов. В многочисленных статьях, посвященных феминитивам, общим местом стало утверждение о том, что русский язык последнего десятилетия стал гораздо более терпимым к нестандартным образованиям типа *авторка, блогерка, режиссерка* [Беркутова 2018; Беркутова 2019; Бобылева 2021; Гузаерова 2021; Зауэр 2020; Мазикина 2020; Пугачева 2019; Фуфаева 2020]. Заметим, что это касается не только языка медиа, но и официальных сфер, куда совсем недавно доступ подобных форм был невозможен. Ср. феминитивы в тексте введения в работе М. П. Бобылевой «Мы так говорим» [Бобылева 2021]: «Есть еще книга *лингвистики* Ирины Фуфаевой “Как называются женщины” <...> Спасибо

психологине Заре Арутюнян, с которой мы весело и продуктивно провели не одну публичную дискуссию...» Основной текст указанной работы также изобилует феминитивами: «Вот что пишет активистка и **научная редакторка** издания “Нож” <...> “В последнее время, особенно это заметно среди молодежи, дискурс смещается от вопросов сексуальной ориентации в сторону гендерной идентичности”, — рассказывает Юлия Малыгина, **директорка** организации “ЛГБТКИА Москва”».

Как известно, феминитивы этимологически коррелируют с социальными факторами, такими как приобщение женщин к высшему образованию (вторая половина XIX в.) и новым профессиям (первая треть XX в.). Именно это привело к лавинообразному росту соответствующих номинаций — *адвокатка, историчка, филологичка* в XIX в. и *избачка, вузовка, птицеводка* и т. д. в первые годы советской власти. Однако большинство таких новообразований не стали узусом и нормой: язык, особенно в его официально-деловой разновидности, по-прежнему предпочел обходиться наименованиями мужского рода. При чем оказалось, что категория рода проявляет себя в этой сфере как «капризно-нерегулярная»: если феминитив *учительница* стал узуальным (при известном ограничении в официально-деловом стиле), то *врачиха, докторша* так и остались на периферии языка, а от слов *хирург, стоматолог, педиатр* и многих других и вовсе не образуются женские корреляты, несмотря на распространенность профессии среди женщин. Последнее обстоятельство в рамках гендерной лингвистики, которая во многом находится под влиянием идей феминизма, расценивается как проявление собственного европейским языкам андроцентризма: считается, что таким образом в языке завуалированно отражается превосходство мужчин. Но если в английской лингвокультуре под влиянием идей политкорректности происходит искусственное исключение единиц с сексистскими суффиксами (например, в лексикографии), то в современном русском языке, напротив, появляются единицы, подчеркнуто указывающие на женский пол — *авторка, блогерка, директорка, режиссерка* и т. д. Такие наименования редко являются нейтральными

в стилевом и эмоционально-экспрессивно отношении.

Совсем недавно основной функцией новых (или активизировавшихся старых) феминитивов справедливо считалось выражение пейоративности (что во многом обусловлено исторически — например, изначальным пейоративным характером суффиксов типа *-их*) в разные ее вариациях — ирония, сарказм, насмешка, осуждение, порицание и т. п. Однако в настоящее время феминитивы (особенно с суффиксом *-к*) все чаще используются в нейтральных контекстах (см. приведенные выше примеры). «Если еще несколько лет назад слово *авторка* можно было встретить только в узком кругу активисток, то сейчас *блогерки, кураторки и организаторки* становятся мейнстримом», — пишет М. П. Бобылева [Бобылева 2021: 211]. Действительно, то, что совсем недавно многим представлялось «феминистским чудачеством», активно завоевывает первые позиции. В интервью 1996 года кинорежиссер Э. А. Рязанов сказал, что делает телепередачи о тех актрисах, которых «...считает своими единомышленницами, если есть такое слово» [Мелихова 2008: 71]. Вряд ли сегодня, когда в официальных документах, размещенных на сайте Московского Международного кинофестиваля 2019 года, зафиксирована форма *режиссерка* (см. подробнее: <https://45.moscowfilmfestival.ru/archives/year-2019>), можно усомниться в узуальности слова *единомышленница*.

Как известно, в привативной родовой оппозиции имен существительных с семантикой лица (как антропонимов, так и апеллативов) немаркированный мужской род и маркированный женский выполняют разные функции. Мужской род пригоден для обобщенного высказывания, недаром обобщенно-собирательное значение категории числа существительных опирается именно на мужской род (*зритель, читатель* и др.) Существительные мужского рода с индивидуальной семантикой легко приобретают обобщенно-собирательное значение, а также значения класса, эталонного представителя (которое называют также «экземплифицирующим»; см.: [Ляшевская 2004: 18]), в то время как женские корреляты, даже самые узуальные, в таких значениях не отмечены. Характерная для обобщенно-собирательного зна-

чения сочетаемость (типа *широкий зритель, массовый зритель*) невозможна для женского коррелята (**широкая зрительница, массовая зрительница*) (см. подробнее: [Архипкина 2005: 118]).

Мужской и женский корреляты антропонимов изначально нацелены на передачу разных типов точности. Еще Б.Н. Головин [1988] различал точность предметную и понятийную. Первая основана на корреляции языкового выражения и реальной действительности, а вторая — на соответствии семантического содержания грамматических форм и выражаемых им понятий. В нашем случае первой соответствует феминитив, точно указывающий на фрагмент реальной действительности, связанный с гендерной характеристикой (*учительница*), а второй — немаркированная форма (*учитель*), не нацеленная на передачу семантики реального пола.

Формы женского рода воинских званий с суффиксом -к обеспечивают наибольшую предметную точность в случае обозначения трансгендерных персонажей (такие формы нередко содержат иронический компонент): ср. заголовок статьи Д. Попова (Московский комсомолец, 20–26 июня 2022 г. С. 6) «**Адмиралка** и прочие «диверсити»». В лиде мы читаем: «Одной из самых обсуждаемых фотографий на неделе была фотография трансгендерного адмирала США Рейчела Левина и помощника министра ядерной энергетики США Сэма Бринтона (тоже в женской одежде) в посольстве Франции на приеме в честь Дня взятия Бастилии». Здесь же размещено фото двух названных деятелей в женской одежде.

В свое время А. И. Солженицын использовал формы с предельной предметной точностью типа *лейтенантка*, и это был протест против «холостящего советского обычая». Сегодня такая практика по-прежнему не имеет сколь-нибудь широкого распространения, однако в иных сферах, в наименованиях некоторых профессий (не связанных с армией) феминитивы распространились достаточно широко.

Феминитивы как маркированный член родовой оппозиции представляют собой более протяженные наименования. Для качественных медийных текстов, далеких от ЛГБТ-тематики, характерна мена маркированного коррелята, связанного

с прозрачным иконическим кодированием, и немаркированного, отражающего принцип языковой экономии. Ср.: «Помню, у нас в МГУ на «Истории КПСС» **преподаватель подробно рассказывала** в самый разгар перестройки о вранье журналов «Огонек» и (даже) «Коммунист», об их ангажированности и попытках перенести все дискуссии исключительно в эмоциональную сферу, ничуть не заботясь о реальной исторической действительности, вообще не принимая ее в расчет; а эта **женщина** (я потом учился у нее в аспирантуре) **вовсе не была сталинисткой**, скорее наоборот, **просто она была профессионалом**» (Н. Сорокин «Искусство думать» // Завтра, 2022, № 28. С. 3).

Интересно, что в последнем случае женский коррелят по понятным причинам невозможен. Ср.: «Введите в гугл-картинки слово «профессионал» — появятся мужчины в костюмах или в худшем случае с дрелью... А попробуйте «профессионалка» — и увидите, увы, проституток» [Бобылева 2021: 212]. Е. В. Мелихова [2008] пишет о том, что в случае пары *профессионал-профессионалка* можно говорить о сформированной энантиосемии: мощная позитивная прагматика слова *профессионал* «...не просто деформируется, а обращается в свою противоположность в форме *профессионалка*». То есть остаются случаи (*врач, хирург, педиатр, профессионал* и многие другие), когда предметная точность создается исключительно за пределами словоформы — синтаксическими средствами. Причем координация с глаголами по женскому роду всего 60–70 лет назад вызывала такое же отторжение (см. подробнее: [Мелихова 2008]), какое сегодня вызывают активизировавшиеся феминитивы.

Современная норма диктует согласование прилагательных с существительными типа *врач* по мужскому роду в любом случае, а координацию с глаголом — в зависимости от реального пола (*хороший врач, но врач пришла*). В ближайшем будущем вполне возможны, на наш взгляд, изменения в норме, направленные на обеспечение большей предметной точности, поскольку сегодняшняя практика представляется далеко не идеальной, особенно в случаях, когда в узком контексте оказываются и глагол в женском роде, и атрибут в мужском:

«О зайцевской бирке **вспоминала и ныне покойный худрук** театра “Современник” Галина Волчек...» (Экспресс-газета. Спецвыпуск. 2022, № 4. С. 2).

Как видим, соответствующее современной системной норме высказывание не производит впечатление гармоничной конструкции. Очевидно, пока норма не изменилась, лучше избегать соседства противоречащих друг другу родовых форм.

Особым образом обстоит дело с формированием предметной и понятийной точности в многочисленных случаях освещения такой специфической гендерной проблематики, как транслюди. В работе М.П.Бобылевой [Бобылева 2021: 208], которая совмещает черты исследования и словаря, дается поразительная рекомендация: называть человека надо в том роде и тем именем, которое он себе выбрал, причем даже если речь идет о прошлой гендерной идентичности. Иными словами, надо говорить не только *трансгендер Катя пришла в клуб*, но и *«в десять лет Катя поступила в футбольную школу, в 18 лет Катя пошла в армию, в 25 — женилась, в 27 стала родителем мальчиков-близнецов»*.

Кроме транслюдей есть еще небинарные люди, которые не ассоциируют себя с определенным полом. Так, дочь актера Михаила Ефремова Анна-Мария — небинарный человек и говорит о себе в мужском роде, но при этом, отмечает М.П.Бобылева [Бобылева 2021], назвать ее «сыном» нельзя. В цитируемой работе, пафос которой состоит в том, чтобы дать рекомендации политкорректных номинаций для всех перечисленных случаев, связанных с гендером, предлагается использовать ту лексику и те грамматические формы, которые предпочитают эти люди.

Результаты исследования

Помимо предметной и понятийной точности, формы рода, и прежде всего — феминитивы, способны обеспечивать точность эмоционально-экспрессивную, эстетическую. После работ Е.Куриловича [Курилович 1962] стало понятно, что в языке действует как тенденция к поляризации (тогда формируется максимальное различие между обосновывающей и обоснованной формой — в нашем случае это феминитивы), так и пассивная сила идентификации (исходное маскулинное

обозначение). Основная причина, вызывающая поляризационные процессы, — стремление к экспрессивности. Ср. шутку перестроечного времени о Валерии Новодворской — *«отцыха русской демократии»*. При интенциональном использовании предметная и понятийная точность отходят на второй план, уступая точности более высокого порядка — точности эмоционально-экспрессивной или элокутивной. Ср.: *«Вместо этого за пределы нашей Родины выплеснулся небольшой табун айтишников, напуганных слухами же о мобилизации, немного пенсионеров-предпринимателей, вышедших давным-давно в кэши и кипрское гражданство, пожилые музыканты и, наконец, чемпионы неудачи — нервные хипстерки обоего пола, привыкшие устраивать в Москве, Екатеринбурге и Петербурге обнимательные вечеринки и важные квесты по Гарри Поттеру (и обнаружившие, что в Риге и Тбилиси рынок не тот)»* (В. Мараховский «Русский индивидуализм против шкурности» // Культура, 30 июня 2022. С. 3).

Хипстерки — сама по себе выразительная форма, *хипстерки обоего пола* — выражение с точки зрения предметной точности абсурдное, но в высшей степени удачное в плане точности элокутивной. Оно формируется не для идентификации, а для характеристики; его можно отнести к аллеотетам — грамматическим метафорам, которые, как все метафоры, дают новую когнитивную информацию в сочетании с экспрессивной оценочностью и передают отношение номинатора к объекту. Новая когнитивная информация определяется в этих случаях прежде всего мировосприятием отправителя речи и его креативными возможностями.

К грамматическим (или лексико-грамматическим) метафорам, действующим в том числе и категорию рода, можно отнести ставшие популярными медийные выражения типа *коллективная Грета Тутберг*. Ср.: *«А потом выяснилось, что коллективный Александр Проханов был прав, а Макаревич* — нет»* (В. Полупанов «Мы эту обстановку накричали». Интервью с З. Прилепиным // Аргументы и факты, 2022, № 28. С. 19).

* Внесен Минюстом России в реестр СМИ — иностранных агентов

Коллективный Макаревич — это на сегодняшний день и Чулпан Хаматова, и Татьяна Лазарева*, и Анна Нетребко, и ряд других деятелей культуры мужского и женского пола. В такой лексико-грамматической метафоре задействован фактор лексического значения, нейтрализован признак пола, но на первый план выдвинута оценка. Такая метафора в полной мере выполняет функцию концептуализации понятий и создания эмоционально-экспрессивной точности.

Выводы

Итак, немаркированный член родовой оппозиции в сфере антропных наименований, формирующий понятийную точность, выступает в позиции нейтрализации гендерных различий. Он может быть предпочтен по причине большей частотности и более свободной дистрибуции: он менее зависим от контекста и воспринимается с меньшими усилиями, поскольку наиболее лаконичен. В контекстах, актуализирующих гендерную семантику и соответственно формирующих предметную точность, используется маркированный женский род — феминитивы. И наконец, феминитивы в переносном значении формируют точность более высокого порядка — точность эмоционально-экспрессивную (элокутивную).

ЛИТЕРАТУРА

Архипкина 2005 — Архипкина Г.Д. *Когнитивные основания и антропоцентрические параметры грамматической категории числа*. Ростов н/Д: Ростовский государственный университет, 2005. 267 с.

Беркутова 2019 — Беркутова В.В. Феминитивы в русском языке: лингвистический аспект. *Филологический аспект*. 2019, 1 (45): 7–26.

Беркутова 2018 — Беркутова В.В. Феминитивы в русском языке: исторический аспект. *Филологический аспект*. 2018, 11 (43): 6–22.

Бобылева 2021 — Бобылева М.П. *Мы так говорим. Обидные слова и как их избежать*. М.: АСТ, 2021. 224 с.

Головин 1988 — Головин Б.Н. *Основы культуры речи*. 2-е изд. М.: Высшая школа, 1988. 302 с.

Гузаерова 2021 — Гузаерова Р.Р. *Феминитивы в русскоязычном медианпространстве: словообразовательный аспект*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2021. 22 с.

* Внесена Минюстом России в реестр СМИ — иностранных агентов

Зауэр 2020 — Зауэр А.А. Феминитивы в русскоязычном интернет-пространстве. *Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого*. 2020, 2 (27): 2–12.

Кобяков 2022 — Кобяков А.В. Журналистские жанры и феминитивы: влияние на языковую практику. В сб.: *Медиа-лингвистика. Вып. 9. Язык в координатах массмедиа: мат-лы VI Междунар. научн. конференции (СПб, 30 июня — 2 июля 2022 г.)*. Науч. ред. Л.Р.Дускаева, отв. ред. А.А.Малышев. СПб.: Медиапир, 2022. С. 45–49.

Курилович 1962 — Курилович Е. *Очерки по лингвистике*. Сборник статей. М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. 452 с.

Ляшевская 2004 — Ляшевская О.Н. *Семантика русского числа*. М.: Языки славянской культуры, 2004. 390 с.

Мазикина 2020 — Мазикина Л.М. *Малый справочник феминитивов*. М.: Издательское решение, 2020. 40 с.

Мелихова 2008 — Мелихова Е.В. *Проблемы лексикографирования конструкта «гендер» (на материале русского языка)*. Дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2008. 170 с.

Мельникова 2014 — Мельникова Е.А. Точность и достоверность как критерии информативности текста новостного сообщения. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание*. 2014, 5 (24): 94–100.

Пугачева 2019 — Пугачева Е.В. Феминитивы: неологическая картина (по данным словарей). В сб.: *Русский язык: исторические судьбы и современность: VI Международный конгресс исследователей русского языка*. (Москва, 20–23 марта 2019 г.). *Труды и материалы*. М.: Изд-во МГУ, 2019. С. 88–89.

Табакова 2018 — Табакова З.П. Язык публицистики: топология и новаторство. В сб.: *Семантика и прагматика языковых единиц: история и современность*. Симферополь: Ариал, 2018. С. 270–278.

Фуфаева 2020 — Фуфаева И.В. *Как называются женщины. Феминитивы: история, устройство, конкуренция*. М.: АСТ, 2020. 301 с.

REFERENCES

Архипкина 2005 — Arkhipkina G.D. *Cognitive bases and anthropocentric parameters of the grammatical category of numbers*. Rostov-on-Don: Izdatel'stvo Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2005. 267 p. (In Russian)

Беркутова 2018 — Berkutova V.V. *Femininitives in Russian: historical aspect*. In: *Filologicheskii aspekt*, 2018, 11 (43): 6–22. (In Russian)

Беркутова 2019 — Berkutova V.V. *Femininitives in Russian: linguistic aspect*. In: *Filologicheskii aspekt*, 2018, 1 (45): 7–26. (In Russian)

Бобылева 2021 — Bobileva M.P. *That's what we say. Offensive words and how to avoid them*. Moscow: AST Publ., 224 p. (In Russian)

Головин 1988 — Golovin B.N. *Fundamentals of speech culture*. 2nd ed. Moscow: Vysshiaia shkola Publ., 1988. 302 p. (In Russian)

Гузаерова 2021 — Guzaerova R.R. *Femininitives in the Russian-speaking media space: the word-formation aspect*. PhD abstract. Kazan, 2021. 22 p. (In Russian)

Зауэр 2020 — Zauhr A. A. Feminities in the Russian-speaking Internet space. In: *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yaroslava Mudrogo*. 2020, (27): 2–12. (In Russian)

Кобяков 2022 — Kobyakov A. V. Journalistic genres and feminities: influence on language practice. In: *Media linguistics. Issue 9. Language in the coordinates of mass media: Proceedings of the V International Scientific Conference (St Petersburg, June 30 — July 2, 2022.)*. Scientific ed. by L. R. Duskaeva, ed. by A. A. Malyshchev. St. Petersburg: Mediapapir Publ., 2022. P. 45–48. (In Russian)

Курилович 1962 — Kurilovich E. *Essays on linguistics. Collection of articles*. Moscow: Izd-vo inostrannoi literatury Publ., 1962. 452 p. (In Russian)

Ляшевская 2004 — Lyashevskaya O. N. *Семантика русского числа*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2004. 390 p. (In Russian)

Мазикина 2020 — Mazikina L. M. *Small Handbook of Feminities*. Moscow: Izdatel'skoe reshenie Publ., 2020. 40 p. (In Russian)

Мелихова 2008 — Melikhova E. V. *Problems of lexicography of the construct "gender" (based on the material of the Russian*

language). Unpublished PhD thesis. Rostov-on-Don, 2008. 170 p. (In Russian)

Мельникова 2014 — Mel'nikova E. A. Accuracy and reliability as criteria of informative content of the news message text. In: *Vestnik Volgogradskogo gos. un-ta. Seriya 2: Iazykoznanie*. 2014, 5 (24): 94–100. (In Russian)

Пугачева 2019 — Pugacheva E. V. Feminities: geological picture (according to dictionaries). In: *The Russian Language: Historical Destinies and Modernity: VI International Congress of the Russian Language Researchers. (Moscow, March 20–23, 2019). Works and materials*. Moscow: Moscow University Press, 2019. P. 88–89. (In Russian)

Табакова 2018 — Tabakova Z. P. The language of journalism: topology and innovation. In: *Semantics and pragmatics of linguistic units: history and modernity*. Simferopol, 2018. P. 270–278. (In Russian)

Фуфаева 2020 — Fufaeva I. V. *What are women called. Feminities: history, device, competition*. Moscow: AST Publ., 2020. 301 p. (In Russian)

Е. К. Николаева,
Е. И. Селиверстова

ЦЕННОСТНЫЙ АСПЕКТ В СОВРЕМЕННОМ ОСМЫСЛЕНИИ ХЛЕБА (НА ПРИМЕРЕ РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ)

ELENA K. NIKOLAEVA, ELENA I. SELIVERSTOVA
AXIOLOGICAL ASPECT IN CONTEMPORARY CONCEPTUALIZATION OF BREAD:
ON THE MATERIAL OF RUSSIAN PHRASEOLOGICAL UNITS

**Елена Каировна
Николаева**

Кандидат филологических наук,
доцент

► elena_kairovna@mail.ru

Санкт-Петербургский
государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-
Петербург, Университетская наб., 7–9

Elena K. Nikolaeva

PhD in Philology,
Associate Professor

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg,
199034, Russian Federation

**Елена Ивановна
Селиверстова**

Доктор филологических наук,
профессор

► e.seliverstova@spbu.ru

Санкт-Петербургский
государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-
Петербург, Университетская наб., 7–9

Elena I. Seliverstova

Doctor of Philology, Professor

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg,
199034, Russian Federation

Представления о хлебе кристаллизовались у русских в ряде фразеологизмов — единиц культурного пищевого кода — как проявление ценностной этномаркированной парадигмы, вербализованной в языке. Обращение к материалам Национального корпуса русского языка позволяет представить картину речевого использования устойчивых выражений с компонентом *хлеб*, подтверждающую реальную востребованность единиц и характер их осмысления говорящими. Интерес вызван тем, что со временем трактовка оборота и оценочная составляющая значения могут изменяться: с одной стороны, происходит деаксиологизация прежней семантики, а с другой — появляется потребность в выражении дополнительных оттенков значения, в чем проявляется фразеологическая креативность носителей языка. Внимание уделено наиболее популярным у говорящих выражениям, извлеченным из базовых фразеологических словарей. Анализ материала показывает, что основные векторы осмысления образа хлеба находят отражение в его восприятии как «продукта», гарантирующего жизнь, признании несомненной аксиологической ценности хлеба для носителей русского языка. При этом, во-первых, выявляются разные кванты культурной информации, составляющие основание образа, — информация религиозного свойства (*хлеб насущный*, *не хлебом единым*), гастрономического (*корка хлеба*) и этического (*встречать хлебом-солью*) характера и т. д. Во-вторых, функционирование фразеологических единиц с компонентом *хлеб* в современном дискурсе демонстрирует ценностную амбивалентность хлеба — он выступает то как символ крайне необходимого и высоко ценимого (*хлебом не корми*), то, наоборот, как номинация минимального, но недостаточного, с чем приходится мириться (*и то хлеб*). Это хорошо видно на примере устойчивого словосочетания *кусочек хлеба*, входящего в состав многих фразеологизмов: взяв его за точку отсчета, говорящие выстраивают целую шкалу ценностных ориентиров в определении чьих-либо доходов и преуспевания — от минимально необходимых (*делать что-либо за кусочек хлеба*) до вполне достаточных (*заработать на кусочек хлеба*) и, наконец, высоких (*зарабатывать на кусочек хлеба с маслом/икрой*).

Ключевые слова: компонент «хлеб», фразеологизм, ценностный аспект, национальный менталитет, современный дискурс.

The authors argue that Russian ideas about bread have found their expression in several set expressions, units of the food cultural code and manifestations of an axiological ethnically marked paradigm, which was verbalized in the language. By addressing to the National Corpus of the Russian Language one can present a picture of the speech use of set expressions containing the *bread* component, which confirms the real demand for these expressions and the nature of their conceptualization by the speakers. This topic is particularly interesting because

over time both the interpretation of a set expression and its axiology may change, showing the phraseological creativity of the speakers. On the one hand, the original semantics may undergo an axiological shift, and on the other hand, it may become necessary to express additional connotations. Special attention is paid to several most popular expressions, collected in phraseological dictionaries. The analysis of the material has shown that the basic vectors of conceptualization of *bread* are reflected in its perception as *the food product*, that guarantees life, and in the acceptance of its high axiological status by the speakers of Russian. First, it is possible to identify several elements of the cultural code connected to the image of bread, such as the religious one (*daily bread*; *not by bread alone*), the gastronomical one (*a crust of bread*) and the ethical one (*bread and salt*). Secondly, the examination of the function of phraseological units with *bread* in contemporary discourse has shown the ambivalence of bread which may symbolize either something very necessary and highly valued (*do not feed bread*) or something minimal and inadequate (*and that is bread too*). This situation can be observed using the expression *slice of bread* which serves as the component of several idioms: the speakers use it to construct an entire scale of values used to define one's income and prosperity, ranging from minimal needs (*to work for a slice of bread*) to self-sufficiency (*earn one's slice of bread*) and, finally, high (*earn for a slice of bread with butter/caviar*).

Keywords: component "bread", idiom, axiological aspect, national mentality, contemporary discourse.

Введение

Участие фразеологизмов в вербальной презентации ценностей носителей культуры бесспорно. Они вовлечены в отражение представлений о вещах и явлениях — обычных и необычных, о нормах поведения людей и отклонениях от них, в процессы построения ценностной национально-маркированной парадигмы. Во фразеологических единицах (ФЕ) проявляется «культурное самосознание народа», составляющее основу его ментальности [Телия 1999: 15]. И. В. Зыкова в результате изучения специфики фразеологической концептуализации устанавливает и показывает связь между двумя уровнями в структуре фразеологического значения — поверхностным, собственно семантическим, и глубинным, или концептуальным. Последний, формируясь «под воздействием концептосферы культуры из разного рода культурных концептов» [Зыкова 2017: 375], составляет основу построения целостного значения ФЕ.

Русская пищевая традиция получила достаточно широкое освещение с позиций этнолингвистики (см. работы: [Грушко 2006; Гура 1977; Ка-

бакова 2009 и др.]) и продолжает быть объектом изучения для исследователей, иллюстрирующих в своих работах культууроотражающую и культууроформирующую силу языка [Березович, Пьянкова 2007; Левкиевская 2008; Сохань 2008; Устинова 2011 и др.].

Национальным духом овеяны самые разные предметы и явления окружающего мира, однако неудивительно, что хлеб не перестает привлекать внимание исследователей, особенно с позиций лингвокультурологии [Козлова, Гребенкина 2017; Комарова 2008; Кузнецова 2021; Маркова 2013; Синячкин 2003; Хлебда 2004 и др.]. Лексему *хлеб* среди других единиц, вербализующих один из наиболее ярко представленных в русской **фразеологии кодов** — пищевой (гастрономический) культурный код, — отличает то, что это неизменная ценность в жизни носителей русской культуры.

Социальная значимость хлеба проявилась, по мнению М. Л. Ковшовой, в его функции «устойчивого носителя культурных смыслов», в вовлечении в ритуалы и обряды и т. д. [Ковшова 2010]. С хлебом связывают широту русской души, щедрость (*хлебосольство*) и, наоборот, их отсутствие (ср.: *попрекать куском хлеба*) [Манчев 2013]; с ним ассоциируется представление о благополучии [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005]. Однако, при сохранении в целом значимости лексемы *хлеб* как вербализатора концепта и достаточной стабильности употребления основного массива востребованных говорящими устойчивых единиц, наблюдаются некоторые изменения в восприятии семантического и аксиологического содержания отдельных выражений.

Предпринимаемый анализ современных контекстов употребления фразеологических единиц с компонентом *хлеб* позволяет получить представление о его сегодняшнем участии в реализации аксиологической концепции мира, о том, сохраняется ли у современников прежнее представление о хлебе как мере ценности многих вещей.

Анализ материала

Анализ контекстов Национального корпуса русского языка показывает, что хлеб — наивысшая ценность. Это подтверждается клятвенным

заверением в достоверности произнесенных слов, построенным на образе хлеба как священного для того, кто уверяет, клянется. Клянясь, человек упоминает то, утрата чего была бы для него невозможной; это «экспрессивная гарантия искренности говорящего» [Маслова 2011: 414]: — *Я ведь вообще яблочек года три в упор не видел. Верить? Ну, хлебом клянусь!* — громко бубнил набитым ртом. [Павлов О. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // Октябрь, 2001]¹. *Хочу, чтобы наши бакинские армяне вернулись <...> и чтобы отношения между людьми стали как прежде. Хлебом клянусь». Он коснулся лепешки, лежащей на столе* [Город, унесенный ветром // Итоги. 09.03.1996]. Говорящий считал более надежным усилить звучание своих слов, коснувшись хлеба, лежащего на столе.

Традиция встречать дорогих гостей караваем хлеба с солью издавна служила демонстрацией гостеприимства, уважения, готовности поделиться самым ценным для человека, поскольку хлеб и соль — это не только угощение и основная традиционная пища человека, это ‘символ гостеприимства, согласия, домашнего благополучия, достатка’ и т.д. Предметный код культуры дал жизнь и его вербальному воплощению: *хлеб-соль*. Как пишет А. В. Гура, в семантике комплекса соединились сакральность хлеба и апотропеические свойства соли, к которым добавились новые — результат их функционирования как неразрывного целого, но при ведущей роли хлеба (русское: *без соли и хлеб не естся; помяни соль, чтоб дали хлеба*; польское: *sól do chleba, a nie chleb do soli się daje*, т.е. ‘соль к хлебу, а не хлеб к соли дается’ [СД 5: 434]). По древнему обычаю хозяева встречали именитых гостей на каждой площадке (крыльце) Красной лестницы: «...со перва крыльца поклон вели, со другого *хлебом-солью встречали*, со третьего вино-брагу подносили» [Гращенков А. Красное крыльцо — главный вход во дворец // Наука и жизнь. 2008]. Хлеб и соль имели символическое, ритуальное значение у многих народов, хотя вербальный комплекс *хлеб-соль*, *хліб-сілі* встречается только в восточнославянских языках: накрывая стол, ставили сначала именно хлеб-соль [СД 5: 435]. Это выражение находит структурно-семантические параллели не только в славянских, но и

в уральских и алтайских языках [Пачаи 1995:100].оборот *встречать хлебом-солью* используется сейчас и в отсутствие особым образом организованной процедуры встречи — в значении ‘проявлять радушие’: *Сейчас брачные объявления публикуют газеты самые добродушные, встречающие читателя хлебом-солью, перцем и изюмом, а не моралистической указкой* [Пищикова Е. Пятиэтажная Россия (2007) // Русская Жизнь. 2008].

Сравнение каких-либо продуктов питания с хлебом подчеркивает их высшую оценку как важного средства пропитания для человека: *Ну, если картошке возводить монумент нелепо, следует увековечить память о людях, которые ее внедряли на русской земле. Картофель называют вторым хлебом* [Редичев С. Огород — наш спаситель // Наука и жизнь. 2006]. Однако, называя «жидким хлебом» пиво, говорящие имеют в виду не только его питательные свойства, калорийность, но и природу напитка, который готовится на основе ячменя: *Думаю, однако, что куда правильнее было бы назвать Мюнхен пивной столицей, потому что именно напиток, именуемый также «жидким хлебом», поистине возведен тут в культ* [Овчинников В. В. Своими глазами. 2006]. Сложнее определить намерение говорящего, поставившего знак равенства между жидким хлебом и коньяком: *Послушно кивала головой, искала социальные корни героев, соглашалась, что коньяк — это жидкий хлеб* [Сурикова А. Любовь со второго взгляда. 2001]. Трудно сказать, имеются ли в виду высокая калорийность напитка, вкусовые приоритеты героя, частота употребления напитка или что-то иное, но совершенно очевидно, что выражение *жидкий хлеб* получило в языке свойства позитивно-оценочного клише.

Несомненную ценность хлеба акцентирует весьма своеобразным способом один из наиболее частотных оборотов *кого-либо хлебом не корми*, сопровождаемый обычно устойчивой синтаксической конструкцией с императивом *дай* и инфинитивом глагола: ‘О сильном пристрастии, увлеченности кого-либо чем-либо; о стремлении получить, осуществить желаемое’ [Русская фразеология 2005: 731]. При этом ФЕ построена на допускаемом отказе от хлеба как необходимого

условия существования в пользу чего-либо иного, страстно желаемого: *Любил он, стервец адреналиновый, рискованно балансировать на самом краю с графоманией. И ведь не боялся же, отчаянный! Хлебом его не корми* — только ему крокодиличничать, нас вволю поугувая [Володин В. Повесть временных лет // Волга. 2009]. Интересен пример усиления аксиологического звучания поговорки за счет уточнения «качества» хлеба: *Юриного брата хоть белым хлебом не корми, но дай поговорить о коллективной безопасности, или кознях Ватикана, или о чем-нибудь в этом роде* [Искандер Ф. Мой кумир. 1965–1990]. Примеры показывают, что использование ФЕ часто выражает неодобрение поступков и неоправданного навязчивого желания субъекта. Ср. спектр порицаемых действий: *А русского человека хлебом не корми — дай поглядеть, чем сосед занимается* [Лукин Е. Клопики. 2013]; *Знаю, что есть определенная категория людей, которых только хлебом не корми, а дай только показать свою фантазию на пустом месте, покликушествовать* [коллект. форум: В Москве приняты особые меры по профилактике кори. Что будет? (2012)]; — *Анна Петровна, миленькая, вы нас просто спасли!* — с чувством поблагодарил ее Валентин. — *Какое разочарование для Нелли Сергеевны...* — *Да уж, Нельку хлебом не корми — дай пособачиться*, — согласилась Анна Петровна [Полетика М. Однажды была осень. 2012]; *Власть, и светскую и духовную, хлебом не корми, дай только поуправлять заблудшими душами* [Кучерская М. Современный патерик: чтение для впавших в уныние. 2004]. Между тем словарные дефиниции не отмечают отрицательных коннотаций этого оборота: в приведенном комментарии хлеб рассматривается «как символ самого необходимого для жизни, от которого человек готов отказаться ради любимого занятия, достижения заветной цели» [Русская фразеология 2005: 732]. Напротив, подчеркивается, что речь идет о высоких духовных запросах, что не находит подтверждения в современных контекстах и позволяет констатировать изменение аксиологического диапазона выражения. Примечательно, что с компонентом *хлеб* при полном совпадении семантики конкурируют в этом обороте и иные единицы га-

строномического кода, которые, вероятно, можно рассматривать как трансформации исходного словосочетания *хлебом не корми*: — *Можно алкоголиков покритиковать* — они это любят. *Медом не корми, дай...* — Нет, не сумею [Шукшин В. Владимир Семенович из мягкой секции. 1970–1974]. У В. М. Шукшина это выражение встречается неоднократно.

Замены денотативного характера иными единицами гастрономического кода — компонентами, оправдано личностью характеризуемого субъекта и его вкусовыми предпочтениями: для мальчишек это пряники, для фронтовика времен Отечественной войны — каша (*Его кашей не корми — дай только побольше фронтовых хлопот и забот* [Бубеннов М. Белая береза. Части 3–6. 1942–1952]); для немцев, согласно расхожему стереотипу, — сосиски: *Немцы же вандерн любят больше всего. — Ага, сосисками не корми, джай повандеровать*, — подтвердил Юраш [Гиголашвили М. Чертового колеса. 2007]. Если речь идет о домашних питомцах, то весьма уместным кажется введение компонента *мясо*. Целая серия фотографий «хулиганистых» животных, наносящих урон своим хозяевам, объединена заголовком «*Мясом не корми — дай подпортить жизнь своим владельцам*»².

Наличие хлеба в сочетании с водой воспринимается, выражаясь современным языком, как своего рода «прожиточный минимум», необходимый для выживания набор, а его отсутствие ставит жизнь под угрозу: *Если Индия создаст свою атомную бомбу, значит, и нам придется сделать свою, даже если ради этого нам придется сидеть на хлебе и воде*. [Дятликович В., Веселов А. Денис Родман спасает мир // Русский репортер. 2013]. Выражение упоминается в первой половине XVIII в. и связано с наказанием, выражающимся в ограничении пищи, голоде (*сажать на хлеб и воду; кормить хлебом и водою*) [Русская фразеология 2005: 730].

Следует заметить, если в Библии *хлеб и вода* оцениваются положительно, как необходимые для жизни, спасительные: *Ведь они не встречали вас на дороге с хлебом и водой, когда вы шли из Египта* [Библия. Современный перевод Книги Священного Писания Ветхого и Нового За-

вета. Канонические. Ветхий завет. Пятая книга Моисея. Второзаконие. 2011], то сейчас выражение *сидеть на хлебе и воде* значит ‘бедствовать, иметь стесненные материальные обстоятельства’: *Переучилась на агента по продаже недвижимости. Полгода просидела «на хлебе и воде», работая за чисто символический процент от сделки* [Шубин А. Путь к благополучию. 2000]; *Мама <...> получала стипендию 320 рублей. Получалось, что на «Москвича» они могли скопить месяцев за шесть. Если отказывать себе буквально во всем и **сидеть на хлебе и воде***. [Грозмани Ю. Как мы удирали от атомной бомбы // Калининградские Новые колеса. 11.26.2004]; *держат кого-либо на хлебе и воде*, т. е. на скудном пайке, впроголодь.

Вероятно, не без влияния этих оборотов с закрепившимся статусом символа почти бедственного положения с пропитанием произошло вытеснение в наши дни компонента *квас* из фразеологизма *перебиваться с хлеба на квас* (‘бедствовать, жить впроголодь’) [БСРП 2007: 713]. Вместо привычного ранее (ср.: *Надоело жить в дворниках да перебиваться с хлеба на квас* [Кошко А. Ф. Очерки уголовного мира царской России. Кн. 3. 1928]) сейчас в сочетании с глаголом *перебиваться* встречаются исключительно *хлеб* и *вода*: *Суть его проста: работодатели должны делиться своими доходами с работниками, чтобы последние могли жить достойно, а не перебиваться с хлеба на воду* [Делиться будем? // Время МН. 2003]; *Конечно, в такой обстановке в институте могут работать практически одни пенсионеры, которые научились перебиваться «с хлеба на воду»* [Максимов В. И. Дневник научного сотрудника. 2006] и др.

С помощью ФЕ *и то хлеб* в речи выражается, как правило, удовлетворение — пусть и минимальным, но хотя бы уже имеющимся в некотором количестве продуктом, начинающимся событием, проявляющимся свойством и т. д. Это «минимальное» противостоит тому, что желательно для говорящего в намного большем объеме для осуществления каких-либо планов, развития событий и т. п.: *Уезжая на Алтай с институтом, отнесу его в скупку вблизи зоопарка, получу какие-то гроши, но **и то хлеб**, а на Алтае какое же летнее паль-*

то, там мороз по 30–40 градусов. [Тахо-Годи А. А. Жизнь и судьба: воспоминания. 2009]; *Пришла телеграмма от брата: освобождают! Переводят в Ворошиловград. <...> Практически — ссылка, так как выезд оттуда не разрешался, но **и то — хлеб!*** [Алешин С. Встречи на грешной земле. 2001].

Отрезаемый (отламываемый) от целого кусок хлеба становится, как показывают примеры, устойчивой номинацией имеющегося/отсутствующего, зарабатываемого или получаемого пропитания. Примерно в 55 % контекстов НКРЯ (2805 контекстов, дата обращения: 15.07.2022) оборот *кусочек хлеба* выступает в присущем ему значении ‘средство к существованию, пропитанию’ [БСРП 2007: 345]. Однако спектр синтагматических связей словосочетания *кусочек хлеба* (ср.: *добывать кусочек хлеба, биться за ... , думать о ... , терпеть (что-либо) из-за ... , остаться без ... , убить за ... , зарабатывать на ... и др.*) высвечивает семантические оттенки ‘малое’, ‘необходимое, важное’, ‘вынужденность’ и др. и, таким образом, показывает способность оборота к выражению значения ‘минимальное, жизненно необходимое пропитание’ (ср. пословицу *Как хлеба ни куска, так и в тереме тоска*).

Показательно, что параллельно с выражением *кусочек хлеба* в минимизирующем значении используется словосочетание *ломать хлеба* с его библейской подоплекой³: *Мы понимали великую цельность нашего яростного, коварного и беспощадного друга — барса Революции. Десять лет я делил с Кобой одну постель, один **ломать хлеба** и одну ссылку* [Радзинский Э. Наш Декамерон. 1980–1990].

Значение ‘минимально необходимые средства для жизни’ реализуется прежде всего в выражениях *делать что-либо за кусочек хлеба, делиться кусочком хлеба*.

Здесь часто используются экспрессивные глаголы типа *батрачить, вкалывать* и др., подчеркивающие контраст между трудозатратами и величиной заработка и неодобрительное отношение к вынужденному труду: *Жили тем, что батрачили **за кусочек хлеба*** [Михальский В. Прощеное воскресенье // Октябрь. 2009]. Нередки контексты, где названы конкретные виды деятельности, на которые люди обречены ради выживания, в том

числе тяжелые или неблагоприятные занятия, скудно оплачиваемые: У многих лицеистов родственники жили в голодающих деревнях и рассказывали жуткие подробности этого голода — доходило и до детской проституции — **за кусок хлеба**, и до людоедства [Кучерская М. Тетя Мотя // Знамя. 2012]; Женщин, продающихся за **кусок хлеба**, ты можешь понять и простить [Козырева Е. Дамская охота. 2001].

Выражение *делиться куском хлеба*, нередко сопровождаемое определением *последним*, особенно подчеркивает готовность кого-либо делиться имеющимся малым, проявляя человечность, добрую волю: Именно казахи, которые сами еле сводили концы с концами, делились **куском хлеба** и, главное, морально поддерживали несчастных в драматические дни их жизни [Память во имя будущего // Родина. 2010]; В зале в жутких условиях сидят люди. На что опереться? На впечатления от того, что кто-то тебе помог. С тобой **поделились последним куском**, позволили передохнуть [Скарлош С. Заложник навсегда // Русский репортер. 2014].

Замена компонента *кусок* словом *корка* (корочка) позволяет указать на еще более низкий уровень удовлетворяемых потребностей в еде (что хорошо иллюстрирует ФЕ с *хлеба на корку* со значением ‘о переменах в чьей-либо жизни в худшую сторону’ [БСРП 2007: 714]: Ирина могла бы жить в пещере, есть **корку хлеба** в день, только бы знать, что у детей все в порядке [Токарева В. Своя правда // Новый мир. 2002]. Говорящие в подобном случае прибегают и к упоминанию *крошки хлеба*, т.е. указанию на полное отсутствие еды: ...С шести утра до восьми вечера не получают пленные **ни крошки хлеба**, ни глотка [Самсонов С. Одиннадцать. 2010].

Ценностная амбивалентность образа хлеба проявляется в способности словосочетания *кусок хлеба* выступать и в качестве нейтральной номинации заработка, и нередко заработка, достаточного для обеспечения вполне безбедного существования: Глубокое сердечное спасибо за П. А. Струйскую, может быть, это и даст ей в будущем свой **кусок хлеба** [Колмогоров А. Г. Мне доставшееся: семейные хроники Надежды Лухмановой. 2012];

Николай работал в газете «Коммунист» — тихое, спокойное место, сулившее **кусок хлеба** за не особо хлопотную работу [Андреева Ю. И. Многоточие сборки. 2009].

Обороты *лишиться куска хлеба* и *остаться без куска хлеба* достаточно прочно ассоциируются со значением ‘потерять работу, остаться без заработка’: А сколько врачей **осталось бы без куска хлеба**, исчезни вдруг наркомания? [Летов Г. Героиновая шкатулка // Еженедельный журнал. 04.08.2003]; Охранник Леша пожаловался на то, что <...> чуть было не **лишился куска хлеба**: директор магазина, в котором Алексей охраняет товары народного потребления, застал его спящим на рабочем месте и пообещал в следующий раз уволить [Гулин В. Проблемы спящего человека // Столица. 11.11.1997]; Моя мама всегда говорит, что из того, что я делаю руками, а не на компьютере, можно смело создавать музей уродов и **без куска хлеба** наша семья никогда **не останется**: очереди на вход будут, как в Музей мадам Тюссо [Маринина А. Ангелы на льду не выживают. Т. 1. 2014]. Интересно в связи с этим отметить оборот *хлеб отбивать* — ‘лишать кого-либо заработка или возможности заработка, берясь за ту же работу, дело, занятие и т. п.’ [Капелюшник 2021: 15].

Желая подчеркнуть большие финансовые возможности субъекта, носители языка расширяют компонентный состав привычного оборота, уже практически узуальным стало устойчивое словосочетание *кусок хлеба с маслом* (‘достойный заработок, приличные средства к существованию’): — Но у меня есть два сына, дочь, две снохи, зять — и все работают и **на кусок хлеба с маслом имеют** [Вайнер А., Вайнер Г. Лекарство против страха. 1987]. Сейчас этот эталон воспринимается как весьма скромный: *Получить свой скромный кусок хлеба с маслом* хочет куда более широкий круг россиян, чем оседлавшие «трубу» олигархи [Восканян М. Люди и смыслы // Однако. 2009]. Неслучайно использование в составе оборота окказиональных интенсификаторов: *На том и жили, должен признать, не одно столетие...* — Ближе к делу. — *И хорошо жили. Я всегда имел свой кусок хлеба с двойным маслом* [Белянин А. Свирепый ландграф. 1999].

Введением наименований достаточно дорогих продуктов питания вербализуются уже следующие ступени по шкале финансового благополучия: *Миллионы женщин хотят быть красивыми, и, умело эксплуатируя их желания, можно зарабатывать себе на кусок хлеба с сыром* [Донцова Д. Доллары царя Гороха. 2004]; *Лично я глубоко убежден, что труд, основанный на вере в свое дело, на чувстве локтя и на патриотическом идеале, гораздо эффективнее труда за кусок хлеба, пускай и с маслом и даже с икрой, на работодателя, к которому относишься с тайным презрением* [Вахитов Р. Партизанские рейды // Советская Россия. 08.15.2003] (см. об этом также: [Николаева, Селиверстова 2020: 459–471]).

Как видим, устойчивый словесный комплекс *кусок хлеба* с его широкой узуальной и окказиональной сочетаемостью весьма успешно эксплуатируется говорящими для выражения широкого спектра представлений о сфере материальной обеспеченности носителей русского языка и культуры.

Образ хлеба как основы жизнеобеспечения, дальнейшего воспроизводства (особенно ржаного хлеба) используется и в более широком смысле, уже не связанном с пропитанием. Это 'то, что составляет основу, на чем возвращается последующее': *Звезда всех телешоу Сергей Шаргунов объявляет книги свои и своих товарищей по литературному делу «черным хлебом» русской словесности («Новая газета»).* *Меж тем <...> далеко не пожилые люди еще помнят так называемую чернуху и приписанных к ней авторов* [Боровиков С. Г. А я люблю товарищей моих // Волга. 2015]. Поскольку *черный хлеб*, противопоставляемый *белому*, может рассматриваться как еда примитивная, без изысков, то с ним ассоциируются тексты авторов, пишущих о темных сторонах, «дурно пахнущих задворках жизни». И это происходит в том числе за счет метафорического осмысления определения *черный*.

Выводы

Несмотря на то что за пределами статьи остались другие широко употребительные выражения (*хлеб насущный, не хлебом единым жив человек*

и др.), показанные особенности речевого использования ФЕ позволяют говорить об основном векторе осмысления образа хлеба в современном дискурсе. Хотя лексема *хлеб* характеризуется многозначностью, в поговорках она участвует преимущественно в формировании ценностной составляющей значения 'то важное, основополагающее, что обеспечивает жизнь человека; средство к существованию', которое далее может варьироваться по шкале величины от минимума к максимуму. Неслучайно слова *жито* (название ржи, ячменя, а также всякого хлеба) и *жизнь* являются однокоренными, а компоненты *хлеб* и *жизнь* в отдельных выражениях взаимозаменяемы: *на жизнь (хлеб) хватает; и то жизнь (хлеб)*. Хлеб не только выступает символом еды и сытости, но и становится знаком обеспеченности (благополучия), мерилем ценностей. Это один из ядерных элементов пищевого кода, которые, по Т. В. Цивьян, «почти теряют собственное значение и приобретают значимость и новые валентности в пределах иной системы, связанной непосредственно с моделью мира» [Цивьян 2005: 10].

¹ Здесь и далее иллюстративный материал извлечен из основного подкорпуса Национального корпуса русского языка.

² <https://4tololo.ru/19-khuliganistyk-pitomcev-kotoryk-myasom-ne-kormi-day-podportit-zhizn-svoim-vladelcam> (дата обращения: 19.08.2022)

³ Ср.: *За горсть ячменя, за ломоть хлеба вы бесславите Меня перед Моим народом, предрекаете смерть тем, кто не должен умереть, и возвещаете жизнь тем, кто не должен жить! <...> Блуднице цена ломоть хлеба, а за чужую жену заплатишь жизнью* [Библия. Современный русский перевод Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. Ветхий завет. Книга пророка Иезекииля. 2011].

ИСТОЧНИК

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 22.10.2023).

СЛОВАРИ

БСРП 2007 — Большой словарь русских поговорок. Сост.: Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. 784 с.

Русская фразеология 2005 — Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. Сост.: Бирих А. К., Мокиен-

ко В. М., Степанова Л. И.; Мокиенко В. М. (ред.). 3-е изд., испр. и доп. М.: Астрель; АСТ; Люкс, 2005. 926 с.

СД 2012 — Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. Толстой Н. И. (ред.). Т. 5. М.: Междунар. отношения, 2012. 736 с.

ЛИТЕРАТУРА

Березович, Пьянкова 2007 — Березович Е. Л., Пьянкова К. В. Пищевой код в дискурсе игры. В сб.: *Язык и традиционная культура. Этнолингвистические исследования*. Екатеринбург: Индрик, 2007. С. 340–404.

Грушко 2006 — Грушко Н. Е. Гастрономический дискурс и функции языка (к проблеме регионального и жанрового варьирования). *Актуальные проблемы русистики. Языковые аспекты регионального существования человека*. Томск, 2006, (3): 370–376.

Гура 1977 — Гура А. В. Из севернорусской свадебной терминологии. Хлеб и пряники (словарь). В сб.: *Славянское и балканское языкознание. Карпато-восточнославянские параллели. Структура балканского текста*. М.: Наука, 1977. С. 131–181.

Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005 — Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: сб. статей. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.

Зыкова 2017 — Зыкова И. В. *Метаязык лингвокультурологии: Константы и Варианты*. М.: Гнозис, 2017. 752 с.

Кабакова 2009 — Кабакова Г. И. Родня за столом. В сб.: *Категория родства в языке и культуре*. М.: Индрик, 2009. С. 159–169.

Капелюшник 2021 — Капелюшник Е. В. *Кулинарный код культуры в семантике образных средств языка*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2021. 21 с.

Ковшова 2010 — Ковшова М. Л. Лингвокультурологический анализ и ассоциативный эксперимент во взаимодействии: на примере фразеологизмов со словом-компонентом «хлеб». *Вопросы психолингвистики*. 2010, 2 (12): 165–175.

Козлова, Гребенкина 2017 — Козлова И. Е., Гребенкина И. Н. Образные выражения с наименованием «хлеб» во французском и русском языках: лингвокультурологический и дискурсивный аспекты. *Вестник ТГПУ*. 2017, 6 (183): 107–111.

Комарова 2008 — Комарова В. А. Приметы и запреты, связанные с хлебом, на русском севере. В сб.: *Пищевой код в славянской культуре*: тезисы докладов международной конференции. М., 2008. URL: http://www.inslav.ru/konf_2008food.html (дата обращения: 22.10.2023).

Кузнецова 2021 — Кузнецова И. В. Славянские устойчивые сравнения с компонентом — названием хлебобулочного изделия. *Językoznawstwo*. 2021, (15): 211–230.

Левкиевская 2008 — Левкиевская Е. Е. Пища повседневная и пища ритуальная: механизмы переключения аксиологических кодов. В сб.: *Пищевой код в славянской культуре*: тезисы докладов международной конференции. М., 2008. URL: http://www.inslav.ru/konf_2008food.html (дата обращения: 22.10.2023).

Манчев 2013 — Манчев В. С. Русские и болгарские фразеологические единицы с компонентом «пища». В сб.: *Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными дисциплинами*. Белгород, 2013. С. 89–94.

Маркова 2013 — Маркова Е. М. Хлеб да каша — пища наша (смысловое развитие древних названий пищи славян во фразеологии). В сб.: *Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными дисциплинами*. Белгород, 2013. С. 94–98.

Маслова 2011 — Маслова А. Ю. Семантико-прагматические особенности речевого акта клятвы в сопоставительном аспекте (на материале русского, сербского и болгарского языков). *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 2011, 6 (2): 414–417.

Николаева, Селиверстова 2020 — Николаева Е. К., Селиверстова Е. И. ХЛЕБ-ДА! (Хлеб как мерило качества жизни: ассоциативный и фразеологический аспекты). В сб.: *Język i pamięć*. Opole: Uniwersytet opolski, 2020. S. 459–471.

Пачаи 1995 — Пачаи И. *Ареальные аспекты парных слов в русском языке*. Ниредьхаза, 1995. 165 с.

Синячкин 2003 — Синячкин В. П. Лингвокультуремы концепта хлеб в русском языке и русской культуре. В сб.: *Русское слово в мировой культуре. Концептосфера русского языка: константы и динамика изменений: материалы X конгресса МАПРЯЛ*. СПб., 2003. С. 255–263.

Сохань 2008 — Сохань И. В. Архитектоника повседневности: пища. *Вестник Томского государственного университета*. 2008, (306): 39–45.

Телия 1999 — Телия В. Н. *Фразеология в контексте культуры*. М.: Языки русской культуры, 1999. 336 с.

Устинова 2011 — Устинова Н. Е. *Пищевой код традиционной культуры Среднего Приобья: этнолингвистический аспект*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2011. 23 с.

Хлебда 2004 — Хлебда В. *Хлеб в народной культуре: этнографические очерки*. М., 2004. 413 с.

Цивьян 2006 — Цивьян Т. В. *Модель мира и ее лингвистические основы*. 3-е изд., испр. М.: КомКнига, 2006. 280 с.

SOURCE

НКРЯ — National Corpus of the Russian Language. Available at: <https://ruscorpora.ru> (accessed: 22.10.2023).

DICTIONARIES

БСРП 2007 — *A large dictionary of Russian proverbs*. Sost.: Mokienko V. M., Nikitina T. G. Moscow: Olma Media Grupp Publ., 2007. 784 p. (In Russian)

Русская фразеология 2005 — *Russian phraseology. Historical and etymological dictionary: approx. Comp.*: Birikh A. K., Mokienko V. M., Stepanova L. I.; Mokienko V. M. (eds). 3rd ed., rev., enlgd. Moscow: Astrel': AST; Liuks Publ., 2005. 926 p. (In Russian)

СД 2012 — *Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary*: in 5 vols. Tolstoi N. I. (ed.). Vol. 5. Moscow: Mezhdunar. Otnosheniia Publ., 2012. 736 p. (In Russian)

REFERENCES

- Березович, Пьянкова 2007 — Berezovich E.L., P'iankova K.V. The food code in the discourse of game. In: *Iazyk i traditsionnaia kul'tura. Etnolingvisticheskie issledovaniia*. Ekaterinburg: Indrik Publ., 2007. P. 340–404. (In Russian)
- Грушко 2006 — Grushko N.E. Gastronomic discourse and language functions (on the problem of regional and genre variation). *Aktualnye problemy rusistiki. Iazykovye aspekty regional'nogo sushchestvovaniia cheloveka*. Tomsk. 2006, (3): 370–376. (In Russian)
- Гура 1977 — Gura A.B. From the North Russian wedding terminology. Bread and gingerbread (lexicon). In: *Slavianskoe i balkanskoe iazykoznanie. Karpato-vostochnoslavianskie paralleli. Struktura balkanskogo teksta*. Moscow: Nauka Publ., 1977. P. 131–181. (In Russian)
- Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005 — Zalizniak A.A., Levontina I.B., Shmelev A.D. *Key ideas of the Russian linguistic picture of the world*: Sb. Statei. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2005. 544 p. (In Russian)
- Зыкова 2017 — Zyкова I.V. *The metalanguage of linguoculturology: Constants and Variants*. Moscow: Gnozis Publ., 2017. 752 p. (In Russian)
- Кабакова 2009 — Kabakova G.I. Relatives at the table. In: *Kategoriia rodstva v iazyke i kul'ture*. Moscow: Indrik Publ., 2009. P. 159–169. (In Russian)
- Капелюшник 2021 — Kapeliushnik E.V. *Culinary code of culture in the semantics of figurative means of language*: PhD abstract. Tomsk, 2021. 21 p. (In Russian)
- Ковшова 2010 — Kovshova M.L. The interaction between linguoculturological analysis and associative experiment: on the example of phraseological units with the component “bread”. *Voprosy psikholingvistiki*. 2010, 2 (12): 165–175. (In Russian)
- Козлова, Гребенкина 2017 — Kozlova I.E., Grebenkina I.N. Figurative expressions with the word “bread” in French and Russian: linguoculturological and discursive aspects. *Vestnik TGPU*. 2017, 6 (183): 107–111. (In Russian)
- Комарова 2008 — Komarova V.A. Signs and prohibitions related to bread in the Russian North. In: *Pishchevoi kod v slavianskoi kul'ture: Tezisy dokladov Mezhdunarodnoi konferentsii*. Moscow, 2008. Available at: http://www.inslav.ru/konf_2008food.html (accessed: 22.10.2023). (In Russian)
- Кузнецова 2021 — Kuznetsova I.V. Slavic idiomatic comparisons with the name of a baked product as their component. *Językoznawstwo*. 2021, (15): 211–230. (In Russian)
- Левкиевская 2008 — Levkievskaja E.E. Everyday food and ritual food: mechanisms of switching axiological codes. In: *Pishchevoi kod v slavianskoi kul'ture: Tezisy dokladov Mezhdunarodnoi konferentsii*. Moscow, 2008. Available at: http://www.inslav.ru/konf_2008food.html (accessed: 22.10.2023). (In Russian)
- Манчев 2013 — Manchev V.S. Russian and Bulgarian phraseological units with the component “food”. In: *Kognitivnye faktory vzaimodeistviia frazeologii so smezhnymi distsiplinami*. Belgorod, 2013. P. 89–94. (In Russian)
- Маркова 2013 — Markova E.M. Bread and porridge are our food: the semantic development of ancient Slavic words for food in phraseology. In: *Kognitivnye faktory vzaimodeistviia frazeologii so smezhnymi distsiplinami*. Belgorod, 2013. P. 94–98. (In Russian)
- Маслова 2011 — Maslova A.Iu. Semantic and pragmatic features of the speech act of oath in comparative aspect (based on Russian, Serbian and Bulgarian material). *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 2011, 6 (2): 414–417. (In Russian)
- Николаева, Селиверстова 2020 — Nikolaeva E.K., Seliverstova E.I. KhLEB-DA! (Bread as a measure of the quality of life: associative and phraseological aspects). In: *Język i pamięć*. Opole: Uniwersytet opolski, 2020. P. 459–471. (In Russian)
- Пачаи 1995 — Pachai I. *Areal aspects of paired words in the Russian language*. N'ired'khaza, 1995. 165 p.
- Синячкин 2003 — Siniachkin V.P. The linguocultures of the concept of bread in the Russian language and Russian culture. In: *Russkoe slovo v mirovoi kul'ture. Kontseptosfera russkogo iazyka: konstanty i dinamika izmenenii: materialy X kongressa MAPRIaL*. St. Petersburg, 2003. P. 255–263. (In Russian)
- Сохань 2008 — Sokhan' I.V. Architectonics of everyday life: food. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo universiteta*. 2008, (306): 39–45. (In Russian)
- Телия 1999 — Teliia V.N. *Phraseology in the context of culture*. Moscow: Iazyki rus. Kul'tury Publ., 1999. 336 p. (In Russian)
- Устинова 2011 — Ustinova N.E. *The food code of the traditional culture of the Middle Ob' region: ethnolinguistic aspect*: PhD abstract. Tomsk, 2011. 23 p. (In Russian)
- Хлебда 2004 — Khlebda V. *Bread in popular culture: ethnographic essays*. Moscow, 2004. 413 p. (In Russian)
- Цивьян 2006 — Tsiv'ian T.V. *The world model and its linguistic foundations*. 3th ed., rev., ispr. Moscow: KomKniga Publ., 2006. 280 p. (In Russian)

«НЕКРАСОВСКАЯ ДЕВУШКА» В ЛИТЕРАТУРНОМ КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ*

VALERY A. DOMANSKY
«NEKRASOV'S GIRL» IN THE LITERARY CONTEXT OF THE ERA

**Валерий Анатольевич
Доманский**

Доктор филологических наук,
профессор

► valerii_domanski@mail.ru

Санкт-Петербургский
государственный университет
промышленных технологий и дизайна,
Российская Федерация, 191186,
Санкт-Петербург,
ул. Большая Морская, 18

Valery A. Domansky

Doctor of Philology, Professor

St. Petersburg State University
Industrial Technology and Design
18, ul. Bol'shaia Morskaya,,
St. Petersburg, 191186, Russian Federation

Наряду с крестьянским типом девушки («Тройка») Некрасов попытался создать образ провинциальной барышни из дворянской семьи. Его поэма «Саша» и роман Тургенева «Рудин» создавались в атмосфере дружеского общения писателей. Оба произведения были одновременно опубликованы в журнале «Современник» за 1856 г. (в № 1). В статье оба произведения рассматриваются в контексте литературных споров о женской эмансипации. Кроме тургеневского «Рудина» литературный контекст некрасовской поэмы составляют поэма В. А. Фета «Две липки» и повесть И. И. Панаева «Родственники». В последней раскрывается тема интеллектуального развития юной девушки под влиянием образованного мужчины. Здесь впервые появляется концепт «горячая голова и холодное сердце». Но героиня повести Наташа явно уступает в своем развитии тургеневской Наталье Ласунской, хотя финалы обоих произведений во многом похожи. Наибольшее сходство сюжетной линии поэмы Некрасова прослеживается с романом Тургенева «Рудин». Главные героини обоих произведений имеют общие черты: любовь к природе, цельность натуры, стремление к знаниям, духовному развитию. Поэт создал обаятельный образ девушки, которая посредством образования развила свой ум и приобщила к передовым идеям времени. Автор убежден, что такие девушки со временем будут определять будущее России. Но если «тургеневская девушка» вошла в русскую литературу как культурный код, «некрасовская девушка» таким кодом не стала. Свои главные художественные поиски поэт посвятил образу русской женщины, «величавой славянки».

Ключевые слова: Некрасов, Тургенев, Панаев, литературный контекст, роман «Рудин», поэма «Саша», повесть «Родственники», «некрасовская девушка», «тургеневская девушка».

Along with the peasant type of girl ("Troika"), Nekrasov tried to create the image of a provincial young lady from a noble family. His poem "Sasha" and Turgenev's novel "Rudin" were created in the friendly communication of writers, and both works were published simultaneously in the journal "Sovremennik" in 1856 (No. 1). In the article they are considered in the context of literary disputes about women's emancipation and works of art of the mid-1850s. The literary context of the Nekrasov poem, in addition to Turgenev's "Rudin", is the poem by V. A. Fet "Two sticky trees" and the story of I. I. Panaev "Relatives". The latter reveals the theme of the intellectual development of a young girl under the influence of an educated man. The concept of "hot head" and "cold heart" appears for the first time in it, which Panaev introduced even before Turgenev. But his Natasha is clearly inferior in its development to Turgenev's Natalia Lasunskaya, although the finals of both works are in many ways similar.

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект № 20-013-00684.

The work was carried out with financial support from the Russian Foundation for Basic Research, project No. 20-013-00684.

The greatest similarity of the storyline of Nekrasov's poem can be traced with Turgenev's novel "Rudin". The main characters of both works have common features: love for nature, the integrity of nature, the desire for knowledge, spiritual development. The Russian poet created a charming image of a girl who, through education, developed her mind and joined the advanced ideas of the time. The author is convinced that such girls will eventually determine the future of Russia. But if the "Turgenev girl" entered Russian literature as a cultural code, the "Nekrasov girl" did not become such a code. The poet devoted his main artistic searches to the image of a Russian woman, "a majestic Slav".

Keywords: Nekrasov, Turgenev, Panaev, literary context, novel "Rudin", poem "Sasha", story "Relatives", "Nekrasov girl", "Turgenev girl".

Введение

200-летний юбилей Н. А. Некрасова, отмеченный в 2021 г., всколыхнул интерес исследователей и читателей к творчеству поэта. Одним из перспективных направлений в некрасоведении явилась интерпретация произведений в литературном и культурном пространстве. В так называемом «панаевском цикле» Некрасов средствами реалистической поэтики попытался раскрыть сложный мир женщины, показать ее как духовно богатую личность со своими страстями, терзаниями, достоинствами и недостатками, правом на «свое суждение» и свою правду. При этом Некрасов в «роковом поединке» двух любящих сердец нередко отдает предпочтение правде женщины, на долю которой выпали житейские страдания и муки. Именно об этом свидетельствует одно из его стихотворений «панаевского цикла»:

Тяжелый крест достался ей на долю:
Страдай, молчи, притворствуй и не плачь;
Кому и страсть, и молодость, и волю —
Все отдала, — тот стал ее палач!

Давно ни с кем она не знает встречи;
Угнетена, пуглива и грустна,
Безумные, язвительные речи
Безропотно выслушивать должна...
[Некрасов 1981, т. 1: 164]

В данной статье поэма Некрасова «Саша» рассматривается в ряду произведений литературы 1850-х гг., в которых запечатлены духовные искания русских девушек, в контексте общественных споров о женской эмансипации. Она занимает осо-

бое место в творчестве поэта, которого справедливо называют певцом русских женщин. Их яркие образы Некрасов создал во многих произведениях, и прежде всего в поэмах «Мороз, Красный нос», «Русские женщины», «Кому на Руси жить хорошо».

Образ девушки, героини творчества Некрасова, запечатлен всего лишь в нескольких произведениях, поэтому возникает закономерный вопрос: существует ли «некрасовская девушка», чем-то похожая на «тургеневскую девушку», целью жизни которой является не только счастливая любовь и семейное счастье, но и стремление к самореализации, общественным идеалам, общественной пользе?

Одним из первых стихотворений Некрасова, в котором появляется образ девушки, стала его знаменитая «Тройка» (1846), опубликованная в реорганизованном журнале «Современник». На образ лирической героини сразу обратили внимание современники поэта. Очень тепло о нем отозвался Н. П. Огарёв в письме к Т. Н. Грановскому от 17 января 1847 г. В частности, он писал: «"Тройка" Некрас[ова] — чудесная вещь. Я ее читал раз десять» [Огарёв 1956: 395].

Благодаря музыкальному переложению стихотворение приобрело широкую популярность: в течение нескольких лет один за другим композиторы О. Бернад, И. А. Дюбюк, Н. Леонтьев, С. А. Зыбина, Н. Ф. Вителаро переложили его на музыку. Факт популярности произведения запечатлел Н. Г. Чернышевский в романе «Что делать?»: «Верочка села к фортепьяно и запела "Тройку" — тогда эта песня была только что положена на музыку...» [Чернышевский 1939, т. 11: 24]. Композиционно стихотворение строится на контрастном изображении внешне счастливой и, вероятно, несчастной жизни девушки-крестьянки, в которой органично соединяется внешняя и внутренняя красота. Внешняя красота яркая, броская, вызывающая восхищение и даже волнение в крови. От такой красоты не оторвать глаз:

На тебя заглядеться не диво,
Поллюбить тебя всякий не прочь:
Вьется алая лента игриво
В волосах твоих, черных как ночь;

Сквозь румянец щеки твоей смуглой
Пробивается легкий пушок,
Из-под брови твоей полукруглой
Смотрит бойко лукавый глазок.

Взгляд один чернобровый дикарки,
Полный чар, зажигающих кровь,
Старика разорит на подарки,
В сердце юноши кинет любовь.

[Некрасов 1981, т. 1: 43]

Когда читаешь эти строки, вспоминаются портреты русских крестьянок А. Г. Венецианова («Девушка в клетчатом платке», «Крестьянка с косой и граблями», «Крестьянка Тверской губернии», «Крестьянка с васильками» и др.). Вслед за Некрасовым русские писатели будут стремиться изобразить этот чарующий, вспыхнувший, как молния, взгляд русской красавицы, который на мгновение озарит жизнь. И лучший пример этого взгляда мы встречаем у А. Блока в стихотворении «Россия»:

И невозможное возможно,
Дорога долгая легка,
Когда блеснет в дали дорожной
Мгновенный взор из-под платка.

[Блок 1960: 254–255]

Однако образ девушки-крестьянки не является собственно открытием Некрасова, поэт только продолжил традиции русского фольклора и русской литературы, добавив несколько характерных черт в портрете.

Обсуждение

Наряду с крестьянским типом девушки Некрасов попытался создать образ провинциальной барышни из небогатой дворянской семьи. В июне 1855 г. поэт завершает работу над поэмой «Саша» и публикует ее в «Современнике» за 1856 г. (№ 1) с посвящением: «И-у Т-ву» (т. е. Ивану Тургеневу). В этом же номере «Современника» был опубликован роман Тургенева «Рудин». Сюжетные переклички, типы героев и близость произведений по времени создания позволяли исследователям высказывать мысль о влиянии «Рудина» на поэму

«Саша». Так, комментатор поэмы А. М. Гаркави писал, что ее герой Агарин «во многом напоминает тургеневского Рудина: оба они фразёры, “лишние люди” из дворянской среды» [Гаркави 1956: 153]. Еще раньше эту мысль высказал и С. С. Дудышкин, который в своей статье «Стихотворения Некрасова» отмечал, что в Агарине читатели «нашли того же Рудина, только переложенного в стихи» [Дудышкин 1861: 87]. Развивая свою мысль, критик утверждал: «Сходство между ним и Агариним до того сильно, что даже выразилось не только в общих чертах, но и в мелочах» [Дудышкин 1861: 87]. Любопытно, что в черновых редакциях поэмы, как и в романе Тургенева, появлялся образ жениха, который в окончательной редакции был устранен [Маслов 1971].

«Рудин» написан между 5 июня и 24 июля 1855 г., т. е. примерно в одно время с «Сашей». Однако, как отмечает М. Ю. Степина, «спор о “первенстве” сюжета едва ли плодотворен» [Степина 2013: 137]. Можно говорить только о творческих перекличках и сближении художественных позиций авторов. Писатели часто видятся в Петербурге, а осенью 1854 г. Некрасов гостит у Тургенева в Спасском. Об этом факте сообщает сам писатель в письме к П. В. Анненкову от 28 сентября (10 октября) 1854 г.: «Мы с Некрасовым здесь уже с неделю, каждый день ходим на охоту (вальдшнепов, однако, не очень много), я чуть было не выколол себе глаз об ветку — и два дня сидел дома — впрочем, все обстоит благополучно. Теперь 7-й час утра, и я Вам пишу это, собираясь на охоту...» [Тургенев 1987. П., т. 2: 297]. О событиях своей жизни и пребывании Некрасова в Спасском Тургенев делится с Анненковым и в письме от 1 (13) октября: «Представьте, какое странное наше положение, любезный Анненков — погода удивительная — и именно потому, что она удивительная и дождей нету — и вальдшнепов у нас нету — и стрелять решительно не по чем. Впрочем, мы здоровы — и Некрасов даже работает. Он еще не знает наверное, когда вернется в Петербург — может быть, скоро» [Тургенев 1987. П., т. 2: 226–227]. Предположение о том, что Некрасов во время пребывания в Спасском работал над своей поэмой, мы находим также в его письме к Тургеневу от 30 июня —

1 июля 1855 г., в котором он сообщает следующее: «Помнишь, на охоте как-то, *прошептал* я тебе начало рассказа в стихах — оно тебе понравилось; весной нынче в Ярославле я этот рассказ написал, и так как это сделано единственно по твоему желанию, то и посвятить его желаю тебе...» [Некрасов 1997. П., т. 14, кн. 1: 204].

Таким образом, роман «Рудин» и поэма «Саша» создавались обоими писателями в одно и то же время в период тесного дружеского общения. Это было время, когда в России в литературе и любовном быту под влиянием Жорж Санд активно обсуждались вопросы судьбы женщины, ее предназначения в обществе, а произведения самой французской писательницы в 1855–1856 гг., как и в последние годы жизни В. Г. Белинского, по утверждению О. Б. Кафановой, «вновь стали едва ли не центральной нравственно-эстетической проблемой журнала [«Современника»] благодаря поистине титаническому труду Чернышевского, который в девяти статьях перевел, пересказал и прокомментировал многотомную “Историю жизни” (Histoire de ma vie) писательницы» [Кафанова 1998: 301].

В определенной степени сходство сюжетов и проблематики некрасовской поэмы и тургеневского романа объясняется тем, что оба они опирались на разработанную в «Евгении Онегине» Пушкина матрицу усадебного сюжета. Ее в общих чертах можно представить следующим образом. В усадьбе, в условиях усадебной культуры воспитывается девушка, не похожая на других обитателей. Она наделена многими качествами:

...от небес одарена
Воображением мятежным,
Умом и волею живой,
И своенравной головой,
И сердцем пламенным и нежным...
[Пушкин 1978, т. V: 57]

Героиня близка к народной жизни, к природе. Все это развивает в ней натуру мечтательную, романтическую, возвышающуюся над обыденностью. При этом она страдает от одиночества, вокруг нет ни одной родственной души. И вот из столицы приезжает молодой человек, он разитель-

но отличается от соседей-помещиков манерами и поступками, своим умом и развитием. Девушка влюбляется в этого молодого человека, который к тому же окружен ореолом таинственности. И эта любовь переворачивает ее жизнь.

Еще до тургеневского «Рудина» эту сюжетную канву использовал И. И. Панаев в своей повести «Родственники» (1847). В ней впервые возникает тема интеллектуального развития юной девушки под влиянием образованного мужчины. Героиня повести Панаева Наташа воспитывается в условиях провинциальной усадьбы и страдает, как и пушкинская Татьяна, от одиночества и непонимания окружающих. Однажды в усадьбу из столицы приезжает ее двоюродный брат со своим другом Григорием Алексеичем. Очень быстро происходит духовное сближение Наташи и Григория Алексеича, который руководит ее развитием, обучает французскому языку: «Он выбирал ей книги для чтения, иногда переводил для нее самые интересные страницы, объяснял ей темные и непонятные для нее места и сам читал ей по вечерам Руссо, под влиянием которого находился в эту эпоху <...>». С каждым днем он незаметно способствовал ее развитию. Это были самые светлые, самые счастливые минуты в жизни Наташи. Григорий Алексеич блаженствовал, любясь успехами своей ученицы» [Панаев 1888: 402].

Молодые люди влюбляются друг в друга, но герой беден, а его любовь не сердечная, а «головная»; он боится взять ответственность за свою возлюбленную и в ситуации на rendez-vous признается: «Я не могу любить глубоко, с самоотвержением. Нет, не могу, я вижу это. Моя любовь в голове, в мечте, а не в сердце, не в действительности. Я принимал экзальтацию за истинное чувство...» [Панаев 1888: 452].

Наташа, прочитав письмо Григория Алексеича, со злости его рвет и соглашается стать женой Захара Михалыча, который к ней сватался. Заканчивается повесть счастливой концовкой: героиня «счастлива». У них прочная семья, «прекрасные дети», и их хозяйство «идет отлично» [Панаев 1888: 458]. И как в французских пьесах-провербах, повесть Панаева заканчивается резюмирующей пословицей, связанной с названием: «Вот как

хорошо повиноваться родителям и слушать родственников» [Панаев 1888: 458].

Интересно, что концепт «горячая голова и холодное сердце» еще до Тургенева ввел в своей повести Панаев. Но панаевская Наташа явно уступает в своем развитии тургеневской Наталье Ласунской, хотя финалы обоих произведений во многом похожи. Тургенев значительно развил усадебный сюжет, ввел в него ряд лирико-драматических сцен, наполнил их музыкой, любовными коллизиями, идеологическими и философскими спорами и создал новый тип героини, которую еще при жизни писателя стали называть «тургеневской девушкой». Героини Тургенева обладали чертами пушкинской Татьяны Лариной (близость к природе и стихии народной жизни, интенсивная духовная жизнь, признаки яркого самосознания личности), но и отличались от нее самостоятельностью, жаждой деятельного добра, общественной пользы, активностью в выборе своего жизненного пути. «Тургеневскую девушку» уже нельзя было «отдать» замуж. Так, Наталья Ласунская в отставании своей любви готова была пойти против воли матери, а Елена Стахова не только самостоятельно, вопреки воле родителей устроила свое личное счастье, но и решилась разделить судьбу своего избранника в его борьбе за освобождение Болгарии от турецкого гнета. Тургенев наполнил образы своих героинь — Натальи Ласунской, Лизы Калитиной, Елены Стаховой — высоким лиризмом, возвысил их до нравственно-эстетического идеала. Но это уже не отвлеченный романтический идеал, а психологический тип, характер, культурно-исторический код. Русский писатель смог разглядеть его в реальности и воплотить в своих произведениях идеал девушки — своей современницы.

По утверждению О. Б. Кафановой, трансформирование пушкинского типа девушки в тургеневский произошло благодаря влиянию идей жорж-сандизма в идейно-нравственном движении в русской культуре середины XIX в., дискуссии о любви и браке, которая нашла свое отражение не только на страницах книг и журналов, но и в быту, моделях поведения людей 1840–1860-х гг. [Кафанова 2003: 139].

Можно выделить доминантные черты в образе «тургеневской девушки»: нравственная чистота, цельность, гармоничность натуры, альтруизм, стремление к знаниям, духовному развитию, любовь к природе и искусству, поиск смысла жизни и высокой любви. Впервые полно образ такой героини был воплощен у Тургенева в его романе «Рудин». Затем в романах «Дворянское гнездо» и «Накануне» он развивает и модифицирует его, наделяя каждую героиню свойственным только ей характером и индивидуальностью [Кафанова 2018: 122–123].

Перечисленные качества «тургеневской девушки» находим и у героини поэмы Некрасова «Саша», хотя ее образ психологически менее разработан. Вместе с тем очевидны отличия Саши от Натальи Ласунской, воспитанной в аристократической среде. Героиня Некрасова, как и Татьяна Ларина, выросла в деревенской глуши и не имела возможности получить системное образование. Она даже не читала книг, так как родители считали, что это вредно для ее развития. Но она хороша собой и соединяет в себе артистическую натуру дворянской девушки и здоровую красоту крестьянки:

Рдеет румянец и ярче и краше...
Мило и молодо дитячко ваше, —

Бегаёт живо, горит, как алмаз,
Чёрный и влажный смеющийся глаз,

Щеки румяны, и полны, и смуглы,
Брови так тонки, а плечи так круглы!
[Некрасов 1982, т. 4: 12]

Некрасовская героиня не просто близка к простой народной жизни, она, как и Татьяна Ларина, органично в нее вписана:

В зимние сумерки нянины сказки
Саша любила. Поутру в сазакки

Саша садилась, летела стрелой,
Полная счастья, с горы ледяной.
[Некрасов 1982, т. 4: 15]

Она живет в гармонии с природой, которая поначалу заменяет ей социум и культуру. До поры до времени она живет словно в сказке, не замечая социального неравенства и житейских невзгод.

А если и печалится, то по поводу гибели леса и его обитателей:

Саше случалось звать и печали:
Плакала Саша, как лес вырубали...
[Некрасов 1982, т. 4: 16]

Необходимо было появление образованного героя, прибывшего из столицы, как и в романе «Рудин», чтобы всколыхнуть пытливым ум девушки и приучить ее к самообразованию. Таким героем явился Лев Агарин, сосед по имению родителей Саши. Агарин читал девушке книги, обсуждал их вместе с ней, обучал Сашу французскому языку. Под его руководством осуществляется духовное развитие девушки.

В литературе нет однозначного мнения о том, когда происходят события в поэме Некрасова. М. М. Гин утверждает, что это первая половина 1850-х гг., а развязка взаимоотношений героев относится к середине 1850-х гг.: «Время действия “Саши” можно датировать довольно точно. Во вступлении Некрасов говорит о своей мучительной болезни и о близкой смерти. Известно, что он тяжело болел и ожидал смерти в 1855 г. <...> Первый приезд рассказчика в усадьбу родителей Саши состоялся “третьего года”, тогда же состоялось знакомство героя с героиней. Следовательно, их взаимоотношения протекают в первой половине 50-х годов, а развязка этих взаимоотношений относится к середине 50-х годов» [Гин 1957: 67–69].

Более убедительным кажется суждение А. М. Гаркави. Он первый приезд Агарина в родовую усадьбу и его просветительские идеи соотносит с периодом европейских революций 1848–1849 гг., а перемены, произошедшие в Агарине после нового приезда в усадьбу, его пессимизм и неверие в общественный прогресс исследователь считает следствием разочарования героя в общественных идеалах, которое вызвано периодом реакции, наступившей после недавних революционных событий [Гаркави 1956: 152–153].

Конечно, с позиции современности нет необходимости все подгонять под социологические схемы, но все же в черновой редакции поэмы имеется более конкретное указание на духовные идеалы Агарина. В первой части этой редакции автор пред-

ставляет его благородным романтиком, мечтающим о прекрасном будущем человечества. Однако в окончательной редакции Некрасов от этого варианта отказался, он больше не симпатизирует своему герою, который во второй части поэмы предстает «лишним человеком». К этому типу Некрасов относил большинство либералов 1850-х гг., оторванных от родной почвы. Недаром в некоторых черновиках поэмы его герой наделен именем «Чужбинин». Основной порок Агарина, как и Рудина, заключается в том, что его слово не переходит в дело, но по своей духовной и социальной сущности герои разные. Рудин — энтузиаст, вечный романтик, обладающий даром красноречия и зажигающий молодые сердца жаждой деятельного добра, а Агарин во второй части поэмы — безвольный, слабохарактерный человек, изменивший своим прежним идеалам. В отличие от Рудина, он разочаровался в своих прежних просветительских взглядах и убеждениях, духовно сломался и теперь советовал Саше бросить чтение книг и свою филантропическую деятельность. О своем неверии, разочаровании в роде человеческом он признается Саше:

— Оба тогда мы болтали пустое!
Умные люди решили другое,

Род человеческий низок и зол...
[Некрасов 1982, т. 4: 22]

О принципиальном отличии героев Тургенева и Некрасова свидетельствует эпилог романа «Рудин», в котором изображена гибель Рудина на парижских баррикадах. Н. Г. Чернышевский связывал поведение человека на rendez-vous с его гражданской и общественной позицией, считая, что «без приобретения привычки к самобытному участию в гражданских делах, без приобретения чувств гражданина ребенок мужского пола, вырастая, делается существом мужского пола средних, а потом пожилых лет, но мужчиной он не становится» [Чернышевский 1950: 168–169]. Высказывание Чернышевского относится и к некрасовскому герою, который в ситуации на rendez-vous проявил комплекс «социальной несостоятельности» [Пустовойт 1980: 180].

Выразителем авторской позиции является Саша, именем которой Некрасов назвал свое про-

изведение. В поэме поэт продолжил борьбу за необходимость общественной деятельности женщины, признание ее прав и уважение личного достоинства, которую он начал своими лирическими стихотворениями середины 1840-х гг.

После внезапного отъезда Агарина Саша долго страдала, не находила себе места, но его возвращение в родные пенаты уже не вызвало прежних чувств в сердце героини. Несмотря на свою влюбленность в Агарина, Саша после некоторых колебаний отказывается выходить за него замуж. Ее возлюбленный оказался слабым человеком, предавшим высокие идеалы просвещения, нравственного прогресса. Автор верит, что девушка справится со своими переживаниями и не погибнет в глуши, ведь он в своем окружении встречал девушек, биографии которых напоминают судьбу его героини:

Полноте, добрые люди, тужить!
Будете скоро по-прежнему жить:

Саша поправится — бог ей поможет.
Околдовать никого он не может.

[Некрасов 1982, т. 4: 24]

Последняя глава поэмы заканчивается гимном свободе и борьбе за освобождение от социального и духовного рабства, которые, по мнению автора, связаны с просвещением и воспитанием чувства свободы:

В наши великие, трудные дни
Книги не шутка: укажут они

Все недостойное, дикое, злое,
Но не дадут они сил на благое,

Но не научат любить глубоко...
Дело веков поправлять нелегко!

В ком не воспитано чувство свободы,
Тот не займет его; нужны не годы —

Нужны столетья, и кровь, и борьба,
Чтоб человека создать из раба.

[Некрасов 1982, т. 4: 27]

В поэме «Саша» Некрасов создал обаятельный образ девушки, которая посредством образования развила свой ум и приобщилась к передовым идеям времени. Автор убежден, что такие девушки со временем будут определять будущее России:

В добрую почву упало зерно —
Пышным зерном отродится оно!
[Некрасов 1982, т. 4: 27]

Результаты

Вслед за Некрасовым к усадебному сюжету, в центре которого духовное развитие девушки, обратился А. А. Фет в своей поэме «Две липки», опубликованной в «Отечественных записках» за 1857 г. (в № 1). Любопытно, что поэма Фета, как и поэма Некрасова, была посвящена Тургеневу. Однако Фету, несмотря на прекрасную форму, не удалось внести в структуру усадебного сюжета что-то свое, новое, поэтому и отказал ему Некрасов в публикации в «Современнике», о чем писал в письме к автору «Рудина»: «Он [Фет] написал поэму «Липки», по-моему, плохую до значительной степени. Я за ней не погнался. Нет, поэмы — не его дело» [Некрасов 1982, т. 14, кн. 2: 17].

А в поэме Некрасова была своя новизна. Он разработал удачную форму идеологической поэмы, соединив в ней лирические сцены и авторские отступления-размышления. Поэтому «Саша» Некрасова стала заметным явлением в духовной жизни России. О воздействии ее на свое нравственное развитие писала В. Н. Фигнер: «Над этой поэмой я думала, как еще никогда в свою 15-летнюю жизнь мне не приходилось думать. Поэма учила, как жить, к чему стремиться. Согласовать слово с делом — вот чему учила поэма, требовать этого согласования от себя и от других учила она. И это стало девизом моей жизни» [Фигнер 1964: 92].

Еще дальше пошел Н. Г. Чернышевский в своем романе «Что делать?», в котором предложил новый вариант поведения русского человека на rendez-vous. В нем он, как писала О. Б. Кафанова, не только пытался уравнивать в правах женщину с мужчиной, но даже «перегнул палку» в ее пользу: «Эгоизм любви и принижение женщины были так ему ненавистны, что, борясь с ними, Чернышевский впадал в противоположную крайность» [Кафанова 1998: 371]. Чернышевский в одном из эпизодов романа, в диалоге своих героев — Веры Павловны и Александра Кирсанова, — проводит мысль: «— Вот какие, Саша. Мы с тобою часто

говорили, что организация женщины едва ли не выше, чем мужчины, что поэтому женщина едва ли не оттеснит мужчину на второй план в общественной жизни, когда пройдет господство грубого насилия...» [Чернышевский 1939, т. 11: 252].

Можно заключить, что образ девушки, созданный Некрасовым в поэме «Саша», был вполне удачным и востребованным современниками, но поэт свой успех больше не развивал, так как соперничество с Тургеневым было бы непродуктивным.

ИСТОЧНИКИ

Блок 1960 — Блок А. А. *Собрание сочинений*: в 8 т. Т. 3. М.; Л.: Художественная литература, 1960. 712 с.

Некрасов 1981–2000 — Некрасов Н. А. *Полное собрание сочинений и писем*: в 15 т. Художественные произведения. Т. 1–10. Критика. Публицистика. Письма. Т. 11–15. АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); ред. коллегия: В. Г. Базанов, А. И. Груздев, Н. В. Осьмаков, Ф. Я. Прийма (зам. гл. ред.), А. А. Сурков, М. В. Храпченко (гл. ред.). Л.; СПб.: Наука, 1981–2000.

Огарев 1956 — Огарев Н. П. *Избранные социально-политические и философские произведения*. М.: Гослитиздат, 1956. Т. 2. 605 с.

Панаев 1888 — Панаев И. И. *Полное собрание сочинений*. СПб., 1888. Т. 3. С. 369–458.

Пушкин 1978 — Пушкин А. С. *Полное собрание сочинений*: в 10 т. АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). 4-е изд. Л.: Наука. Ленинградское отд., 1977–1979. Т. 5, 1978. 529 с.

Тургенев 1987 — Тургенев И. С. *Полное собрание сочинений и писем*: в 30 т. Письма: в 12 т. М.: Наука, 1987. П. Т. 2. С. 297.

Фигнер 1964 — Фигнер В. *Запечатленный труд. Воспоминания. В двух томах*. Т. I. М., 1964.

Чернышевский 1939–1953 — Чернышевский Н. Г. *Полное собрание сочинений*: в 15 т. Кирпотин В. Я., Козьмин Б. П., Лебедев-Полянский П. И. (ред.). М.: Гослитиздат, 1939–1953.

ЛИТЕРАТУРА

Гаркави 1956 — Гаркави А. М. Поэма Некрасова «Саша». В сб.: *Некрасовский сборник II*. М.: Госиздат, 1956. С. 151–170.

Дудышкин 1861 — Дудышкин С. С. Стихотворения Н. Некрасова (Издание второе. С. Петербург. 1861 г. Два тома). *Отечественные записки*. 1861, № 12. Отд. III: 77–120.

Гин 1957 — Гин М. М. Н. А. Некрасов — литературный критик. Бухштаб Б. Я. (ред.). Петрозаводск: Госиздат Карельской АССР, 1957. 190 с.

Кафанова 2018 — Кафанова О. Б. Тургеневская девушка как культурно-исторический тип. В кн.: Доманский В. А., Кафанова О. Б. *Художественные миры Ивана Тургенева*. М.: Флинта, 2018. С. 120–180.

Кафанова 2003 — Кафанова О. Б. Русский жоржандизм. В кн.: *Вожжи умов и моды. Чужое имя как наследуемая модель жизни*. СПб.: Наука, 2003. С. 104–143.

Кафанова 1998 — Кафанова О. Б. *Жорж Санд и русская литература XIX века (Мифы и реальность) 1830–1860 гг.* Томск: ТГПУ, 1998. 410 с.

Макушинский 2003 — Макушинский А. Отвергнутый жених, или Основной миф русской литературы XIX века. *Вопросы философии*. 2003, (7): 35–43.

Маслов 1971 — Маслов В. С. Некрасов и Тургенев. К вопросу о литературных взаимоотношениях («Саша» и «Рудин»). В сб.: *О Некрасове. Статьи и материалы*. Вып. 3. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд., 1971. С. 136–154.

Пустовойт 1980 — Пустовойт П. Г. И. С. Тургенев — художник слова. М.: МГУ, 1980. С. 180.

Степина 2013 — Степина М. Ю. «Родственники» И. И. Панаева — «Саша» Н. А. Некрасова — «Рудин» И. С. Тургенева: контекст и оценки. *Спасский вестник*. Вып. 21. Тула: Гриф и К, 2013. 136–148.

SOURCES

Блок 1960 — Blok A. A. *Collected works*: in 8 vols. Vol. 3. Moscow; Leningrad: Khudozhestvennaia literature Publ., 1960. 712 p. (In Russian)

Некрасов 1981–2000 — Nekrasov N. A. *Complete Works and Letters*: in 15 vols. Works of art. Vols. 1–10. Criticism. Journalism. Letters. Vols. 11–15. AN SSSR. Institut russkoi literature (Pushkin Dom). Bazanov V. G., Gruzdev A. I., Os'makov N. V., Priima F. Ia., Surkov A. A., Khrapchenko M. V. (eds). Leningrad; St. Petersburg: Nauka Publ., 1981–2000. (In Russian)

Огарев 1956 — Ogarev N. P. *Selected socio-political and philosophical works*. Moscow: Goslitizdat Publ., 1956. Vol. 2. 605 p. (In Russian)

Панаев 1888 — Panaev I. I. *Complete Works*. St. Petersburg, 1888. Vol. 3. P. 369–458. (In Russian)

Пушкин 1978 — Pushkin A. S. *Complete Works*: in 10 vols. AN SSSR. Institut russkoi literature (Pushkin Dom). Fourth edition. Leningrad: Nauka Publ. Leningradskoe otdelenie. 1977–1979. Vol. 5. 1978. 529 p. (In Russian)

Тургенев 1987 — Turgenev I. S. *Complete Works and Letters*: in 30 vols, *Letters*: in 12 vols. Moscow: Nauka Publ., 1987. Vol. 2. 297 p. (In Russian)

Фигнер 1964 — Figner V. *Imprinted work. Memories*: in 2 vols. Vol. I. Moscow, 1964. (In Russian)

Чернышевский 1939–1953 — Chernyshevskii N. G. *Complete Works*: in 15 vols. Kirpotin V. Ia., Koz'min B. P., Lebedev-Polianskii P. I. (eds). Moscow: Goslitizdat Publ., 1939–1953. (In Russian)

REFERENCES

Гаркави 1956 — Garkavi A. M. Nekrasov's poem "Sasha". In: *Nekrasovskii sbornik II*. Moscow: Gosizdat Publ., 1956. P. 151–170. (In Russian)

Дудышкин 1861 — Dudyshkin S. S. Poems by N. Nekrasov (Second edition. St. Peterburg. 1861, in 2 vols). *Otechestvennye zapiski*. 1861, no 12. Otd. III: 77–120. (In Russian)

Гин 1957 — Gin M. M. *N. A. Nekrasov — literary critic*. Buhshtab B. Ya. (ed.). Petrozavodsk: Gosizdat Karelskoi ASSR, 1957. 190 p. (In Russian)

Кафанова 2018 — Kafanova O. B. Turgenev girl as a cultural and historical type. In: Domanskii V. A., Kafanova O. B. *Khudzhestvennye miry Ivana Turgeneva*. Moscow: Flinta Publ., 2018, P. 120–180. (In Russian)

Кафанова 2003 — Kafanova O. B. Russian Georg-sandism. In: *Vozhdi umov i mody. Chuzhoe imia kak nasleduemaia model' zhizni*. St. Petersburg: Nauka Publ., 2003. P. 104–143. (In Russian)

Кафанова 1998 — Kafanova O. B. *George Sand and Russian Literature of the 19th Century (Myths and Reality) 1830–1860*. Tomsk: TGPU Publ., 1998. 410 p. (In Russian)

Макушинский 2003 — Makushinskii A. The Rejected Bridegroom, or the Main Myth of Russian Literature of the 19th Century. *Voprosy filosofii*. 2003, (7). P. 35–43 (In Russian)

Маслов 1971 — Maslov V. S. Nekrasov and Turgenev. On the question of literary relationships (“Sasha” and “Rudin”). In: *O Nekrasove. Stat'i i materialy*. Vyp. 3. Iaroslavl': Verkh.-Volzh. kn. izd. Publ., 1971. P. 136–154. (In Russian)

Пустовойт 1980 — Pustovojt P. G. *I. S. Turgenev — the artist of the word*. Moscow: MGU Publ., 1980. 180 p. (In Russian)

Степина 2013 — Stepina M. Yu. “Relatives” by I. I. Panayeva — “Sasha” by N. A. Nekrasov — “Rudin” by I. S. Turgenev: context and assessments. *Spasskii vestnik*, iss. 21. Tula: Grif i K Publ., 2013. P. 136–148. (In Russian)

НАРРАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ В РАССКАЗАХ В. В. НАБОКОВА 1920-х ГОДОВ*

ALLA S. STEPANOVA

NARRATIVE STRATEGIES IN THE STORIES BY VLADIMIR NABOKOV IN THE 1920s

**Алла Сергеевна
Степанова**

Кандидат филологических наук

► allastepanova@yandex.ru

Издательская группа «Азбука-Аттикус»,
Российская Федерация, 191123,
Санкт-Петербург, Воскресенская наб., 12

Alla S. Stepanova

PhD in Philology
Azbooka-Atticus Publishing Group,
12, Voskresenskaya nab., St. Petersburg,
191123, Russian Federation

Особенности нарративной структуры в произведениях В. В. Набокова уже не раз становились предметом внимания исследователей — и литературоведов, и лингвистов. При анализе отдельных текстов и в работах обобщающего характера, посвященных Набокову, отмечались черты, специфические для модернистского нарратива, и в первую очередь неопределенность «дейктического модуса текста» (М. Я. Дымарский). Однако в раннем творчестве писателя, когда его индивидуальная манера только формировалась, можно найти примеры и последовательно выдержанного традиционного нарратива. Материалом изучения послужили рассказы Набокова 1920-х гг.: на этот период приходится едва ли не половина созданных им рассказов; кроме того, обращает на себя внимание неустойчивость авторских предпочтений при выборе нарративных стратегий. Принципиальные различия этих стратегий, их несовместимость, ориентация на решение взаимоисключающих задач становятся заметнее при сопоставлении ранней прозы Набокова и произведений Чехова — писателя, чей творческий метод эволюционировал в рамках традиционного нарратива. Так, наряду со всевозможными способами нарушения привычных условий коммуникации с читателем, Набоковым используются и типы повествования, рассмотренные А. П. Чудаковым на чеховском материале. Иначе говоря, в ранних рассказах Набоков активно осваивает опыт недавних предшественников и ищет пути к преодолению традиционных нарративных форм; в этом смысле арсенал его художественных приемов оказывается разнообразнее, чем у предшественников. Результаты исследования подводят к постановке вопроса о фабульной обусловленности тех или иных нарративных приемов в рассказах Набокова и шире — в его прозе.

Ключевые слова: В. В. Набоков, рассказы 1920-х гг., нарратив, художественные приемы, А. П. Чехов, творческая эволюция.

The author argues that the features of the narrative structure in the stories by Vladimir Nabokov have repeatedly become the subject of researchers' attention, both literary critics and linguists. Scholars have highlighted some features specific to the modernist narrative in the analyzes of particular Nabokov works and in the scholarly articles devoted to Nabokov in general. One of the most prominent feature is the uncertainty of the "deictic modus of the text" (Mikhail Dymarsky). However, in the early Nabokov works, when his individual style was just being formed, one can find examples of a consistently sustained traditional narrative. The material for this study was Nabokov's stories of the 1920s: this period accounts for almost half of the short stories he created; in addition, the instability of the author's preferences when choosing narra-

* Выполнено при поддержке гранта СПбГУ «Литературные тексты и их язык vs количественные, корпусные и компьютерные методы: взаимное тестирование (Набоков и сопоставительный материал): 2022 г., ID 72828386.

Supported by a grant from St. Petersburg State University "Literary texts and their language vs quantitative, corpus" and computer methods: mutual testing (Nabokov and comparative material): 2022, ID 72828386

tive strategies attracts researcher's attention. The fundamental differences between these strategies, their incompatibility, and their orientation toward solving mutually exclusive problems become more noticeable when comparing early Nabokov prose and the works by Anton Chekhov, a writer whose creative method evolved within the framework of the traditional narrative. So, along with all sorts of ways to violate the usual conditions of communication with the reader, Nabokov also uses the types of narration explored by Alexandre Chudakov on Chekhov's material. In other words, in the early stories, Nabokov actively masters the experience of his recent predecessors and looks for ways to overcome traditional narrative forms; in this sense, the arsenal of his artistic devices is more diverse than that of his predecessors. The results of the study allow to formulate a question about the plot conditionality of certain narrative devices in Nabokov's stories and, more broadly, in his prose.

Keywords: Vladimir Nabokov, stories written in the 1920s, narrative, artistic devices, Anton Chekhov, creative evolution.

Введение

Особенности нарративной организации прозы В. В. Набокова — один из актуальных аспектов изучения его творчества, как в лингвистике, так и в литературоведении¹. По мнению исследователей, Набоков развивает модернистскую модель нарратива, которая нарушает конвенциональные условия коммуникации с читателем, и в первую очередь это касается определенности представлений читателя о нарраторе (причастен ли он к изображенному миру или находится за пределами, каков его кругозор и т. д.). Так, Е. В. Падучева, анализируя рассказ «Набор», назвала его «одним из характерных набоковских издевательств над читателем»: по замыслу писателя, читатель должен «остаться в дураках» [Падучева 2010: 385]. М. Я. Дымарский пишет, что рассказы из сборника «Весна в Фиальте» представляют собой «своеобразный полигон, роль мишеней на котором была уготована всем без исключения аспектам дейктического модуса текста» [Дымарский 2001: 245]. Объектом анализа становятся не только отдельные произведения (романы и рассказы) или сборники, но и авторская поэтика в целом [Tammi 1985]. Тем не менее вопрос об эволюции нарративных приемов и стратегий в творчестве Набокова, на наш взгляд, остается перспективным для изучения.

Наше обращение к рассказам Набокова 1920-х гг. продиктовано, во-первых, количественными данными: из 66 рассказов, написанных им

с 1920 по 1951 г. на русском и английском языках, 30 были созданы в 1920–1928 гг. (все на русском языке)². А во-вторых, именно на жанре рассказа сосредоточен Набоков — начинающий прозаик; со временем интерес писателя к нему снижается: в 1930–1940 гг., после небольшого перерыва, были написаны еще 27 рассказов (на русском); и еще 9, вновь после перерыва, — в 1943–1951 гг. (на английском). Можно говорить о том, что в 1920-е гг. рассказ стал для Набокова своего рода творческой лабораторией, где им были опробованы различные нарративные приемы, впоследствии примененные в романах. Само их разнообразие, вариативность условий применения и компоновки в значительной мере свидетельствуют об экспериментальном характере малой прозы Набокова указанного периода.

Значительно позднее, в интервью 1963 г., Набоков говорил: «Настоящий писатель должен внимательно изучать творчество соперников, включая Всевышнего. Он должен обладать врожденной способностью не только вновь перемешивать части данного мира, но и вновь создавать его. Чтобы делать это как следует и не изобретать велосипед, художник должен *знать* этот мир. Воображение без знания приведет лишь на задворки примитивного искусства, к детским каракулям на заборе или к выкрикам узколобых ораторов на базарной площади»³ [Набоков 2018: 46]. Процитированные слова в полной мере соотносятся с ранними сочинениями Набокова. В 1920-е гг. он осваивает «готовые» приемы традиционного нарратива, представленного в прозе писателей-предшественников, в том числе старших современников; при этом уже на раннем этапе в творчестве Набокова сильна тенденция, отличающая литературу модернизма, к нарушению конвенциональных условий нарратива.

Обсуждение

В связи с этим показалось целесообразным сопоставить нарративные стратегии в рассказах Набокова и в текстах одного из его ближайших литературных предшественников — А. П. Чехова, у которого Набоков наследует ряд новаторских для конца XIX — начала XX в. приемов.

Таблица 1. Результаты исследования, проведенного А. П. Чудаковым

Ранние рассказы А. П. Чехова	Общее число произведений	Позиция повествователя в развернутых высказываниях	Позиция повествователя в отдельных словах	Вмешательство по- вестователя в ход рассказа
Количество рассматриваемых позиций	142	69	91	58
Рассказы в 3-м лице:	107	43	58	38
а) общее число		46 %	62 %	41 %
б) тексты, давшие положительные ответы	35	26	35	20
а) общее число		64 %	100 %	57 %
б) тексты, давшие положительные ответы				

Интересующий нас аспект поэтики Чехова был подробно исследован А. П. Чудаковым в монографии «Поэтика Чехова» (1971). Как показал Чудаков, Чехов шел от субъективного повествования начала 1880-х гг. (когда повествователь открыто проявляет себя в различных оценочных формах речи) к объективному повествованию «в тоне» и «в духе» героя в зрелой прозе 1888–1894 гг., а затем к усложненному, многоплановому повествованию 1895–1904 гг., позволяющему вместить «сферы сознания многих героев» [Чудаков 2016: 146], а внешнему повествователю давать свои оценки, при этом не претендуя на статус конечной инстанции.

А. П. Чудаковым была разработана сетка-опросник, с помощью которой исследовались ранние рассказы Чехова (1881–1885). Результаты проведенного им анализа в целом выглядят так⁴ (отдельно ученым рассматривались рассказы-сценки, поскольку главная роль в них принадлежит диалогу) (табл. 1).

Мы посчитали возможным применить методу А. П. Чудакова по отношению к малой прозе Набокова (при всех различиях творческой манеры двух писателей и самого арсенала нарративных приемов, который они могли использовать), в частности к рассказам 1920-х гг. При этом в нашей сетке-опроснике был изменен критерий, связанный с существенными отличиями нарратива у Чехова и Набокова: вместо «вмешательство повествователя в ход рассказа» представлен другой (нерелевантный для Чехова, но частотный у Набокова) показатель — «нарушения кон-

венциональных условий нарратива». Случаи же «вмешательства повествователя в ход рассказа» (обращения к читателю и т. п.), в зависимости от конкретного примера, были дифференцированы нами по двум показателям — как «нарушения конвенционных условий нарратива» и как проявления «позиции повествователя в развернутых высказываниях».

В ходе сплошного последовательного описания и систематизации нарративных приемов в рассказах Набокова и анализа лингвистических средств организации повествовательной структуры в его произведениях были получены следующие результаты (табл. 2).

Как видим, и Чехов, и Набоков отдают предпочтение форме рассказа от 3-го лица. Причем проявления позиции повествователя в рассказах от 1-го лица и у Чехова, и у Набокова заметно интенсивнее, чем в рассказах от 3-го лица. Обращает на себя внимание и то, что третьеличный повествователь у Набокова даже менее активен, чем в ранних рассказах Чехова; напротив, в нарративах от 1-го лица выраженные в процентах результаты оказались выше в произведениях Набокова.

Можно с уверенностью предположить, что если провести сопоставление рассказов Набокова с поздней прозой Чехова, то результаты будут несколько иными: окажется, что произведения Чехова более сопоставимы с рассказами Набокова по общему количеству; в них появляется и такой прием, как свободный косвенный дискурс (когда нельзя установить, кто является субъек-

Таблица 2. Результаты исследования малой прозы В. В. Набокова

Рассказы В. В. Набокова 1920-х гг.	Общее число произведений	Позиция повествователя в развернутых высказываниях	Позиция повествователя в отдельных словах	Нарушения конвенциональных условий нарратива
Количество рассматриваемых позиций	30	17	18	16
Рассказы в 3-м лице:	18	8	8	6
а) общее число				
б) тексты, давшие положительные ответы		44 %	44 %	33 %
Рассказы в 1-м лице:	12	9	11	9
а) общее число				
б) тексты, давшие положительные ответы		75 %	92 %	75 %

том речи в данный конкретный момент — герой или нарратор), в дальнейшем разрабатываемый Набоковым.

Приведем пример из последнего рассказа Чехова:

«Было уже часов десять вечера, и над садом светила полная луна... и теперь Наде — она вышла в сад на минутку — видно было, как в зале накрывали на стол для закуски... В саду было тихо, прохладно, и темные покойные тени лежали на земле. Слышно было, как где-то далеко, очень далеко, должно быть, за городом, кричали лягушки. Чувствовался май, милый май! Дышалось глубоко и хотелось думать, что не здесь, а где-то под небом, над деревьями, далеко за городом, в полях и лесах, развернулась теперь своя весенняя жизнь, таинственная, прекрасная, богатая и святая, недоступная пониманию слабого, грешного человека. И хотелось почему-то плакать. Ей, Наде, было уже 23 года...» («Невеста», 1903).

От позиции внешнего наблюдения в самом начале («Наде... видно было») нарратор переходит на позицию героини, сливаются не только их точки зрения, но и голоса («слышно было» — кому из них?). И если предложение «И хотелось почему-то плакать» мы можем, скорее, соотнести с героиней, то слова о «слабом, грешном человеке» однозначно связать с героиней или нарратором нельзя. В конце же приведенной цитаты их позиции вновь четко разграничены («Ей, Наде...»).

Ср. похожие сближения и отдаления героя и нарратора, отмечаемые в небольшом фрагменте текста, у Набокова:

«Когда одна лыжа гнутым концом найдет на другую, то валишься вперед: жгучий снег забирается за рукава, и очень трудно встать. Керн, давно на лыжах не бежавший, сразу вспотел. Чувствуя легкое головокружение, он сдернул шерстяную шапку, щекотавшую ему уши; смахнул с ресниц влажные искры. Весело и лазурно было перед шестирусной гостиницей. В сиянии стояли бесплотные деревья. По плечам снеговых холмов рассыпались бесчисленные лыжные следы, что теневые волосы. А кругом — неслась в небо и в небе вольно вспыхивала — исполинская белизна. Керн, скрипя лыжами, взбирался по скату» («Удар крыла», 1923).

Принципиальное различие при сопоставлении с поздними произведениями Чехова, тем не менее, сохранится: эволюция творческой системы Чехова осуществлялась в рамках традиционного нарратива. «...Нельзя сказать, что старое ушло, а новое пришло на оставленное место. <...> Повествование “уплотнилось”, вставив в себя новые ингредиенты. Они не разрушили основной конструктивный принцип, но обогатили его» [Чудаков 2016: 146].

Набоков, чья творческая манера в 1920-е гг. только формировалась, использует самые разные, не совместимые друг с другом нарративные стратегии. Этим, на наш взгляд, объясняется, в частности, усиление проявлений повествователя от 1-го лица и склонность к нейтральному повествованию в 3-м лице. Пожалуй, можно говорить о том, что все три типа повествования, выделенные А. П. Чудаковым в прозе Чехова, обнаруживаются и в ранних рассказах Набокова.

У раннего Набокова есть рассказы, отвечающие принципам традиционного нарратива, причем повествователь не обозначает своего присутствия и воздерживается от оценочных суждений по отношению к героям и ситуациям. К числу таких рассказов относятся, например, «Порт», «Случайность», «Пасхальный дождь» — все три написаны в 1924 г. (всего в этом году Набоковым было создано 15 рассказов — больше, чем когда-либо), все три — в 3-м лице. Интересно, что в них несколько по-разному распределяется соотношение точки зрения повествователя и главного героя/героев.

Так, в рассказе «Порт» повествование от 3-го лица последовательно выдержано в кругозоре главного героя; это классический пример объективного повествования согласно терминологии А. П. Чудакова:

«Плечом пробив волнистый дождь занавески, Никитин вышел в покатый переулок. Правая сторона была в тени, по левой в жарком сиянии дрожжал вдоль панели узкий ручей, девочка, черноволосая, беззубая, в смуглых веснушках, ловила звонким ведром сверкающую струю; и ручей, и солнце, и фиолетовая тень, — все текло, скользило вниз, к морю: еще шаг, и там, в глубине, между стен, вырастал его плотный сапфировый блеск».

В рассказе «Случайность», где повествователь также занимает позицию наблюдения, точка зрения неоднократно меняется — ракурс изображения переходит с позиции одного героя на позицию другого героя или повествователя. Это история несостоявшейся встречи двух любящих людей, мужа и жены, ехавших в одном вагоне поезда, но так и не увидевшихся, не оказавшихся в поле зрения друг друга. Изменения ракурса изображения не нарушают условий нарратива от 3-го лица.

В рассказе «Пасхальный дождь» повествование в целом ведется в кругозоре главной героини — пожилой швейцарки Жозефины, которая в качестве гувернантки двенадцать лет прожила в России. Ей обидно, что супруги Платоновы, ныне эмигранты, не предлагают вместе с ними отметить православную Пасху, и ее открытость, наивность, бескорыстие вызывают у читателя сочув-

ствие. Однако в определенный момент внешние безучастность, даже черствость супругов Платоновых по отношению к Жозефине получают краткое, но прямое объяснение:

«Хотелось молчать, думать о своем, говорить одними взглядами, особыми, словно рассеянными улыбками, о сыне, убитом в Крыму, о пасхальных мелочах, о домово́й церкви на Почтамтской, а тут эта болтливая сентиментальная старуха с тревожными темно-серыми глазами, пришла, вздыхает, и так будет сидеть до того времени, пока они сами не выйдут из дому».

Мотивы поведения Платоновых, их желание уйти от тяжелых воспоминаний и разговоров с чужим человеком о семейном горе, остаются скрыты от Жозефины.

В соответствии с принципами традиционного нарратива в 3-м лице написаны и некоторые другие рассказы Набокова 1920-х гг. — например, «Наташа», «Дракон», «Рождество». В одних повествователь остается предельно сдержанным в собственных оценках, в других можно отметить его отношение к изображаемому (например, «Вагнера давали с прохладцей, со вкусом, музыкой накармливали до отвалу» — в рассказе «Возвращение Чорба» (1925), который можно отнести к третьему типу повествования, рассмотренному Чудаковым на чеховском материале)⁵. Эти же принципы выдержаны и в ряде рассказов 1930-х гг. (например, в «Обиде»), что свидетельствует о значимости данной базовой формы для Набокова.

Вместе с тем ощущается и стремление автора расширить потенциальные семантические возможности нарратива, преодолеть привычные условия коммуникации с читателем. К приемам нарушения традиционного нарратива (они общие как для перволичного повествования, так и для формы от 3-го лица) относят:

- нестабильность пространственно-временной позиции нарратора;
- нестыковки настоящего и прошедшего времени в речи нарратора;
- нестыковки устной и письменной речи;
- неопределенность границ компетенции нарратора⁶.

В качестве примеров можно назвать рассказы в 3-м лице: «Месть», «Катастрофа», «Венецианка» (все три также написаны в 1924 г.). Указанные примеры у Набокова нередко нарочиты, обнажены. Например, в «Мести» и «Венецианке» нарратор выходит за пределы изображаемого мира, осознавая себя и читателя в процессе создания текста:

«— Он очень доволен морем... — тихо добавила англичанка. После чего она, к сожалению, выпадает из моего рассказа»;

«Так приятный безобидный старик, как некий ангел-хранитель, на мгновение проходит через этот рассказ и вскоре удаляется в те туманные области, откуда он вызван был прихотью пера».

Еще бо́льшая экспериментальность заметна в рассказах от 1-го лица (75 %, тогда как в рассказах от 3-го лица этот показатель — 32 %), хотя их и меньше по количеству.

Нарративные «сбои» можно обнаружить уже в самом первом рассказе Набокова — «Нежить» (1920). Рассказчик вспоминает о некоем визитере:

«Худое пальтишко застегнуто было как-то не так — по-женски; в руке он держал шапку, — нет, темный неладный узелок, — шапки-то не было вовсе...»

Да, конечно, я знал его — даже, пожалуй, любил, — только вот никак придумать не мог, где и когда мы встречались, а, верно, встречались мы часто, иначе я не запомнил бы так твердо вон этих бруснично-красных губ, заостренных ушей, кадыка забавного...»

При помощи самоперебива (примета устной речи) в первом предложении нарушено условие чтения (а не слушания) текста, а во втором предложении возникает эффект неопределенности хронотопа («вон этих»).

В нарративах от 1-го лица Набоков начинает использовать двух рассказчиков. Впервые он прибегает к этому приему в рассказе «Говорят по-русски», где персонифицированный рассказчик передает слово другому герою, однако это еще не влечет за собой каких-либо конвенциональных нарушений. Перед нами традиционный рассказ в рассказе и пример субъективного повествова-

ния — в терминологии А.П. Чудакова⁷. Но уже в «Бахмане» (1924) наличие двух рассказчиков (пересказ в рассказе) приводит к коммуникативным сбоям: «внешний» рассказчик принадлежит изображаемому миру, но границы его компетентности в разных фрагментах текста не совпадают — он сообщает подробности, о которых не мог узнать сам и о которых ему никто не мог сообщить⁸. Например, о переживаниях героини:

«Она знала, что некрасива, не в меру худая, что бледность ее кожи болезненна, — но эта стареющая женщина с лицом неудавшейся мадонны была привлекательна именно тем, чего больше всего стыдилась, — бледностью губ и едва заметной хромотой, заставлявшей ее всегда ходить с тростью».

В нескольких рассказах от 1-го лица Набоков использует обращение «ты» («Звуки», «Боги», «Благодать», «Письмо в Россию», «Гроза»): подразумевается некая, находящаяся за пределами изображенного мира, возлюбленная. Создается лирическая ситуация, которая сама по себе не является нарушением традиционного нарратива. Но в трех из пяти рассказов с помощью нарративных приемов Набоков добивается эффекта неопределенности местонахождения и рассказчика, и «героини», отдельные маркеры (время, вид, наклонение глагола и др.) указывают на нестыковки настоящего и прошедшего времени, в письменную речь вторгаются приметы устной речи (например, «слушай» — в «Письме в Россию») и др.

Итоги

Всякий раз попытки преодолеть привычную условность традиционных нарративных форм от 3-го и от 1-го лица приводят отчасти к парадоксальному, отчасти к ожидаемому эффекту — усилению условности изображения. Так, в рассказе «Венецианка» — где один из персонажей входит в картину на холсте, а потом возвращается в обычный мир — нарратор не только не объясняет случившееся, но и считает единственной загадкой лимон, попавший в реальный мир из картины («...сухой сморщенный плод, случайно найденный садовником, является единственной загадкой во всем этом рассказе»).

Но в тех случаях, когда нарушение «реалистического» способа изображения для Набокова нежелательно, он оставляет эксперименты с новыми (модернистскими) стратегиями и прибегает к традиционному нарративу. Таков, например, рассказ «Подлец» (1927), который, по словам самого Набокова, восходит к повести Чехова «Дуэль»: «Сюжет разворачивается в унылой эмигрантской среде и представляет собой запоздалую вариацию на романтическую тему, закат которой начался с блистательной новеллы Чехова “Дуэль”»⁹ [Nabokov 1997: 649].

Дальнейшее развитие способов и приемов организации нарратива, отмеченных нами в ранних произведениях Набокова, требует отдельного подробного исследования. Наряду с этим заслуживает внимания и вопрос о сюжетно-фабульной обусловленности тех или иных нарративных приемов в рассказах Набокова и шире — в его прозе. В качестве примера такой взаимосвязи между фабулой и нарративом можно привести уже упоминавшиеся рассказы «Случайность» и «Венецианка» или рассказ «Катастрофа» (1924), где экстраординарная ситуация, развернутая в метафизическом ключе, предполагает использование нетривиальных приемов. Напротив, в автобиографической прозе их доля, скорее всего, будет минимизирована.

¹ См., например: [Tammi 1985; Падучева 2010; Дымарский 2001; Левин 1998; Романовская 2003, Зорина 2005 и др.].

² Первый рассказ («Нежить») был написан Набоковым в 1920 г., далее последовал двухлетний перерыв. Весь корпус рассказов Набокова представлен в «Полном собрании рассказов», подготовленном А. А. Бабиковым [Набоков 2012]. В это издание вошли и четыре рассказа, которые писателем не были опубликованы ни на русском, ни на английском языках («Говорят по-русски», «Звуки», «Боги», «Наташа»). Возможно, Набоков не был удовлетворен их художественными достоинствами, однако эти тексты представляют безусловный интерес для нашего исследования. «Mademoiselle O» и «Первая любовь» (тоже представленные в «Полном собрании рассказов»), в итоге вошедшие в автобиографическую книгу «Другие берега» в качестве ее глав, должны, по-видимому, рассматриваться отдельно.

³ Перевод Д. Г. Федосова. В оригинале: «A creative writer must study carefully the works of his rivals, including the Almighty.

He must possess the inborn capacity not only of recombining but of recreating the given world. In order to do this adequately, avoiding duplication of labor, the artist should know the given world. Imagination without knowledge leads no farther than the backyard of primitive art, the child's scrawl on the fence, and the crank's message in the market place».

⁴ Подробнее см.: [Чудаков 2016: 15–67].

⁵ О чеховском коде в этом рассказе см.: [Степанова 2021].

⁶ Подробнее см.: [Дымарский 2001; 2020].

⁷ Образ ненадежного рассказчика создается при помощи сноски: «Прим. авт. В этой истории, разумеется, все черты и приметы, могущие дать намек на настоящего Мартын Мартыныча, сознательно искажены. Говорю это затем, чтобы любопытные не искали бы зря “табачной лавки в угловом доме”». Читателю остается только гадать о границах правды и вымысла.

⁸ Так что этот рассказ никак нельзя назвать примером традиционного нарратива, тем более «безупречного» [Падучева 2005: 920].

⁹ Перевод Д. В. Набокова цитируется по: [Набоков 2012: 700]. В оригинале: «The story renders in a drab expatriate setting a belated variation on the romantic theme whose decline started with Chehov's magnificent novella *Single Combat* (1891)».

ИСТОЧНИКИ

Набоков 2012 — Набоков В. *Полное собрание рассказов*. СПб.: Азбука, 2012. 752 с.

Набоков 2018 — Набоков В. *Строгие суждения*. М.: Ко-Либри, Азбука-Аттикус, 2018. 416 с.

Чехов 1974–1983 — Чехов А. П. *Полное собрание сочинений*: в 30 т. М.: Наука, 1974–1983.

Nabokov 1997 — Nabokov V. *The Collected Stories*. London: Penguin Books, 1997. 688 p.

ЛИТЕРАТУРА

Дымарский 2001 — Дымарский М. Deus ex texto, или Вторичная дискурсивность набоковской модели нарратива. В сб.: *Владимир Набоков: pro et contra*: в 2 т. Т. 2. СПб.: РХГИ, 2001. С. 236–260.

Дымарский 2020 — Дымарский М. Я. *Проблемы текстообразования и художественный текст: На материале русской прозы XIX–XX вв.* М.: URSS, 2020. С. 149–206; 233–275.

Зорина 2005 — Зорина Е. С. *Авторская модальность как организующая категория художественного повествования (на материале сборника рассказов В. Набокова «Весна в Фиальте»)*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 24 с.

Левин 1998 — Левин Ю. И. Биспециальность как инвариант поэтического мира В. Набокова. В кн.: Левин Ю. И. *Избранные труды: Поэтика. Семиотика*. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. С. 323–391.

Падучева 2005 — Падучева Е. В. Игра со временем в первой главе романа В. Набокова «Пнин». В сб.: *Язык. Личность. Текст*. М.: Языки славянских культур, 2005. С. 916–931.

Падучева 2010 — Падучева Е. В. *Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива*. М.: Языки славянской культуры, 2010.

Романовская 2003 — Романовская О. Е. *Принципы повествования в рассказах В. Набокова*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2003. 18 с.

Степанова 2021 — Степанова А. С. К вопросу о литературных связях А. П. Чехова и В. В. Набокова: рассказ «Возвращение Чорба». *Ученые записки Новгородского государственного университета*. 2021, 6 (39): 717–722.

Чудаков 2016 — Чудаков А. П. *Поэтика Чехова. Мир Чехова: возникновение и утверждение*. СПб.: Азбука, 2016. 704 с.

Tammi 1985 — Tammi P. *Problems of Nabokov's Poetics: A Narratological Analysis*. Helsinki: Suomalainen Tiedekatemia, 1985. 390 pp.

SOURCES

Набоков 2012 — Nabokov V. *Complete Stories*. St. Petersburg: Azbooka Publ., 2012. 752 p.

Набоков 2018 — Nabokov V. *Strict judgments*. Moscow: CoLibri, Azbooka-Atticus Publ., 2018. 416 p.

Чехов 1974–1983 — Chekhov A. P. *Full composition of writings*: in 30 vols. Moscow: Nauka Publ., 1974–1983.

Nabokov 1997 — Nabokov V. *The Collected Stories*. London: Penguin Books, 1997. 688 p.

REFERENCES

Дымарский 2001 — Dymarskii M. Deus ex texto, or Secondary Discursiveness of Nabokov's Model of Narrative. In: *Vladimir Nabokov: pro et contra*. In 2 vols. Vol. 2. St. Petersburg, 2001. P. 236–260. (In Russian)

Дымарский 2020 — Dymarskii M. *Problems of Text Formation and Literary Text: On the Material of Russian Prose of the 19th — 20th Centuries*. Moscow, 2020. P. 149–206; 233–275. (In Russian)

Зорина 2005 — Zorina E. S. *Author's Modality as an Organizing Category of Artistic Narration (based on "Spring in Fialta", a collection of short stories by Vladimir Nabokov)*: author's abstract of candidate of philological sciences dissertation. St. Petersburg, 2005. 24 p. (In Russian)

Левин 1998 — Levin Yu. Bispatiality as an Invariant of Vladimir Nabokov's Poetic World. In: Levin Yu. *Selected works: Poetics. Semiotics*. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1998. P. 323–391. (In Russian)

Падучева 2005 — Paducheva E. V. Playing with Time in the First Chapter of Vladimir Nabokov's Novel "Pnin". In: *Language. Personality. Text*. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2005. P. 916–931. (In Russian)

Падучева 2010 — Paducheva E. V. *Semantic Research: Semantics of Time and Aspect in Russian. The Semantics of Narrative*. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2010. (In Russian)

Романовская 2003 — Romanovskaia O. *The Principles of Narration in Vladimir Nabokov's stories*: author's abstract of candidate of philological sciences dissertation. Volgograd, 2003. 18 p. (In Russian)

Степанова 2021 — Stepanova A. S. On the question of literary links between Anton Chekhov and Vladimir Nabokov: the story "The Return of Chorb". *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2021, 6 (39): 717–722. (In Russian)

Чудаков 2016 — Chudakov A. P. *Poetics of Chekhov. Chekhov's World: Emergence and Assertion*. St. Petersburg: Azbooka Publ., 2016. 704 p. (In Russian)

Tammi 1985 — Tammi P. *Problems of Nabokov's Poetics: A Narratological Analysis*. Helsinki: Suomalainen Tiedekatemia, 1985. 390 p.

ОБРАЗ РОБИНЗОНА В АСПЕКТЕ ПРОБЛЕМЫ «СВОЙ — ЧУЖОЙ»*

TATIANA V. SHVETSOVA, VERONIKA E. SHAKHOVA
THE IMAGE OF ROBINSON CRUSOE IN THE ASPECT OF THE PROBLEM OF "ONE'S OWN — ALIEN"

**Татьяна Васильевна
Швецова**

Кандидат филологических наук, доцент

► t.shvetsova@narfu.ru

Северный (Арктический)
федеральный университет
имени М. В. Ломоносова,
Российская Федерация,
163002, Архангельск,
наб. Северной Двины, 17

Tatiana V. Shvetsova

PhD, Associate Professor

Northern (Arctic) Federal University
named after M. V. Lomonosov
17, nab. Severnoi Dviny, Arkhangelsk,
163002, Russian Federation

**Вероника Евгеньевна
Шахова**

► shahova2@gmail.com

Северный (Арктический) федеральный
университет имени М. В. Ломоносова
Российская Федерация, 163002,
Архангельск, наб. Северной Двины, 17

Veronika E. Shakhova

Northern (Arctic) Federal Lomonosov
University named after M. V. Lomonosov,
17, nab. Severnoi Dviny, Arkhangelsk,
163002, Russian Federation

Одна из актуальных проблем современного литературоведения — исследование дихотомии «свой — чужой», которая являет представление о другой культуре, языке и менталитете одного народа в литературе другого народа. В статье анализируется эволюция образа Робинзона Крузо в русской картине мира в рамках указанной имагологической проблемы. Роман английского писателя Д. Дефо «Жизнь, необыкновенные и удивительные приключения Робинзона Крузо» принадлежит к числу наиболее читаемых произведений мировой литературы. Интерес к нему не угасает как со стороны читателей, так и со стороны специалистов в различных предметных областях. Несмотря на формальную простоту архитектоники текста, роман Дефо открыл в свое время новую художественную парадигму. История Робинзона вышла за границы приключенческого жанра. Количество вопросов о выживании, эксплуатации ресурсов, социальном и политическом взаимодействии с другими человеческими сообществами не уменьшается. Поиск ответов становится глобальным и широким. Разные авторы по всему миру рассматривают эти вопросы сквозь призму романа Дефо «Робинзон Крузо» и его героя. С помощью метода имагологического анализа, предложенного современными учеными (А. А. Козловой, Л. П. Ивановой и др.), был проанализирован процесс перцепции образа Робинзона Крузо в России на хронологическом отрезке (XVIII–XXI вв.). Удалось выявить, что в XVIII в., когда роман Д. Дефо был переведен на русский язык, Робинзон — «чужое» имя. Далее имя собственное стало национально-прецедентным и оформилось как концепт языкового сознания и культуры. Рассматриваются факторы, повлиявшие на освоение образа Робинзона, благодаря которым он стал «своим» в русской культуре. Это, например, создание и освоение универсальных индикаторов образа в концентрированной форме (символизация), воплощение в других видах искусства (семиотизация), развитие дополнительных значений протообраза (коннотонимизация), встраивание в систему героев русскоязычных писателей (интерполяция).

Ключевые слова: Робинзон Крузо, «свой — чужой», имагология, коннотоним, имагологический метод.

One of the topical problems of modern literary criticism is the study of dichotomy "one's own — alien". This dichotomy is a representation of a different culture, language and mentality of one people in the literature of another people. The article analyzes the evolution of the Robinson Crusoe's image in the Russian worldview within the framework of the imagological problem. The novel "The Life and Strange Surprising Adventures of Robinson Crusoe" by the English writer Daniel Defoe belongs to the most widely read works of world literature. Interest in it does not fade, both from readers and from experts in various subject areas. Despite the formal simplicity

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ (проект № 22-28-20412).

The work was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (project No. 22-28-20412).

of this text's architectonics, Defoe's novel discovered a new artistic paradigm. The Robinson story has long gone beyond the boundaries of the adventure genre. The number of questions about survival, exploitation of resources, social and political interaction with other human communities does not decrease, and the search for answers is becoming global and broad. Various authors around the world view these issues through the lens of Defoe's novel and his hero. Using the method of imagological analysis proposed by modern scholars (A. A. Kozlova, L. P. Ivanova, etc.), the author analyzes the process of perceiving Robinson Crusoe's image in Russia in 18th–21st centuries, and demonstrates that in the 18th century, when Defoe's novel was translated into Russian, Robinson was an "alien" name. Then this proper name became nationally precedent and formed as a concept of linguistic consciousness and culture. The author explores the factors that influenced the development of Robinson's image, through which it became "one's own" in Russian culture. Among other factors, there are the creation and development of universal image indicators in a concentrated form (symbolization), embodiment in other forms of art (semiotization), the development of additional prototype consciousness (connotonimization), integration into the system of heroes of Russian writers (interpolation).

Keywords: Robinson Crusoe, "one's own — alien", imagology, connotation.

Введение

В аспекте изучения вопросов имагологии — усвоения образа чужой страны в пределах собственной национальной культуры — любопытным представляется анализ ассимиляции образа Робинзона Крузо в русской картине мира. Модель анализа перехода образа «чужого» в «свой» описана в одной из последних публикаций Л. П. Ивановой [Иванова 2021]. Исследователь устанавливает культурные, этнические и психологические факторы, обусловившие то или иное видение другого, не менее популярного персонажа, а именно Дон Кихота, описывает лингвокультурный концепт «Дон Кихот». В настоящей статье использован предложенный алгоритм применительно к образу заглавного героя романа Д. Дефо.

По справедливому утверждению И. С. Погодиной, «у любой эпохи есть свой Робинзон. Это не просто человек, силой обстоятельств оторванный от цивилизации, но человек своего времени, обладающий характерными чертами <...>. Робинзон стал так называемым вековым образом, к которому применимо понятие "герой-миф"» [Погодина 2017: 222].

Начнем с восприятия образа Робинзона Крузо разными народами. Время возникновения об-

раза Робинзона в английской литературе совпало с формированием новой эпохи и нового мировоззрения. Моряка из Йорка хорошо восприняла читательская публика. Вероятно, этот образ ассоциировался у англичан с предприимчивым человеком, умеющим выстроить свою жизнь и грамотно ею распорядиться. Робинзон — протестант, осознающий, что труд дарует ему место в «ином» мире среди избранных. С точки зрения А. А. Акатовой, Робинзон повторяет «путь Одиссея», цель данного пути — «понимание, раскрепощение, обретение собственного "я" на фоне общего пространства истории и культуры. Это путешествие к самому себе через погружение в ирреальное пространство, это разрушение привычных понятий реального и нереального, это своеобразная дезинтоксикация от стереотипов бытия» [Акатова 2017]. Примечателен необычный способ очищения героя от следов цивилизованного мира, предложенный исследовательницей, — «дезинтоксикация». Таким образом, путешествие Робинзона у Дефо интерпретируется как духовная практика, обретение личностью настоящего «я» и залог этого — отказ от привычных ценностей.

Герой романа Уилки Коллинза «Лунный камень» Габриэль Беттередж формулирует свое мнение относительно книги Дефо и ее основного героя: *«Мое мнение — отнюдь не мнение невежды, а я считаю, что книги, подобной "Робинзону Крузо", никогда не было и не будет написано. Много лет обращался я к этой книге — обыкновенно в минуты, когда покуривал трубку, — и она была мне верным другом и советчиком во всех трудностях этой земной юдоли. В дурном ли я расположении духа — иду к "Робинзону Крузо". Нужен мне совет — к "Робинзону Крузо". В былые времена, когда жена чересчур надоест мне, и по сей час, когда чересчур приналягу на стаканчик, — опять к "Робинзону Крузо". Я истрепал шесть новеньких "Робинзонов Крузо" на своем веку. В последний день своего рождения миледи подарила мне седьмой экземпляр. Тогда я по этому поводу хлебнул лишнего, и "Робинзон Крузо" опять привел меня в порядок»* [Коллинз 1866]. Таким образом, английский писатель через мнение собственного персонажа акцентирует такую черту сочинения Дефо, как спо-

способность приводить мысли в порядок, сохранять здравомыслие и трезвый рассудок. Однако в приведенном фрагменте многофункциональность сочинения Дефо преподносится в ироническом контексте. Рационализм просветительской эпохи становится способом излечения от части земных пороков: гнева, невоздержания в питии, сварливости, несдержанности в слове. Вместо молитвенника герой У. Коллинза читает «Робинзона Крузо». И не просто читает, а, как подчеркивает автор, «истрепал шесть новеньких книг» Дефо, то есть длительным употреблением привел в негодность.

За годы напряженного внимания к роману Дефо со стороны читательской аудитории возникли многочисленные интерпретации заглавного героя произведения. К началу XXI в. сложились философско-религиозная (Р. И. Фомичев, С. Г. Ларина [Фомичев, Ларина 2020]), социально-экономическая (Д. Мирский [Мирский 1935], М. Novak [Novak 2001]), литературоведческая (А. А. Елистратова [Елистратова 1966], З. Т. Гражданская [Гражданская 1974], Г. В. Аникин, Н. П. Михальская [Аникин, Михальская 1975]) интерпретации.

Обсуждение и результаты

Приведем мнения современных ученых по поводу романа «Жизнь и необыкновенные приключения Робинзона Крузо» и его основного героя, проследим основные тематические направления изучения произведения на Западе в наше время.

Общую характеристику Робинзона и явления «робинзонады» дает Якуб Липски [Lipski 2022]. В своей статье в контексте трехсотлетия «Робинзона Крузо» в 2019 г. ученый освещает основные вопросы исследований англоязычной литературы с точки зрения постколониализма, феминизма и др.

Другой исследователь, В. Хань, проводит сравнительное изучение романов «Робинзон Крузо» Д. Дефо и «Враг» Дж. М. Коэтзи в свете национализма, он утверждает, что «написав на английском языке, изобразив англоговорящего героя и представляя места и образ жизни в Англии, Даниэль Дефо создал национальное воображение английского народа и сформировал его национальный дух, поскольку он успешно изобразил... англий-

ского колонизатора Робинсона, который объединил все хорошие качества в одном человеке, который был представителем английской буржуазии восемнадцатого века» [Han 2017]. Хань очень подробно и на примерах из книги южноафриканского писателя Дж. М. Коэтзи показывает, как Робинзон во взаимоотношениях с Пятницей — дикарем-каннибалом — пробуждает национальное воображение английских читателей, показывая цивилизованный английский образ жизни белого колонизатора как наилучший. Автор романа «Враг» утверждает: «Крузо глуп и суеверен, что является насмешкой над разумом Робинзона в “Робинзоне Крузо”» [Han 2017]. Сюжет романа «Враг» построен вокруг существующего сюжета о Робинзоне и написан от лица главной героини, потерпевшей кораблекрушение. Она высадилась на том же острове, где жили Крузо и Пятница. Роман «Враг» рассматривается как женская робинзонада, подрывающая патриархальные устои. Характеристика Крузо у Коэтзи является полной противоположностью тому, как это выглядит у Дефо.

Свою точку зрения на Робинзона высказывает Л. Вильямс в статье «Daniel Defoe, Robinson Crusoe (1719) and tour thro' the whole Island of Great Britain (1724–1727)». Он пишет, что «Робинзон Крузо теперь получил статус “мирового текста”, а его одноименный персонаж стал влиятельным архетипом европейского колонизатора» [Williams 2020]. Вильямс помещает творчество Дефо в религиозный и расовый дискурс XVIII в., исследуя, адаптируя рассказ о путешествии, создает «романистический» жанр.

Образ Робинзона в западной литературе рассматривается не только с имперской позиции «колонизатор — дикарь». В своей статье «Didactic effects in the treatment of animals in chosen robinsonades» М. С. Домс уделяет внимание взаимодействию героя с окружающим пространством, в котором животные, например, играют важную роль в выживании человека. Домс рассматривает несколько областей, где присутствуют животные острова: охота, приручение и разведение, разделка убитых животных для еды и использование их останков в ремесленных процессах. Использование животных для собственного существования

приводит к установлению господства Крузо: «...по отношению к своим животным Робинсон действительно может вести себя как бесспорный абсолютистский правитель» [Doms 2019]. В качестве вывода исследователь обозначает основную цель образовательного процесса у Дефо: одновременное превращение главного героя в авторитарного и доброго главу семьи и в правителя, действия которого основаны на абсолютистских принципах.

Образ Робинсона трактуется и с медицинской точки зрения, как образ человека с заболеваниями. Предполагается, что наряду с недостатками личности у Крузо наличествует ряд психических расстройств, таких как социофобия, паранойя, галлюцинации. Например, Телл считает, что у Робинсона Крузо присутствовала «“хроническая чумка”, связанная с тягой к путешествиям, в контексте представлений о психических заболеваниях начала восемнадцатого века» [Thell 2020]. Телл пишет, что Дефо не осуждает подобную страсть и говорит о полезности этого вида безумия; оно противостоит праздности и указывает «на английскую торгово-капиталистическую идентичность» Крузо [Thell 2020].

О болезнях Крузо пишет и Х. Ванг [Wang 2019], который рассуждает о том, что физические и психические болезни играют существенную роль в сочинении английского просветителя. Болезнь приобретает в романе Дефо метафорическое значение. Рассказ о страданиях от болезни на острове формирует классический образ Робинсона.

Е. Дабрович утверждает: «...несмотря на то что менталитет дворянского происхождения имел антибуржуазный уклон, роман Дефо приобрел популярность и среди польских читателей. Робинзон Крузо был союзником тех польских писателей, которые впервые работали над спасением государства в конце XVIII века» [Dabrowicz 2019]. Автор делает отсылку к роману «Ян из Тенчины» Юлиана Урсын-Немцевича, написанному в 1825 г., где главный герой тоже терпит кораблекрушение и попадает на остров. Однако, в отличие от Крузо, тому не удастся обосноваться, у него нет предприимчивости Робинсона, он не делает запасов, не исследует остров и т. д. Выживать ему также мешают идеалистическое представление о жизни и любви,

собственный статус поляка из дворянской семьи и другие внутренние барьеры. Герой, по мнению автора, становится обреченным изгоем.

Своеобразную интерпретацию образа Робинсона составила Реббека Клинг [Kling 2022], взяв за основу тюремные мемуары афроамериканца Остина Рида, написанные им в 1858 г. Она считает, что образ Робинсона Крузо оказал существенное влияние на становление героя-рассказчика. Чернокожий «Робинзон», находясь в заключении, повествует о своей жизни в мире белых людей, которые относятся к нему как к рабу Пятнице. Даже на сегодняшний день «Жизнь и приключения осужденного с привидениями» поднимает острые расовые вопросы и знаменует собой новое слово в афроамериканской британской литературе.

Золтан Эндрю Саймон в «Путешествии Робинсона Крузо по картам от Коста-Рики до России» писал, что Даниэль Дефо отрицал свое авторство мемуаров Робинсона, однако его рассказ стал частью литературного наследия европейской цивилизации. Он породил новый толчок к исследованиям окружающего мира, объединив научные интересы к истории, географии, картографии, астрономии, ботанике, зоологии, археологии, лингвистике и многим другим областям знаний. Робинзон представлен не просто как любознательный исследователь новых земель, а как человек, пытающийся применить знания и умения и познать новые науки. «Если история правдива, читателям будет любопытно проследить за ней на картах» [Simon 2022].

Об отношении к острову как к эдемскому саду пишут разные специалисты. Богатства природы на острове есть знак непрекращающегося Промысла Божия. Крис Маунси утверждает, что Робинзон показан как крестьянин, постигающий науку о земле и скотоводстве в суровых условиях необитаемого острова. По мнению исследователя, Дефо напомнил своему сообществу, что «когда люди снова подключатся к процессу производства, они могут лучше ощутить свое место в мире» [Mounsey 2022].

Образ Робинсона, благодаря наблюдениям некоторых западных исследователей и интерпретаторов [Гомес 2019], дополняется аллегорической

трактовкой. Роман интерпретируется как вариация библейского сюжета о блудном сыне. Некоторые литературоведы проводят параллели между романом Дефо и книгой Бытия, поскольку Робинзон создает свой мир — мир чистого предпринимательского творчества.

Для представителей Западной Европы Робинзон Крузо — «ремесленник, земледелец и животновод, живущий на острове, пример успешно осуществленной автаркии, понимаемой и как хозяйственное обособление, и как личная независимость от внешнего мира» [Урбен]. Таким воспринимали героя Дефо Ж.-Ж. Руссо, Ж. Верн и другие. Робинзон — герой мифа о новом мире. Новый — не в значении «еще один», «повторяющийся в ряду», а в значении «совсем другой». Как герой мифа, он совершает мироустроительный поступок и творит Вселенную, тем самым повторяя акт миротворения, прописанный в Библии.

Имя Робинзона Крузо со временем коннотатизируется. Любопытный подход к интерпретации имени Робинзона предлагают лингвисты. Так, в статье Э. В. Будаева читаем: «Robinson Crusoe (Робинзон Крузо) — прецедентное имя <...> обычно употребляется как символ одиночки, который вынужден жить вдали от людей и добывать все необходимое для жизни своим трудом. Вместе с тем в каждом конкретном контексте метафоризация сопровождается переносом определенного концептуального признака, в то время как остальное содержание концепта не актуализируется. <...> (Транг обладает огромной привлекательностью для тех, кто желает отдохнуть в спокойствии, тишине и полном расслаблении в духе Робинзона Крузо.) В приведенном примере прецедентное имя Robinson Crusoe — метафора, привносящая смысл полного уединения для отдыха» [Будаев 2020]. Автор цитаты представляет пример метафорического смещения в прецедентном имени «Робинзон» и устанавливает некоторые семантические оттенки имени литературного героя по данным СМИ-коммуникации. Таким образом, на сегодняшний день содержание концепта, связанное с напряженным трудом Робинзона Крузо на острове, не служит основанием для метафоризации.

Заметим, что в испанском языке имя литературного героя Дефо сопряжено с такими смыслами: «“Robinsón” (Робинзон, одинокий, беспомощный)» [Богданова 2020: 380]. Стало быть, испанцы видят в герое Дефо человека, заброшенного в мир и лишенного помощи со стороны каких бы то ни было сил. В такой трактовке прочитывается обреченность, экзистенциальное начало в фигуре Робинзона.

Для носителя русского языкового сознания имя «Робинзон» соответствует критериям категории прецедентного имени: «Прецедентное имя (ПИ) — индивидуальное имя, связанное с широко известным текстом, как правило, относящимся к прецедентным (например, Печорин, Теркин), или с прецедентной ситуацией (например, Иван Сусанин); это своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не к собственно денотату (референту), а к набору дифференциальных признаков данного ПИ; может состоять из одного (например, Ломоносов) или более элементов (например, Куликово поле, “Летучий голландец”), обозначая при этом одно понятие» [Захаренко 1997: 83]. Дифференциальными признаками являются внешность, характер, прецедентная ситуация.

Благодаря экранизациям и живописным полотнам Робинзон предстает в нашем сознании: 1) физически развитым мужчиной средних лет, одетым в одежду из козлиных шкур, с зонтом из пальмовых листьев в руках; 2) сильным, мужественным; 3) предприимчивым; 4) построившим свой Рай. В то же время именно национально-прецедентным его делает кардинальное отличие в восприятии и трактовке от западноевропейских культур.

Обратимся к уникальному «Словарю коннотативных собственных имен», подготовленному Е. С. Отиным, в котором:

1. Робинзон. Главный персонаж приключенческого романа английского писателя Д. Дефо «Робинзон Крузо» (1713).
2. Одинокий житель (чаще человек, но также зверь, животное) необитаемого острова.
3. Человек, по своей воле или не по своей воле попавший на какой-либо малопригодный для

жизни остров, на оторвавшуюся от берега льдину и т. п.

4. *Отшельник, добровольно решившийся на уход от людей, общественной жизни, связанных с нею стрессов.*
5. *Турист, любитель путешествовать по родному краю.*
6. *Человек, живущий в экстремальных условиях, где он может надеяться только на себя, полностью лишенный поддержки со стороны.*
7. *Одиночка* [Отин 2004: 319–320].

В перечне приведены общеизвестные значения. Если первые три коннотации не подвергаются сомнению для национального видения, то последние три с трудом ассоциируются у русского человека с Робинзоном: турист, экстремал, авантюрист-одиночка.

О вхождении коннотонима «Робинзон Крузо» в русский язык и культуру свидетельствует и довольно разветвленное словообразовательное гнездо, приводимое в словаре: 1. Робинзонство. 2. Робинзонада. 3. Робинзоний. 4. Робинзонить [Отин 2004: 321].

В современных толковых словарях представлены следующие значения, связанные с образом Робинзона. Совокупность этих значений передает слоистую структуру данного концепта в русской культуре:

«Робинзón -а; м. Разг. О человеке, живущем вдали от людей. По имени героя романа Д. Дефо «Робинзон Крузо» (1719)» [Кузнецов 1998].

«Робинзон. м. Употр. как символ одинокого человека, вынужденного жить вдали от людей и добывать все необходимое для жизни своим трудом» [Ефремова 2000].

«Робинзон. Святые Робинзоны. Жарг. комп. Фирма Santa Cruz Operation. Садошенко, 1996» [Никитина 2008].

«Робинзона́да, ы, ж. [по имени героя романа англ. писателя Д. Дефо «Робинзон Крузо»]. 1. Художественное произведение, сюжетом которого служат приключения героя или героев, оторванных от цивилизации. 2. перен. Путешествие или жизнь в одиночестве вдали от цивилизации (обычно полные приключений). Вот и кончилась его робинзонада — одиночный поход к Северному полюсу» [Крысин 1998].

Итак, ядро концепта — одиночество не по своей воле — признак, стоящий на первом месте во всех характеристиках. Околоядерная часть — самоотверженный труд. Периферия — святость.

Мотивы поступков Робинзона Крузо вписываются в русскую национальную картину мира. Образ этого героя накладывается на модель святого подвижника, фундирующую русскую литературу и культуру, в основу которой положен принцип гиперморализма.

Другой фактор, свидетельствующий об освоенности прецедентного имени «Робинзон» в русской культуре, — его символизация (советский кинофильм «Робинзон Крузо» с Л. Куравлевым в главной роли) и использование в других видах искусства (экранизации романа Д. Дефо, комическая оперетта Оффенбаха «Робинзон Крузо» в музыкальном театре Станиславского и Немировича-Данченко, полотна Т. Шевченко, иллюстрации Гранвиля в издании романа 1839 г. и др.).

Заключение

На протяжении XIX столетия роман о Робинзоне Крузо неоднократно переводится на русский язык. Герой Дефо входит в ряд самостоятельных персонажей в сочинениях русскоязычных авторов (А. Разин, С. Турбин, Л. Толстой, С. Дестунис, О. Качулкова, С. Радзиевская). Чаще русские авторы делают робинзонами детей, оказавшихся в условиях изоляции. По всей видимости, образ Робинзона порождает такие смыслы, как чистота помыслов, наивность восприятия мира, неспорченность цивилизаций. Такая традиция была перенята Л. Толстым у Ж.-Ж. Руссо. Но в подобной трактовке нет того содержания, что вкладывал в своего героя Дефо.

В начале XVIII в., когда роман Д. Дефо перевели на русский язык, Робинзон был «чужим» образом. Со временем (XIX–XXI вв.) это имя собственное стало прецедентным, концептом русского языкового сознания и культуры, появились «русские робинзоны». Образ Робинзона оказался усвоен русской культурой, наряду с Дон Кихотом, Дон Жуаном, Фаустом, Гамлетом. Робинзон нес с собой положительную программу и не был подвергнут критике в России, как иные персонажи зарубежной литературы.

ИСТОЧНИКИ

Ефремова 2000 — Ефремова Т. Ф. *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный*. М.: Русский язык, 2000. 1222 с.

Коллинз 1866 — Коллинз У. *Лунный камень* / пер. с англ. М. Шагинян. <http://lib.ru/DETEKTIWY/KOLLINZ/lunnyjkaamen.txt> (дата обращения: 10.06.2022).

Крысин 1998 — Крысин Л. П. *Толковый словарь иноязычных слов*. М.: Русский язык, 1998. 846 с.

Кузнецов 1998 — Кузнецов С. А. *Большой толковый словарь русского языка*. СПб.: Норинт 1998. 1543 с.

Никитина 2008 — Никитина Т. Г., Мокиенко В. Г. *Большой словарь русских поговорок*. М.: Олма Медиа Групп, 2008. 784 с.

Отин 2004 — Отин Е. С. *Словарь коннотативных собственных имен*. Донецк: Юго-Восток Лтд, 2004. 412 с.

ЛИТЕРАТУРА

Акатова 2017 — Акатова А. А. Мотив Одиссеи-путешествия в метатексте Дж. Фаулза: лингвокультурологический аспект. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота, 2017, 3 (69): 11–13.

Аникин, Михальская 1975 — Аникин Г. В., Михальская Н. П. *История английской литературы*. М.: Высшая школа, 1975. 528 с.

Богданова 2020 — Богданова Е. В. Литературные антропонимы в испанском языке. *Преподаватель XXI века*. 2020, (4): 372–384.

Будаев 2020 — Будаев Э. В. Литературные персонажи как сфера-источник прецедентных имен в СМИ Великобритании. *Научный диалог*. 2020, (8): 52–68.

Гомес — Гомес А. С. Робинзон Крузо: литература и религии. *Проза.ру*. URL: <https://proza.ru/2019/05/02/1500> (дата обращения: 10.06.2022).

Гражданская 1974 — Гражданская З. Т. Английская литература. В кн.: *История зарубежной литературы XVIII века*. Неустроев В. П., Самарин Р. М. (ред.). М.: Изд-во Московского ун-та, 1974. С. 15–125.

Елистратова 1966 — Елистратова А. А. *Английской роман эпохи Просвещения*. М.: Наука, 1966. 476 с.

Захаренко 1997 — Захаренко И. В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов. *Язык, сознание, коммуникация*. М.: Филология, 1997. Вып. 1. 192 с.

Иванова 2021 — Иванова Л. П. Образ Дон Кихота в диалогии «свой — чужой» (лингвоиматологический и этнопсихологический подходы). *Cuadernos de Rusística Española*. 2021, vol. 17. URL: <https://revistaseug.ugr.es/index.php/cre/article/view/17997> (дата обращения: 09.06.2022).

Мирский 1935 — Мирский Д. Робинзон Крузо. В кн.: *Даниэль Дефо. Робинзон Крузо*. Пер. с англ. М. А. Шишмаревой, З. Н. Журавской; под ред. А. Франковского. М.; Л.: Academia, 1935. URL: <http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/articles-eng/mirskij-robinzon-kruzo.htm> (дата обращения: 10.06.2022).

Погодина 2017 — Погодина И. С. Роман Д. Дефо «Странные и удивительные приключения Робинзона Крузо» — просветительский миф о человеке. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 2017, (5): 222–228.

Урбен — Урбен Ж.-Д. Робинзон Крузо, иллюзия самодостаточности. *PSY*. URL: <https://www.psychologies.ru/articles/robinzon-kruzo-illyuziya-samodostatochnosti> (дата обращения: 10.06.2022).

Фомичев, Ларина 2020 — Фомичев Р. И., Ларина С. Г. Религиозная концепция автора в романе Д. Дефо «Робинзон Крузо». В сб.: *Лингвистика и лингводидактика. Материалы Всероссийской научно-практической очно-заочной конференции. 28 февраля 2020 г.* Орехово-Зуево: Изд-во Гос. гуманитарно-технологич. ун-та, 2020. С. 173–176.

Dąbrowicz 2019 — Dąbrowicz E. The castaway syndrome. Robinson Crusoe and Julian Ursyn Niemcewicz. *Porownania*. 2019, 25 (2): 21–42. URL: <https://pressto.amu.edu.pl/index.php/p/article/view/23591> (дата обращения 20.12.2022).

Doms 2019 — Doms M. S. Didactic effects in the treatment of animals in chosen robinsonades. *Porownania*. 2019, vol. 25: 249–276. URL: <https://pressto.amu.edu.pl/index.php/p/article/view/23647> (дата обращения 20.12.2022).

Han 2017 — Han W. Construction and deconstruction of imagined community — a comparative study of Daniel Defoe's robinson crusoe and j. M. Coetzee's foe in light of nationalism. *Journal of Language Teaching and Research*. 2017, 8 (6): 1141–1146. URL: <https://www.sciencedirect.com/document/10.17507/jltr.0806.15> (дата обращения 20.12.2022).

Kling 2022 — Kling R. “The master of a pen”: Rewriting Robinson Crusoe in the Life and the Adventures of a Haunted Convict. *Journal of Transatlantic Studies*. 2022, 20 (2): 251–273.

Lipski 2022 — Lipski J. Studies in the English-language Robinsonade at the Crusoe tercentenary. *Literature Compass*. 2022, 19 (9). URL: <https://compass.onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/lic3.12678> (дата обращения: 20.12.2022).

Mounsey 2022 — Mounsey C. “I Was Under No Necessity of Seeking My Bread”: Robinson Crusoe and the Stewardship of Resources in Eighteenth-Century England. In: *Stewardship and the Future of the Planet: Promise and Paradox*. Carnell R., Mounsey Ch. (eds). New York, 2022. P. 29–49.

Novak 2001 — Novak M. E. *Daniel Defoe: Master of Fictions*. Oxford: Oxford University Press, 2001. 784 p. URL: <https://archive.org/details/danieldefoemaste00maxi> (дата обращения: 10.06.2022).

Simon 2022 — Simon Z. A. Robinson Crusoe's Travels on Maps from Costa Rica to Russia. *Cartographica*. 2022, 57 (1): 80–108.

Thell 2020 — Thell A. M. The aesthetics of mental illness in Defoe's Crusoe trilogy. *Review of English Studies*. 2020, 70 (301): 709–728.

Wang 2019 — Wang X. The Disease in Robinson Crusoe. *Foreign Literature Studies*. 2019, 41 (4): 101–109.

Williams 2020 — Williams L. Daniel Defoe, Robinson Crusoe (1719) and tour thro' the whole Island of Great Britain (1724–1727). In: *Handbook of British Travel Writing*. Schaff B. (ed.). Berlin, Boston: De Gruyter, 2020. P. 161–180.

SOURCES

Ефремова 2000 — Efremova T.F. *New dictionary of the Russian language. Explanatory-word formation*. Moscow: Russkii iazyk Publ., 2000. 1222 p. (In Russian)

Коллинз 1866 — Kollins U. *Moonstone*. Transl. from English. M. Shaginian. Available at: <http://lib.ru/DETEKTIWY/KOLLINZ/lunnyjkamen.txt> (accessed: 10.06.2022). (In Russian)

Крысин 1998 — Krysin L. P. *Explanatory dictionary of foreign-language words*. Moscow: Russkii iazyk Publ., 1998. 846 p. (In Russian)

Кузнецов 1998 — Kuznetsov S. A. *Great Explanatory Dictionary of the Russian Language*. St Petersburg: Norint Publ., 1998. 1543 p. (In Russian)

Никитина 2008 — Nikitina T. G., Mokienko V. G. *Great Dictionary of Russian Sayings*. Moscow: Olma Media Grupp Publ., 2008. 784 p. (In Russian)

Отин 2004 — Otin E. S. *Dictionary of connotative proper names*. Donetsk: Iugo-Vostok Ltd Publ., 2004. 412 p. (In Russian)

REFERENCES

Акатова 2017 — Akatova A. A. The motif of the Odyssey-travel in the metatext by J. Fowles: the linguocultural aspect. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota Publ. 2017, 3 (69): 11–13. (In Russian)

Аникин, Михальская 1975 — Anikin G. V., Mikhalskaia N. P. *History of English literature*. Moscow: Vysshiaia shkola Publ., 1975. 528 p. (In Russian)

Богданова 2020 — Bogdanova E. V. Literary anthroponyms in Spanish. *Prepodavatel' XXI veka*. 2020, (4): 372–384. (In Russian)

Будаев 2020 — Budaev E. V. Literary characters as a sphere-source of precedent names in the UK media. *Nauchnyi dialog*. 2020, no. 8: 52–68. (In Russian)

Гомес — Gomes A. S. Robinson Crusoe: Literature and Religion. *Proza.ru*. <https://proza.ru/2019/05/02/1500> (accessed: 10.06.2022). (In Russian)

Гражданская 1974 — Grazhdanskaia Z. T. English literature. In: *Istoriia zarubezhnoi literatury XVIII veka*. Neustroev V. P., Samarin R. M. (eds). M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ., 1974. P. 15–125.

Елистратова 1966 — Elistratova A. A. *English Enlightenment Novel*. Moscow: Nauka Publ., 1966. 476 p. (In Russian)

Захаренко 1997 — Zakharenko I. V. Precedent name and precedent statement as symbols of precedent phenomena. *Iazyk, soznanie, kommunikatsiia*. Moscow: Filologiya Publ., 1997, vol. 1. 192 p. (In Russian)

Иванова 2021 — Ivanova L. P. The image of Don Quixote in the dichotomy of “own — foreign” (linguomahologic and ethnopshologic approaches). *Cuadernos de Rusística Española*. 2021, 17. Available at: <https://revistaseug.ugr.es/index.php/cre/article/view/17997> (accessed: 09.06.2022). (In Russian)

Мирский 1935 — Mirskii D. Robinson Kruzo. In: *Daniel' Defo. Robinson Kruzo*. Transl. by Shishmareva M. A., Zhuravskaya Z. N.; Frankovskii A. (ed.). Moscow; Leningrad: Academia Publ., 1935. Available at: <http://lit-prosv.niv.ru/>

lit-prosv/articles-eng/mirskij-robinzon-kruzo.htm (accessed: 10.06.2022). (In Russian)

Погодина 2017 — Pogodina I. S. D. Defoe “Strange and Amazing Adventures of Robinson Crusoe” — an educational myth about man. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*. 2017, (5): 222–228. (In Russian)

Урбен — Urban Zh.-D. Robinson Crusoe, the illusion of self-sufficiency. *PSY*. Available at: <https://www.psychologies.ru/articles/robinzon-kruzo-illyuziya-samodostatochnosti> (accessed: 10.06.2022). (In Russian)

Фомичев, Ларина 2020 — Fomichev R. I., Larina S. G. The religious concept of the author in the novel by D. Defoe “Robinson Crusoe”. In: *Lingvistika i lingvodidaktika. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi ochno-zaochnoi konferentsii*. 28 fevralia 2020 g. Orekhovo-Zuevo: Izd-vo Gos. humanitarno-tekhnologich. un-ta Publ., 2020. P. 173–176. (In Russian)

Дąbrowicz 2019 — Dąbrowicz E. The castaway syndrome. Robinson Crusoe and Julian Ursyn Niemcewicz. *Porownania*. 2019, 25 (2): 21–42. Available at: <https://pressto.amu.edu.pl/index.php/p/article/view/23591> (accessed 20.12.2022).

Домс 2019 — Doms M. S. Didactic effects in the treatment of animals in chosen robinsonades. *Porownania*. 2019, (25): 249–276. Available at: <https://pressto.amu.edu.pl/index.php/p/article/view/23647> (accessed 20.12.2022).

Хан 2017 — Han W. Construction and deconstruction of imagined community — a comparative study of Daniel Defoe's robinson cruso and j. M. Coetzee's foe in light of nationalism. *Journal of Language Teaching and Research*. 2017, 8 (6): 1141–1146. Available at: <https://www.sciencegate.app/document/10.17507/jltr.0806.15> (accessed 20.12.2022).

Клинг 2022 — Kling R. “The master of a pen”: Rewriting Robinson Crusoe in the Life and the Adventures of a Haunted Convict. *Journal of Transatlantic Studies*. 2022, 20 (2): 251–273.

Липски 2022 — Lipski J. Studies in the English-language Robinsonade at the Crusoe tercentenary. *Literature Compass*. 2022, 19 (9). Available at: <https://compass.onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/lic3.12678> (accessed: 20.12.2022).

Мунсей 2022 — Mounsey C. “I Was Under No Necessity of Seeking My Bread”: Robinson Crusoe and the Stewardship of Resources in Eighteenth-Century England. In: *Stewardship and the Future of the Planet: Promise and Paradox*. Carnell R., Mounsey Ch. (eds). New York, 2022. P. 29–49.

Новак 2001 — Novak M. E. *Daniel Defoe: Master of Fictions*. Oxford: Oxford University Press, 2001. 784 p. Available at: <https://archive.org/details/danieldefoemaste00maxi> (accessed: 10.06.2022).

Симон 2022 — Simon Z. A. Robinson Crusoe's Travels on Maps from Costa Rica to Russia. *Cartographica*. 2022, 57 (1): 80–108.

Телл 2020 — Thell A. M. The aesthetics of mental illness in Defoe's Crusoe trilogy. *Review of English Studies*. 2020, 70 (301): 709–728.

Ванг 2019 — Wang X. The Disease in Robinson Crusoe. *Foreign Literature Studies*. 2019, 41 (4): 101–109.

Уильямс 2020 — Williams L. Daniel Defoe, Robinson Crusoe (1719) and tour thro' the whole Island of Great Britain (1724–1727). In: *Handbook of British Travel Writing*. Schaff B. (ed.). Berlin, Boston: De Gruyter, 2020. P. 161–180.

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ГРЕЦИЯ» В ИДИОЛЕКТЕ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

NATALIA V. IZOTOVA, LIUDMILA V. TABACHENKO
"GREECE" SEMANTIC FIELD IN MARINA TSVETAeva's IDIOLECT

**Наталья Валерьяновна
Изотова**

Доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русского языка

► nvizotova@sfedu.ru

Южный федеральный университет,
Российская Федерация,
344006, Ростов-на-Дону,
ул. Большая Садовая, 105/42

Natalia V. Izotova

Doctor of Philology, Professor,
Professor of the Russian Language Department

The Southern Federal University,
105/42, ul. Bol'shaia Sadovaia,
Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation

**Людмила Владимировна
Табаченко**

Доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры общего
и сравнительного языкознания

► lvtabachenko@sfedu.ru

Южный федеральный университет,
Российская Федерация,
344006, Ростов-на-Дону,
ул. Большая Садовая, 105/42

Liudmila V. Tabachenko

Doctor of Philology, Professor,
Professor of the Department of General
and Comparative Linguistics

The Southern Federal University,
105/42, ul. Bol'shaia Sadovaia,
Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation

Представление индивидуально-авторской языковой картины мира с помощью описания структуры и содержания семантических полей является одним из актуальных направлений исследования художественного текста и авторского идиолекта в современной лингвистике. Настоящая статья посвящена семантико-ассоциативному анализу лексем, входящих в семантическое поле «Греция» в идиолекте Марины Цветаевой, что позволяет определить связь данного семантического поля с другими ключевыми семантическими полями и дает возможность выявить общезыковые и собственно авторские смыслы и ассоциации, которые в текстах Марины Цветаевой связаны с лексемами, образующими ядро и центр семантического поля «Греция», что еще не становились предметом лингвистического исследования. Семантико-полевой подход особенно плодотворен при изучении идиолекта Марины Цветаевой, отличающегося семантической компрессией, динамизмом разворачивания смыслов и семантической емкостью слова. Ядром исследуемого семантического поля является лексема *Греция*, в центр поля входят однокоренные слова *греческий*, *грек*, синоним *Эллада*, а также его однокоренные лексемы. Периферию поля составляют топонимы, названия предметов одежды, многочисленные античные антропонимы и теонимы. Лексемы семантического поля «Греция» также репрезентируют другие значимые семантические поля в поэтических, прозаических и эпистолярных текстах Марины Цветаевой и представляют следующие смыслы и ассоциации: 'культура', 'образование', 'творчество', 'свободолюбие', 'православная вера', 'доброта, щедрость'. Семантическое поле «Греция» связано в основном с дорогими поэту людьми: отцом, Иваном Владимировичем Цветаевым, Максимилианом Волошиным, Райнером Рильке. В духе и культуре Греции для Цветаевой воплотился образ созвучной ей эпохи, родной по духу страны, в которой ей не пришлось разочароваться.

Ключевые слова: Марина Цветаева, идиолект, семантическое поле «Греция», культура, образование.

The presentation of an author's individual linguistic picture of the world by describing the structure and content of semantic fields is one of the relevant areas of literary texts' and author idiolects' analysis in modern linguistics. The article is devoted to the semantic and associative analysis of the lexemes comprising the "Greece" semantic field in Marina Tsvetaeva's idiolect. The analysis enables to state the correlations between the "Greece" and other key semantic fields and to identify universal and the author's individual semantic meanings and associations of the lexemes, which form the core and periphery of the semantic field "Greece". The latter aspect of the analysis has not come into the linguistic research focus yet. The analysis of semantic fields is especially effective in the study of Marina Tsvetaeva's idiolect, which is characterized by semantic compression, dynamism in the unfolding of meanings and semantic capacity of words. The core of the semantic field under study is the lexeme *Greece*, the center of the field includes the one-root words *Greek*, *a Greek*, the synonym *Hellas*, as well as its derivatives. The periphery of the field consists of top-

onyms, names of garments, numerous ancient anthroponyms and theonyms. The lexemes of the semantic field “Greece” also represent other significant semantic fields in Marina Tsvetaeva’s poetic, prose and epistolary texts. They denote the following meanings and associations: ‘culture’, ‘education’, ‘creativity’, ‘love for freedom’, ‘Orthodox faith’, ‘kindness, generosity’. The semantic field “Greece” is mainly associated with people dear to the poetess: her father Ivan Tsvetaev, Maximilian Voloshin, Rainer Maria Rilke. Recreating the spirit and culture of Greece, Tsvetaeva embodied the image of an era close to her, a country native to her in spirit and in which she did not have to be disappointed.

Keywords: Marina Tsvetaeva, idiolect, semantic field “Greece”, culture, education.

Введение

Моделирование и анализ семантических полей (далее — СП) является одним из актуальных направлений современного лингвистического исследования художественного текста и авторского идиолекта в целом как средства отражения индивидуально-авторской языковой картины мира. Существует несколько подходов к определению СП, в качестве рабочего дадим следующее: «Семантическое поле — иерархическая структура множества лексических единиц, объединенных общим (инвариантным) значением и отражающих в языке определенную понятийную сферу» [Новиков 1997: 458].

Попадая в пространство художественного произведения, которое представляет собой поле пересекающихся полей, слово обогащается смыслами, в его семантической структуре могут актуализироваться потенциальные семы, что создает его семантическую емкость и одновременно диффузность, возможность входить в разные семантические поля, обеспечивая их взаимосвязанность. С одной стороны, эти семантические микрополя, между которыми отсутствуют четкие границы, создают общее семантическое поле текста и обеспечивают его семантическую целостность, с другой — на основе анализа определенного семантического микрополя в разных авторских текстах можно смоделировать это СП в идиолекте автора в целом и исследовать особенности смыслового наполнения его единиц, в частности характерные для художественного мировидения М. Цветаевой.

Особенно плодотворен семантико-полевой подход к идиолекту Марины Цветаевой, отличающемуся семантической компрессией, динамиз-

мом разворачивания смыслов и семантической емкостью слова (см. исследования [Черных 2001; Бобрышева 2012; Табаченко 2022] и др.). Важно и то, что Греция, как и Германия, занимала в жизни и творчестве М. Цветаевой особое место и как надвременной культурный источник, и как дар «в колыбель» от самых близких людей: Греция с античной культурой и мифологией — от отца, а также от своей первой любви, Владимира Нилендера, литературоведа и «переводчика Гераклита и гимнов Орфея» (4: 196) (здесь и далее цитаты из текстов М.И. Цветаевой приводятся по [Цветаева 1994], в круглых скобках указывается номер тома и страница); Германия (музыка, романтизм) — от матери. Из ответов на анкету 1926 г.: «*Любимые книги в мире, те, с которыми сожгут: “Нибелунги”, “Илиада”, “Слово о полку Игореве”. Любимые страны — древняя Греция и Германия*» (4: 622).

Цель

Цель представленного исследования — на основе семантико-ассоциативного анализа лексем, входящих в СП «Греция», определить, с какими ключевыми СП в идиолекте М. Цветаевой оно связано и какие общеязыковые и собственно авторские смыслы эти лексемы репрезентируют.

Обсуждение

СП «Греция» в идиолекте М. Цветаевой имеет следующую структуру. Его ядром (номинатом) выступает лексема *Греция*, центр образуют однокоренные слова *греческий*, *грек*, а также синоним *Эллада* и его однокоренные лексемы. В периферию входят топонимы — названия городов (например, *Трезен*, *Дельфы*), древнего государства — *Спарта*, островов (*Делос*, *Наксос*, *Крит*), горы и полуострова *Афон*; названия предметов одежды (*феска*, *пеплум*), а также многочисленные античные антропонимы и теонимы: *Ариадна*, *Федра*, *Тесей*, *Афродита*, *Афина Паллада*, *Персефона*, *Фазтон* и др., имена исторических деятелей (*Перикл*, *Агафокл*, *Александр Македонский* и др.), поэтов (*Гомер*, *Феогнид из Мегары* и др.), философов (*Платон*, *Гераклит*, *Эпикур*, *Диоген* и др.). В их семантической структуре семы ‘Греция’, ‘греческий’ являются дифференциальными.

Лексемы семантического поля «Греция» в идиолекте М. Цветаевой реализуют разнообразные смыслы и ассоциации, в частности связанные с культурой Древней Греции, образами и мотивами античной (древнегреческой) литературы. Они неоднократно становились объектом исследования, в частности в работах М. Мейкина [Мейкин 1997], Р. Войтеховича [Войтехович 2008], О. М. Савельевой [Савельева 2015а; Савельева 2015б] и др. Можно отметить, что каждое древнегреческое прецедентное имя актуализирует важный для Цветаевой смысл: *Наксос* — место расставания и, в общем, жертва, т. к. на этом острове-скале Тесей уступает Ариадну богу Вакху; *Федра* — стихия страсти; *Ариадна* — непреодолимость судьбы, неизбежность расставания (в целом с парой *Тесей* — *Ариадна* в ряду других «разминувшихся» пар связана «тема невозможности соединения двух любящих, достойных друг друга...» [Савельева 2015а: 545]); *Елена* — способность внушать любовь; *Психея* — душа; *Сивилла* — поэт-пророк, *Орфей* — поэт, а *Орфей без лиры* (о Мандельштаме) — это поэт как автор прозы (5: 305) и т. д.

Обратимся к тому, что еще не становилось предметом лингвистического исследования, — тем смыслом и ассоциациям, которые в текстах Марины Цветаевой связаны с лексемами, образующими ядро и центр СП «Греция», — словам *Греция* (13 употреблений), *греческий* (33), *грек* (6), а также синониму *Эллада* (с однокоренными лексемами — 8 употреблений). Эти лексемы представляют прежде всего семантику, связанную с античной культурой (сочетания *греческие книги*, *греческий том*, *греческие мифы*, *мифология*, *греческий (язык)*, *греческий хор*, *греческий философ*, *греческие герои*, *греческий царь* и др.).

Греция Марины Цветаевой — это, прежде всего, Древняя Греция — «вечная юность», как она ее называла. Из очерка «Открытие музея» (1933): «*Старики, старики, старики. Ордена, ордена, ордена. Ни лба без рытвин, ни груди без звезды. <...> Мнится, что сегодня вся старость России притекла сюда на поклон вечной юности Греции*» (5: 166).

Греция — это не столько топоним, сколько эпоха жизни человечества и культурный феномен: «*Ах, если бы здесь была голова Бонапарта!* (Речь

идет о слепках. — Н. И.). *Я давно бы схватила ее, притиснула бы к груди — но он родился куда позже Греции и Рима!*» («Отец и его музей») (5: 172).

«*Я, может быть, дикость скажу, — пишет Цветаева в дневнике 1919 г., — но для меня Германия — продолженная Греция, древняя, юная. Германцы унаследовали. И, не зная греческого, ни из чьих рук, ни из чьих уст, кроме германских, того нектара, той амброзии не приму*» (4: 545) — это о мифах Древней Греции, с которыми в детстве Цветаева познакомилась по немецкому изданию Штолля. Она просит в письме от 7 ноября 1926 г. Райнера Рильке (которого называла «германским» Орфеем) подарить ей греческую мифологию на немецком языке для работы над стихотворными пьесами на античные сюжеты (7: 73). *Греция, греки* у Цветаевой могут использоваться метонимически для обозначения греческой мифологии (из писем к Александру Бахраху 1923 г.): «*Сейчас лягу и буду читать Троянскую войну. Никого не могу читать, кроме греков*» (6: 589); «*Хотела читать Грецию, взяла Ваше письмо — и не смогла*» (6: 615).

Неразрывная связь Греции и Германии как культурных источников подчеркивается Цветаевой не однажды, например в очерке «Живое о живом» (1932) о Максе Волошине: «*Чем глубже я гляжусь в бездонный колодезь памяти, тем резче встают мне навстречу два облика Макса: греческого мифа и германской сказки*» (4: 204). В таком мифологическом облике его человеческие черты растворяются, на первый план выходит «надвременность», «надмирность» Волошина. Далее в очерке, характеризуя его подвижность, автор пишет: «*Помню, как на скамейке перед калиткой — я сидела, он стоял — он, читая мне свой стих, кончающийся названием греческих островов, неожиданно: Наксос — прыжок, Делос — прыжок и Микэн — до неба прыжок!*» (4: 204).

Греческая античность была тем воздухом, которым дышали люди круга Цветаевой, многих из которых можно назвать эллинистами — людьми, испытавшими значительное влияние культуры и языка Древней Греции. Эллинистом назвала М. Цветаева О. Мандельштама (5: 312, 313).

Сочетания *греческие мифы*, *греческая мифология*, *греческие герои*, древнегреческая антропо-

нимика и топонимика встречаются в основном в текстах 1922–1924 гг., когда Цветаева работала над драматическими поэмами на материале греческой мифологии и «прочитала довольно много популярной и специальной литературы об античности, штудировала отдельные переводы из Еврипида» [Войтехович 2008: 183].

Однако наибольшая концентрация слов СП «Греция», самый большой «букет» всего «греческого» связан с образом отца Марины Цветаевой — Ивана Владимировича Цветаева, историка, филолога, профессора Московского университета, создателя Музея изящных искусств. Описывая дом детства в поэме «Чародей» 1914 г., она восклицает:

*«Цвет Греции и слава Рима, —
Неисчислимые тома!
Здесь — сколько б солнца ни внесли мы —
Всегда зима.
Последним солнцем розовея,
Распахнутый лежит Платон...
Бюст Аполлона — план Музея —
И все — как сон» (3: 13).*

Однако следует заметить, что античные бюсты из дома детства «чаще всего упоминаются в ироническом контексте» [Войтехович 2008: 177] и далее в этой же поэме, и в очерке «Мой Пушкин» (1937 г.), где образуют антитезу «черный Пушкин / белые домашние боги».

Наиболее частотными являются сочетания *греческий язык и греческие книги*, реализующие смыслы 'образование', 'гуманитарная наука'. В очерке «Музей Александра III» (1933) о своем отце, сыне бедного сельского священника, а позже ученом с европейским именем и создателе Музея изящных искусств, М. Цветаева пишет: *«Но мечта о музее началась раньше... <...> ... может быть, еще и в глухих Талицах, Шуйского уезда, где он за лучиной изучал латынь и греческий» (5: 155).*

Греческие книги, греческий язык — приметы элитарного гуманитарного образования. С греческими книгами связан и забавный эпизод провоза отцом через границу машинки для стрижки газона у Музея: *«А что это у вас в ящике, господин профессор?» — “Греческие книги, дружок, греческие книги”. — “А! Господин преподает греческий?” — “В Московском университете, дружок, вот уже*

тридцать лет”. — “Должно быть, очень трудный язык!” — “Да нет, не очень, нужно только терпение, вот и все”. — “Я бы очень гордился собой, если б умел читать на греческом!”

Не прошло и двух минут, как я преподавал ему урок греческого языка, прямо тут, на границе. Славный человек! Короче говоря, мы расстались лучшими друзьями.

— Да, а если б он все-таки попросил тебя открыть ящик?

— Я бы сказал, что для меня это полная неожиданность, что букинист все напутал... Но риску никакого не было: взгляни на меня — похож ли я на типа, который мог бы прятать в ящике что-нибудь другое, кроме греческих книг?» (5: 173–174).

На пересечении семантических полей «Греция» и «отец» находятся также сочетания *греческий дворик и греческий пеплум*.

В очерке «Открытие музея» (1933) передана беседа И. В. Цветаева с царем Николаем II о «греческом дворике» — одном из красивейших залов музея с макетом Афинского Акрополя, портиками его храмов, слепками статуй Парфенона: *«— Папа, а что государь с тобой говорил? — “А скажите, профессор, что за красивая зала, где мы слушали молебн, такая светлая, просторная?” — “Греческий дворик, Ваше Величество”. — “А почему он, собственно, греческий, когда все здесь греческое?” Ну, я начинаю объяснять, а государь дочерям: “Марья! Настасья! Идите сюда и слушайте, что говорит профессор!” Тут я ему: — “Помилуйте, Ваше Величество, разве таким козам может быть интересно, что говорит старый профессор?..”» (5: 169).*

А домашний халат Ивана Владимировича одна из посетительниц назвала греческим пеплумом: *«В этот знаменательный день халат ваш похож на римскую тогу. Вот именно — тогу. Даже на греческий пеплум. <...> — Уверяю вас — настоящая тога мудреца!» (5: 178).*

Кроме семантического пространства античности, образования, элитарной культуры, лексемы СП «Греция» репрезентируют также следующие смыслы.

Смысл 'борьба за свободу': *«Плачь, Юность! — Плачь, Любовь! — Плачь, Мир! / — Рыдай, Эллада!» (1: 435).* Это строки из стихотворения 1918 г.,

обращенного к Байрону, национальному герою Греции, погибшему в Греческой войне за независимость против Османской империи в 20-х годах XIX в. В основном в связи с этой освободительной войной Греция, грек в текстах Цветаевой становятся символами непокорности и свободолюбия, борьбы за обретение независимости наряду с воинами Добровольческой армии и участниками Вандейского восстания:

*«Добровольцы единой Армии
Мы: дроздовец, вандеец, грек —
Доброй воли весна ударная
Возвращается каждый век!»* (3: 747)

Следующий важный смысл, связанный со словами семантического поля «Греция», — это 'христианство, православие' (репрезентируется сочетанием *вера греческая*, а также топонимом *Афон*, входящими соответственно и в СП «христианство, православие»):

*«Протрезвись, простой народ!
Стань, колокол, пулемет!
Пали в веру греческую!»* (3: 741)

Смыслы 'православная вера', 'монашество' связаны также с топонимом *Афон*. Цветаева была дружна с князем Дмитрием Шаховским, позже ставшим Архиепископом Иоанном Сан-Францисским, и писала о нем Анне Тесковой: «— Знаете ли Вы, что редактор Благонамеренного, Шаховской (22 года), на днях принимает послух на Афоне. (Послух — послушник — идет в монастырь.) Чистое сердце. Это лучше, чем редакторство...» (6: 349).

Ландшафт Греции, который так мечтала увидеть и не увидела М. Цветаева, связан с семантическим полем «творчество»: «Деньги — мой откуп от издателей, редакции, квартирных хозяек, лавочников, меценатов — моя свобода и мой письменный стол. Деньги, кроме письменного стола, еще и ландшафт моих стихов, та Греция, которую я так хотела, когда писала Тезея, и та Палестина, которой я так захочу, когда буду писать Саула, — пароходы и поезда, везущие во все страны, на все и за все моря!» (5: 286–287).

«Второй Грецией», где она могла почувствовать ландшафт и воздух первой, для М. Цветаевой стал

Восточный Крым, который «подарил» ей Максимилиан Волошин, отождествлявший его с родиной амазонок. Он познакомил Марину с землей оживших мифов: они шли по берегу, куда северный ветер принес корабль Одиссея и где он встретился с тенью умершей матери; они вплывали в грот, где был вход в Аид и куда Орфей спускался за Эвридикой: «...Коктебель (Восточный Крым, Киммерия, родина амазонок, вторая Греция)... <...> (Там, по преданию, в одной из скал, достигаемой только вплавь, — вход в Аид. Подплывала. Входила.)» (4: 151). В очерке «Живое о живом» М. Цветаева пишет: «Когда Макс, полдневными походами, рассказывал мне о земле, по которой мы идем, мне казалось, что рядом со мной идет — даже не Геродот, ибо Геродот рассказывал по слухам, шедший же рядом повествовал, как свой о своем» (4: 195).

С этнонимом *грек* в очерке «История одного посвящения» (1931) связан смысл 'доброта, щедрость'. Опровергая недобросовестные воспоминания о пребывании Осипа Мандельштама в Коктебеле (якобы Мандельштама морила голодом и жаждой злая хозяйка), Цветаева пишет: «И не старушка-еврейка, а цветущих лет грек — единственная во всем Коктебеле кофейня: барак "Бубны", расписанный приезжими художниками и поэтами... <...> А вот мой вариант... <...> Поздней осенью 1915 года Мандельштам выехал из Коктебеля в собственном пальто хозяина "Бубен", ибо по безопасности или иному чему заложил или потерял свое. И когда год спустя, в тех же "Бубнах" грек — поэту: "А помните, господин Мандельштам, когда вы уезжали, шел дождь и я вам предложил свое пальто", поэт — греку: "Вы можете быть счастливы, ваше пальто весь год служило поэту".

Не говоря уже о непрерывном шоколаде в кредит — шоколаде баснословном. Так одного из лучших русских поэтов любило одно из лучших мест на земле: от поэта Максимилиана Волошина до полуграмотного хозяина нищей кофейни» (4: 152, 153).

Выводы

Таким образом, лексемы семантического поля «Греция» в поэтических, прозаических, а также эпистолярных текстах М. Цветаевой являются точкой пересечения с другими значимыми семантическими полями и реализуют следующие смыс-

лы: 'культура', 'образование', 'творчество', 'свободолюбие', 'православная вера', 'доброта, щедрость'; они в основном связаны с близкими людьми поэта: отцом, Иваном Владимировичем Цветаевым, Максимилианом Волошиным, Райнером Рильке. В Греции, и в первую очередь Древней Греции, для М. Цветаевой воплощен образ созвучной ей эпохи, родной по духу страны, в которой ей не пришлось разочароваться (в отличие от Германии), поскольку древняя и вечно юная Греция была вне досягаемости, а с современной ей встретиться не пришлось. В духе и культуре Греции, как и Германии, для Цветаевой воплотилось то, что Ирина Шевеленко определила как «стройность и законченность "вневременного облика мира"» [Шевеленко 2002: 94] — и это для поэта всегда противостояло так называемой истории.

ИСТОЧНИК

Цветаева 1994 — Цветаева М. И. Собрание сочинений: в 7 т. Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц и Л. Мнухина. М.: Эллис Лак, 1994.

ЛИТЕРАТУРА

Бобрышева 2012 — Бобрышева И. А. Связь семантических полей «Пустота» и «Творчество» в идиолекте М. И. Цветаевой. *Известия Южного федерального университета. Филологические науки*. 2012, (3): 69–74.

Войтехович 2008 — Войтехович Р. *Марина Цветаева и античность*. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2008. 464 с.

Мейкин 1997 — Мейкин М. *Марина Цветаева: поэтика усвоения*. Перев. с англ. С. Зенкевича. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1997. 311 с.

Новиков 1997 — Новиков Л. А. Семантическое поле. В кн.: *Русский язык: Энциклопедия*. Ю. Н. Караулов (гл. ред.). М., 1997. С. 458–459.

Савельева 2015a — Савельева О. М. Миф о Тесее и Ариадне в поэтической интерпретации М. Цветаевой. В кн.: *Музы у зеркала. Античные мотивы в русской литературе*. А. А. Тахо-Годи (отв. ред.). М.: Новый хронограф, 2015. С. 541–555.

Савельева 2015b — Савельева О. М. Реминисценция сюжета о Федре и Ипполите у М. Цветаевой. В кн.: *Музы у зеркала. Античные мотивы в русской литературе*. А. А. Тахо-Годи (отв. ред.). М.: Новый хронограф, 2015. С. 556–566.

Табаченко 2022 — Табаченко Л. В. Семантические поля и оппозиции как инструмент анализа поэтического текста (на примере стихотворения М. Цветаевой «Читатели газет»). В сб.: *Динамика языковых и культурных процессов в современной России. Выпуск 7. Материалы VII Конгресса РОПРЯЛ (г. Екатеринбург, 6–9 октября 2021 года)*. СПб.: РОПРЯЛ, 2022. С. 599–603.

Черных 2001 — Черных Н. В. Семантическая емкость поэтического слова в идиолекте М. Цветаевой. В сб.: *Марина Цветаева: личные и творческие встречи, переводы ее сочинений. Восьмая цветаевская международная научно-тематическая конференция (9–13 октября 2000): сборник докладов*. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2001. С. 303–306.

Шевеленко 2002 — Шевеленко И. *Литературный путь Цветаевой: Идеология — поэтика — идентичность автора в контексте эпохи*. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 464 с.

SOURCE

Цветаева 1994 — Tsvetaeva M. I. *Collected works: in 7 vols. Comp., prepared. text and comment. by A. Saakians and L. Mnukhin*. Moscow: Ellis Lak Publ., 1994.

REFERENCES

Бобрышева 2012 — Bobrysheva I. A. The connection of semantic fields “Emptiness” and “Creativity” in the idiolect of M. I. Tsvetaeva. *Izvestiia Iuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki*. 2012, (3): 69–74. (In Russian)

Войтехович 2008 — Voitekhovich R. *Marina Tsvetaeva and Antiquity*. Moscow: Dom-muzei Mariny Tsvetaevoi Publ., 2008. 464 p. (In Russian)

Мейкин 1997 — Makin M. *Marina Tsvetaeva: Poetics of Appropriation*. Transl. from English by S. Zenkevich. Moscow: Dom-muzei Mariny Tsvetaevoi Publ., 1997. 311 p. (In Russian)

Новиков 1997 — Novikov L. A. Semanticheskoe pole. In: *Russkiy yazyk: Entsiklopediya*. Yu. N. Karaulov (ed.). Moscow, 1997. P. 458–459. (In Russian)

Савельева 2015a — Saveleva O. M. The Myth of Theseus and Ariadne in the poetic interpretation of M. Tsvetaeva. In: *Muzy u zerkala. Antichnye motivy v russkoi literature*. A. A. Tahoe-Godi (ed.). Moscow: Novyi khronograf Publ., 2015. P. 541–555. (In Russian)

Савельева 2015b — Saveleva O. M. Reminiscence of the plot about Fedra and Hippolyta by M. Tsvetaeva. In: *Muzy u zerkala. Antichnye motivy v russkoi literature*. A. A. Tahoe-Godi (ed.). Moscow: Novyi khronograf Publ., 2015. P. 556–566. (In Russian)

Табаченко 2022 — Tabachenko L. V. Semantic fields and oppositions as an instrument analysis of the poetic text (on the example of M. Tsvetaeva's poem “Newspaper Readers”). In: *Dinamika iazykovykh i kul'turnykh protsessov v sovremennoi Rossii. Vypusk 7. Materialy VII Kongressa ROPRIaL (g. Ekaterinburg, 6–9 oktiabريا 2021 goda)*. St Petersburg: ROPRIaL Publ., 2022. P. 599–603. (In Russian)

Черных 2001 — Chernykh N. V. Semantic capacity of a poetic word in the idiolect M. Tsvetaeva. In: *Marina Tsvetaeva: lichnye i tvorcheskie vstrechi, perevody ee sochinenii. Vos'maia tsvetaevskaia mezhdunarodnaia nauchno-tematicheskaya konferentsiya (9–13 oktiabريا 2000): sbornik dokladov*. Moscow: Dom-muzei Mariny Tsvetaevoi Publ., 2001. P. 303–306. (In Russian)

Шевеленко 2002 — Shevelenko I. *Tsvetaeva's Literary Path: Ideology — Poetics — the Identity of the author in the Context of the Epoch*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2002. (In Russian)

ТЕКСТЫ ПАТРИОТИЧЕСКИХ ПЕСЕН КАК ОБЪЕКТ АНАЛИЗА НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА В СТАРШИХ КЛАССАХ

ELENA S. BOGDANOVA

TEXTS OF PATRIOTIC SONGS AS AN OBJECT OF ANALYSIS
IN RUSSIAN LANGUAGE LESSONS IN HIGH SCHOOL

**Елена Святославовна
Богданова**

Доктор педагогических наук,
профессор, доцент
► helensim@mail.ru

Рязанский государственный
университет имени С. А. Есенина,
Российская Федерация, 390000,
Рязань, ул. Свободы, 46

Elena S. Bogdanova

Doctor of Pedagogical Sciences,
Professor, Associate Professor

Ryazan State University
named after S. A. Yesenin,
46, ul. Svobody, Ryazan, 390000,
Russian Federation

В статье рассматривается возможность использования текстов русской военной патриотической песни на уроках русского языка с целью формирования гражданской идентичности школьника; осознания им связи языка и истории народа, особенностей русской ментальности; обогащения представлений учащихся о способах выражения мыслей и чувств в слове. Полагая, что жанровая, языковая и содержательно-смысловая стороны текстов русских патриотических песен имеют богатый образовательно-воспитательный потенциал, автор исследования подчеркивает, что их использование сокращает дефицит текстов патриотической направленности в учебниках русского языка для старших классов. Анализируются возможности сопоставительного лингвосмыслового и ценностного анализа названных текстов и предлагаются методические рекомендации, касающиеся его проведения. В статье отмечено, что внимание учащихся привлекается к содержательному ядру отечественных патриотических песен разных эпох, образам воина-солдата, родной земли, дома; символам, говорящим о государстве и православной вере, приверженности традициям отцов. Интересным аспектом анализа таких текстов может стать наблюдение за динамикой и преемственностью языковых изменений, которые отражаются на грамматике и лексическом строе. Среди методов и приемов работы автор называет медленное чтение с пометами, лексический разбор с использованием словарей, наблюдение над необычными синтаксическими построениями (фигурами речи), составление ассоциативных цепочек, словесное рисование, выделение национальных лингвоконцептов, разбор образной стороны текста, создание своих текстов на основе авторского. Рассмотрены тексты таких военных патриотических песен, как «Солдатская песнь» Ф. Н. Глинки (1812), «Священная война» В. И. Лебедева-Кумача (1941), «Небо славы» К. Е. Кинчева (2000) и др., и методика работы над ними.

Ключевые слова: патриотическая военная песня на уроках русского языка, лингвосмысловой анализ текста, ценностный анализ текста, дидактический материал.

The article discusses the possibility of using the texts of the Russian military patriotic song in the Russian language (native) lessons in order to form the civic identity of the student, to understand the connection between the language and the history of the people, the peculiarities of the Russian mentality, to enrich students' ideas about the ways of expressing thoughts and feelings in words. Assuming that the genre, language and content-semantic aspects of the texts of Russian patriotic songs have a rich educational potential, the author emphasizes that their use reduces the shortage of patriotic texts in Russian language textbooks for high school. The author analyzes the possibilities of comparative linguistic and cognitive and axiological

analysis of these texts and offers methodological recommendations regarding its implementation. The article emphasizes that the attention of students is drawn to the content core of Russian patriotic songs from different eras, the images of a warrior-soldier, native land, home, symbols that speak of the state and the Orthodox faith, adherence to the traditions of the fathers. An interesting aspect of the analysis of such texts can be the observation of the dynamics and continuity of language changes, which are reflected in the grammar and lexical structure of texts. Among the methods and devices of working on the texts of Russian patriotic songs, the author names close reading with marks, lexical analysis using dictionaries, observation of unusual syntactic constructions (figures of speech), creating associative chains, verbal drawing, highlighting national linguistic concepts, analyzing the figurative side of the text, creating their texts based on the author's song text. As an example, the author proposes the texts of such military patriotic songs as "Soldier's Song" by Fedor N. Glinka (1812), "The Holy War" by Vasily I. Lebedev-Kumach (1941), "Sky of the Slavs" by Konstantin E. Kinchev (2000) and others, and the methodology for working on them.

Keywords: military patriotic songs at the lessons of the Russian language (native), linguistic and cognitive text analysis, axiological text analysis, texts of exercises.

Введение

Анализ текста на уроках русского языка в старших классах решает многоаспектную задачу: позволяет выявить специфические особенности этой высшей единицы системы языка и речи, а также понять, как устроен текст и как в его структуре функционируют единицы более низких уровней языковой системы. Художественный текст отражает черты эпохи и культуры, в рамках которой создан, а также свойства личности и мировоззренческие установки автора, поэтому служит проводником в мир истории, культуры народа и души человека. Вместе с тем именно текст служит источником речевой деятельности обучающихся: анализ смыслов стимулирует мыследеятельность и побуждает к ответу автору текста.

Состояние изучения вопроса

Обоснование значимости в обучении русскому языку анализа текста восходит к трудам Ф. И. Буслаева и К. Д. Ушинского, обстоятельно дается в работах современных ученых-методистов: А. Д. Дейкиной [Дейкина 2019], А. П. Еремеевой [Еремеева 1999], О. Н. Левушкиной [Левушкина 2014], Н. Л. Мишатиной, И. П. Цыбулько [Миша-

тина, Цыбулько 2016], Т. М. Пахновой [Пахнова 2000], Л. А. Ходяковой [Ходякова 2018] и др., однако потенциал такого жанра, как русская патриотическая песня, в аспекте анализа на уроках русского языка еще не изучен.

Цель

Предлагая в качестве дидактического материала для формирования умений, обеспечивающих текстовую деятельность, тексты русских патриотических песен, автор настоящей статьи исходит из того, что «поэтический текст используется в качестве средства познания языка и функций его единиц в речи; на его основе рассматриваются различные языковые единицы и их функции в произведении, осуществляется приобщение к русской культуре» [Макарова 2021: 96], а жанровая, языковая и содержательно-смысловая стороны названных текстов имеют богатый образовательно-воспитательный потенциал. Е. С. Романичева, анализируя критерии отбора дидактического материала, подчеркивает значимость использования на уроках аутентичных текстов, объясняя это тем, что именно с такими, а не специально адаптированными учебными текстами человек сталкивается в процессе жизнедеятельности, и утверждает, что «оригинальные тексты, предлагаемые в качестве учебных, должны восполнить те дефициты, которые есть в современных учебниках» [Романичева 2020: 100]. Один из таких дефицитов — это недостаток поэтических текстов патриотической тематики, предназначенных для анализа, в том числе ценностного. Вместе с тем именно такие тексты дают возможность проведения работ названных видов, так как они написаны в разные исторические периоды, что позволяет как выделить в них инвариантные единицы содержания, константные национальные лингвоконцепты, так и проследить динамику языковых изменений.

Методы

В качестве методов исследования текстов на уроках русского языка в старших классах использован анализ научно-методического опыта, ценностный, лингвосмысловой и сопоставительный.

Обсуждение

Военная патриотическая песня издавна занимала значительное место в духовной жизни русского народа и свидетельствовала о нравственной силе воинов, мощи русского оружия, беззаветной любви к Родине и преданности делу ее защиты. Такая песня — это живая историческая память народа, которая передает от поколения к поколению сведения как о трагических событиях и героических деяниях предков, так и о высших национальных ценностях: Родине, мире, доме, семье, долге, вере. Историческая и современная патриотическая песня нацелена на понимание ее высокого нравственного пафоса и культурно-исторического значения, что влияет на ценностно-смысловую сферу юношества. В ней доминируют мотивы гордости за свою страну, отваги, готовности к самопожертвованию, стремления к единению, стойкости, бесстрашия. Привлекают внимание текстовые антиномии «жизнь — смерть», «мир — война», «свои — чужие», «свет — тьма». Общим содержанием ядром отечественных песен разных эпох, несмотря на их различие, являются образы воина-солдата, русского поля, неба, дома.

Важное место в песнях занимают следующие идеи: воинского братства, солдатской дружбы, единения рядового и командира: «*Споемте, друзья, ведь завтра в поход, / Уйдем в предрассветный туман. / Споём веселей, пусть нам подпоёт, / Седой боевой капитан*» («Вечер на рейде», комп. В. Соловьёв-Седой, сл. А. Чуркина, 1941 г.); прощание с близкими: «*До свиданья, города и хаты, / Нас дорога дальняя зовет, / Молодые, смелые ребята, / На заре уходим мы в поход*» («До свиданья, города и хаты...», комп. М. Блантер, слова М. Исаковского, 1941 г.); вера в преданность тех, кто остался в тылу: «*Не спит солдат, припомнив дом / И сад зеленый над прудом, / Где соловьи всю ночь поют, / А в доме том солдата ждут*» («Соловьи», комп. В. Соловьёв-Седой, слова А. Фатьянова, 1944 г.); память о павших: «*Те, кто приняли смертный бой, Стали просто землей и травой... / Только грозная доблесть их / Поселилась в сердцах живых*» («Офицеры», комп. Р. Хозак, слова Е. Аграновича, 1971 г.). Глубокие и близкие народу смыслы, соответствие духу времени и на-

строению граждан делают порой военную песню символом эпохи.

Не менее важна и особая языковая форма произведений такого жанра. Отметим предельную эмоциональность, лексическое своеобразие (наличие высокой, экспрессивной, эмотивной, устаревшей, народно-поэтической лексики, топонимов, слов-символов). Семантический строй позволяет создать образ русского солдата-воина, который предстает как миротворец, богатырь, освободитель. Для врага же предназначены метафоры: «лютый зверь», «сатрап», «черная орда», «нечисть». Монолог лирического героя строится с использованием риторических обращений (диапазон которых широк — от «братцы» до «товарищи»), восклицаний и призывов, частотны градация, инверсия, эллипсис и единоначатие. Все это создает особый эмоциональный накал, что в конкретный исторический момент написания текста имело прагматическое значение — мобилизовало, объединяло, вселяло веру.

Патриотическая песня — это жанр, в котором в гармоническом единстве сливаются музыкальный ряд и слово. Музыка усиливает воздействие произведения на слушателя. Это же можно сказать и об авторской манере исполнителя. Метафорический, символический текст, положенный на патетическую или лиричную музыку, в исполнении профессионала влияет на восприятие военной патриотической песни. Ее рождение в минуту душевного подъема или глубоких эмоциональных переживаний, вызванных тревогой о судьбе Родины, определяет суггестивность песни: она внушает гордость и веру. С такой песней солдаты Великой Отечественной сражались, шли на подвиг (маршевая строевая песня) и прославляли его (торжественная песня), песня скрашивала фронтовой быт: «*После боя сердце просит / Музыки вдвойне!*» (В. Лебедев-Кумач). Нередко она начинает жить на пространстве всей страны, ее слушают, переписывают, исполняют тысячи людей. Поэтому песня характеризуется как «социально значимая, прагматически активная и эффективная форма реализации языка» [Татубаев 1982: 115].

Работа над текстом патриотической песни на уроке русского языка включает анализ содержа-

тельной, языковой сторон произведения и будет более эффективной при условии внимания к экстралингвистическим факторам: образу времени, места, личности автора, национальным символам. Интересным аспектом анализа может стать наблюдение над динамикой и преемственностью языковых изменений, которые отражаются в грамматике и лексическом строе. С одной стороны, тексты прошлых эпох явно имеют черты архаичности, но с другой — в современных песнях отчетливо прослеживается стилистическая традиция, намеренно сохраняемая авторами для подчеркивания национальной специфики, народности. Например, в песне Дениса Майданова «Флаг моего государства» (2015) находим слова и выражения, типичные для песен прошлых веков (*стяг, очаг, злые ветры* и др.).

Жанровая, культурная и языковая специфика русской военной патриотической песни обуславливает то, что предпочтение следует отдавать ценностному и лингвосмысловому анализу. Первый нацелен на выявление аксиологической основы песен, формирующей представление школьников о специфике русского менталитета и языкового сознания. Второй позволяет понять, как реализуется в языковых единицах замысел автора, как пафос связан с логосом и выражается в слове. Анализ требует предтекстовой работы — создания особого эмоционального настроения, поэтому изучение текстов целесообразно приурочить к дням отечественного календаря, связанным с почитанием воинской доблести. Необходима актуализация фоновых знаний из области истории, культуры, искусства, социокультурное комментирование. Этап предтекстовой работы может быть посвящен истории создания песни. Показательны в этом плане песни, созданные в первые дни Великой Отечественной войны. Изучение их важно начать с беседы об эмоциональном состоянии общества, об энтузиазме и патриотическом порыве советских людей. Учитель может рассказать о задачах, которые призваны были решать авторы написанных в этот исторический момент песен: необходимо было сформировать позитивный настрой общества. Именно поэтому в песнях первых дней войны звучат вера в победу и оптимизм: «*Мы разведем вражеские тучи, / Разметем преграды на*

пути...» («До свиданья, города и хаты...», комп. М. Блантер, слова М. Исаковского, 1941 г.), а также мотив личной ответственности каждого за победу: «*Наступил великий час расплаты, / Нам вручил оружие народ*» (там же). Примечательно, что авторы в тот момент ушли от бытовавшей в предшествующие эпохи традиции народной военной песни, связанной с оплакиванием момента расставания и тяжелой солдатской доли.

Эмоциональный отклик у учащихся вызывают как сами тексты и упоминания фактов истории, так и прослушивание песен, а в случае анализа современных произведений — просмотр клипов, видеофрагментов. Среди приемов, которые применяются в ходе анализа, назовем медленное чтение с пометами, лексический разбор с использованием словарей, наблюдение над необычными синтаксическими построениями (фигурами речи), составление ассоциативных цепочек, словесное рисование, выделение национальных лингвоконцептов, разбор образной стороны текста, создание своего текста на основе авторского.

Необходимо внимание к словам с патриотической семантикой. Посредством таких лексем передаются чувства любви к Родине и родным местам, преданности долгу, готовности служить, вера заветам отцов. Обратимся к тексту песни «Прощание» (комп. Т. Хренников, слова Ф. Кравченко, 1941 г.) и выделим систему текстовых единиц с патриотической семантикой. Это слова с положительным и отрицательным оценочными значениями: *суровый день, жестокий враг, война, счастье, родной, мирные луга, бой, отпор, кровавые хищные стаи, дом, смерть, вьюга* и др. В лексическом составе таких песен выделяются семантические подгруппы: 1) мирная жизнь (*дом, сад, рожь, завод* и др.); 2) трагический момент разлуки (*суровый день, разлука, пошел войной*); 3) единение в борьбе за Родину (*рази врага, отпор, оберегай*); 4) преданность бойцу (*разделю, верная подруга, любимый*). Задания, связанные с анализом слов, предлагаемые учащимся, могут состоять в поиске таких слов в тексте, их тематической, стилистической и оценочной дифференциации, уточнении значений (в том числе контекстного, ассоциативного и символического).

Посредством ключевых лексических единиц создается образ русского человека. Как уже было сказано, это прежде всего воин, отважный муж, готовый биться за свободу родной земли, — не завоеватель, не агрессор. Вместе с тем это страстный, любящий человек, трепетно относящийся к Родине, дому, семье, ценящий верность и преданность и сам верящий и преданный. Так, в песне «В землянке» (комп. К. Листов, слова А. Суркова, 1942 г.) представлен образ лирического героя — любящего, трепетного, чувственного. Понимание его образа и переживаний связано с анализом лексических противоположностей «холодной — тепло», «далеко — четыре шага», «гармоника — вьюга».

Поскольку рассматриваемый жанр относится к песенным и поэтическим, нельзя исключить работу над звуковым строем произведения. Весьма показательны русские военные авторские и фольклорные тексты XIX в.: им свойственна музыкально-поэтическая ритмика, создаваемая за счет рифмы и стихотворного размера, маршевого строя, чередования куплетов и припевов, а также инверсий, обращений, повторов и т. д. Имеют место ассонанс и аллитерация, звуковые эффекты (прихлипывания, присвистывания и др.). Рассмотрим приемы, создающие звуковой строй «Марша Лейб-гвардии Преображенского полка» (автор С. Н. Марин, 1805 г.):

<i>Пойдемте, братцы, за границу</i>	Обращение, инверсия,
<i>Бить Отечества врагов.</i>	аллитерация (повтор
<i>Вспомним матушку-царицу,</i>	[р])
<i>Вспомним, век ее каков!</i>	Повтор лексемы, восклицательное предложение

В последующих вариантах «Марша...» («Славны были наши деды», автор неизвестен, вторая половина XIX в.) применяются и иные средства языка, создающие интонационный узор произведения:

<i>Славны</i> были наши деды,	Имя прилагательное
<i>Помнит их и швед и <u>лях</u>;</i>	в краткой форма
<i>Их парил орел победы</i>	Многосоюзие,
<i>На Полтавских на полях</i>	просторечное слово
	Инверсия
	Повтор предлога

В фольклорных песнях ритм и настроение связаны также с использованием слов народно-поэтической речи, просторечных выражений. Так, в песне «Ну-тко грянем, братцы, песню...» находим просторечные частицы, слова с суффиксами и приставками субъективной оценки (с *полковничком, разненастный*), ненормативные глагольные формы (*сполубился, сообщились*). Их использование влияет на ритмическую организацию, создает эффект доступности, понятности и делает текст близким простому человеку, казаку.

Наблюдение над интонацией, выделение средств, создающих интонационный рисунок фразы, выразительное чтение — вот приемы работы над текстом военных песен.

Эффективным методом на завершающей ступени школьного языкового образования является сопоставительный анализ, предметом которого становятся произведения, созданные в разные эпохи, но близкие по духу, пафосу и символике. В качестве примера предлагаем рассмотреть тексты таких патриотических песен, как «Солдатская песнь» Ф. Н. Глинки (1812), «Священная война» В. И. Лебедева-Кумача (1941), «Небо славян» К. Е. Кинчева (2000).

Текст 1

Ф. Н. Глинка. Солдатская песнь

*Вспомним, братцы, россов славу
И пойдем врагов разить!
Защитим свою державу:
Лучше смерть — чем в рабстве жить.*

*Мы вперед, вперед, ребята,
С богом, верой и штыком!
Вера нам и верность свята:
Победим или умрем!*

*Под смоленскими стенами,
Здесь, России у дверей,
Стать и биться нам с врагами!..
Не пропустим злых зверей!*

*Вот рыдают наши жены,
Девы, старцы вопиют,
Что злодеи разъяренны
Меч и пламень к ним несут.*

*Враг строптивый мечет громы,
Храмов божьих не щадит;*

*Топчет нивы, палит дома,
Змеем лютым в Русь летит!*

*Русь святую разорят!..
Нет уж сил владеть собой:
Бранный жар в крови пылает,
Сердце просится на бой!*

*Мы вперед, вперед, ребята,
С богом, верой и штыком!
Вера нам и верность свята:
Победим или умрем!*

Текст 2

В. И. Лебедев-Кумач. Священная война

*Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!*

*Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна, —
Идет война народная,
Священная война!*

*Как два различных полюса,
Во всем враждебны мы:
За свет и мир мы боремся,
Они — за царство тьмы.*

*Дадим отпор душителям
Всех пламенных идей,
Насильникам, грабителям,
Мучителям людей!*

*Не смеют крылья черные
Над Родиной летать,
Поля ее просторные
Не смеет враг топтать!*

*Гнилой фашистской нечисти
Загоним пулю в лоб,
Отребью человечества
Сколотим крепкий гроб!*

*Встает страна огромная,
Встает на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой.*

*Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна, —
Идет война народная,
Священная война!*

Текст 3

К. Е. Кинчев. Небо славян

*Звездопад дорог от зарниц.
Грозы седлают коней,
Но над землей тихо льется покой монастырей.
А поверх седых облаков
Синь, соколиная высь.
Здесь, под покровом небес, мы родились.*

*След оленя лижет мороз,
Гонит добычу весь день,
Но стужу держит в узде дым деревень.
Намела сугробов пурга,
Дочь белозубой зимы.
Здесь, в окоёме снегов, выросли мы.*

*Припев:
Нас точит семя орды,
Нас гнет ярмо басурман,
Но в наших венах кипит небо славян.
И от Чудских берегов
До ледяной Колымы
Все это наша земля, все это мы!*

*А за бугром куют топоры,
Буйные головы сечь.
Но инородцам кольчугой звенит русская речь.
И от перелеска до звезд
Высится белая рать.
Здесь, на родной стороне, нам помирать.*

*Нас точит семя орды,
Нас гнет ярмо басурман,
Но в наших венах кипит небо славян.
И от Чудских берегов
До ледяной Колымы
Все это наша земля, все это мы!*

Появившиеся в напряженные моменты истории и ставшие итогом раздумий авторов о судьбе Родины песни близки призывным пафосом, все они активно влияют на самосознание, национальную гордость россиян. Работу над произведениями предлагаем организовать поэтапно, в течение двух уроков русского языка.

Этап 1. Создание эмоционального настроения. Размышление о роли музыки в напряженные моменты истории и знакомство с жанровыми особенностями военной патриотической песни. Прослушивание одного из произведений.

Этап 2. Групповая работа. Формируются три группы учащихся, каждая из которых работает над

одним из предложенных текстом, осуществляя чтение текста, поиск информации об истории создания песни, подготовку краткой справки о личности автора и его произведении. Для устранения лексических трудностей необходимо найти малопонятные слова, выяснить их толкование с использованием словарей или с опорой на контекст, морфемный состав слова. Анализ текста песни следует выполнять по вопросам, предложенным учителем и касающимся эмоциональной читательской оценки, лексико-грамматического строя текста, общего замысла произведения, его аксиологической, символической, национальной, культурно-исторической сторон. Приведем пример вопросов и заданий, разработанных на основе «Солдатской песни» Ф. Н. Глинки:

- Какие чувства вызывает «Солдатская песнь» у читателя? Каков эмоциональный настрой текста? Найдите слова и выражения, передающие ненависть к врагу, уверенность в победе, любовь к Родине, непоколебимость.
- От чьего лица написано произведение? Кем является лирический герой? К кому он обращается? Каким словом он называет своих адресатов? К чему побуждает?
- Какой синоним к слову «россияне» использует автор? Найдите это слово в словарях. Какова его стилистическая окраска?
- За какие святыни встанут на борьбу россияне? На какие традиционные ценности нашего народа опирается поэт? Как соотносятся слова «вера» и «верность»? Какой эпитет к слову «Русь» и почему использован в тексте?
- Найдите в тексте слова-антонимы. С какой целью их использует автор? Какие антитезы можно встретить в тексте?
- Проанализируйте состав глаголов. На какие тематические или стилистические группы их можно разделить?
- Как автор строит образ врага? С кем его сравнивает? Какие исторические аналогии применяет?
- Найдите в тексте повторяющиеся строки. Как этот повтор связан с жанром и какое место занимает в композиции?

- Как вы понимаете фразу: «Под смоленскими стенами, / Здесь, России у дверей...»? Какой синтаксический прием использовал автор? Какие еще фигуры речи имеют место в тексте?
- Какие слова и выражения дают понять, что текст написан в далеком прошлом? Как вы понимаете выражения «*стать и биться нам с врагами*», «*мещет громы*», «*бранный жар*», «*врагов разить*»?
- Какие черты русского воина воспеваются в песне, какие свойства национального самосознания проявляются?

Этап 3. Коллективное составление обобщающей таблицы по результатам анализа трех произведений. Таблица оформляется следующим образом (см.: таблицу).

Этап 4. Выявление общего и различного в произведениях.

Этап 5 (домашнее задание). Написание сочинения-рассуждения на основе одного или нескольких текстов патриотических песен на темы «Почему в трудные моменты истории рождаются песни», «В чем сила русской военной патриотической песни», «Василий Соловьёв-Седой назвал песню “барометром своего времени”. Согласны ли вы с композитором?» и др.

Сопоставительный анализ трех песен разных эпох позволяет понять как общие жанровые особенности текстов, так и лексико-стилистическую специфику каждой из них, обогатить знания о лексике и грамматике русского языка.

Выводы

Таким образом, как дидактический материал патриотическая песня в соответствии с требованиями федеральных государственных образовательных стандартов расширяет представления учащихся о выразительных возможностях русского языка, силе родного слова, способах репрезентации патриотического чувства и национального характера в языке, формирует гражданскую идентичность обучающихся, готовность к выполнению ими гражданских обязанностей. Изучение на уроках патриотических песен показывает, что в трудные моменты истории именно песни становились своеобразными точками опоры, духовны-

Анализ военных патриотических песен

Вопросы для анализа	Ф. Н. Глинк «Солдатская песнь» (1812)	В. И. Лебедев-Кумач «Священная война» (1941)	К. Е. Кинчев «Небо славян» (2000)
Исторические условия создания песни	Нашествие войска Наполеона	Начало Великой Отечественной войны	Политическое противостояние России и Запада
Цель написания	Укрепить моральный дух, побудить к единению и противостоянию врагу, помочь осознать национальные ценности, вызвать уважение к предкам и гордость за их стойкость		
О каких ценностях говорит автор	Россов слава, держава, Бог, вера, верность, близкие люди, Русь	Страна, Родина, поля, благородство, мир, свет, пламенные идеи	Земля, Родина, природа, монастыри, покой, история славян
Какие символы имеются в тексте	Штык, сердце, нива, пламень, жена, дева, старец	Волна, пламя, поля, свет	Конь, синь, покров, небеса, дым деревень, зима, русская речь
Использованные выражения народно-поэтической речи	Русь святую, храмов божьих, бранный жар	Смертный бой, царство тьмы, силой темною, крылья черные	Буйные головы, родной стороне, в венах кипит
Какие метафоры и эпитеты являются текстообразующими	Вера нам и верность свята	Священная война, война народная, ярость благородная	В наших венах кипит небо славян
Какие антитезы представлены	Лучше смерть — чем в рабстве жить. Победим или умрем!	Как два различных полюса, / Во всем враждебны мы: / За свет и мир мы боремся, / Они — за царство тьмы	Семя орды, ярмо басурман — небо славян. Напор врага — противостояние русской речи
Экспрессивные возможности частей речи	Глаголы со значением разрушения (палит, топчет, не щадит), защиты (защитим, победим), эмоций (кипит), прилагательные с оценочным значением (разъяренны, строптивый)	Глаголы со значением разрушения (топтать), эмоций (вскипает), глаголы и существительные со значением защиты (боремся, дадим отпор), прилагательные с оценочным значением (враждебны, благородная)	Глаголы со значением разрушения (точит, гнет, куют), эмоций (кипит, высится), прилагательные с оценочным значением (родная), местоимения со значением единения (мы, нас, наши)
Образ врага	Злые звери, змей лютый, злодеи разъяренны, меч и пламень к нам несут. Враг строптивый мещет громы, Храмов божьих не щадит; Топчет нивы, палит дома	Сила темная, проклятая орда, душители пламенных идей, насильники, грабители, мучители людей, нечисть, отребье человечества	Семя орды, басурмане, инородцы, точащие топоры
Образ русского бойца	Верный, православный защитник Родины, помнящий о своих предках, готовый к самопожертвованию	Страна огромная в единстве ее граждан; защитник света и мира, дающий отпор врагу, готовый к самопожертвованию	Воин, ценящий землю, где родился и вырос, помнящий о деяниях своих предков, православный, ценящий свою землю, русскую речь, готовый к самопожертвованию
Связь истории и языка	Используются устаревшие слова и грамматические формы (россы, мещет, стать, вопиют и др.)	Встречаются эпитеты, свойственные эпохе (фашистская сила, пламенные идеи, война народная)	Современная лексика сочетается с народно-поэтической (седые облака, стужа, рать)
Выразительные средства синтаксиса	Риторические обращения и восклицания, повторы, инверсия, градации		

ми скрепами, давали надежду на будущее [Чотчаева, Фокин 2018: 148].

Сказанное позволяет считать песни патриотической тематики не только средством эстетического и патриотического воспитания юношества, но и дидактическим материалом, который можно применять для формирования и развития умений текстовой деятельности старших школьников и их лингвосоциокультурной компетенции.

ИСТОЧНИКИ

Глинка — Глинка Ф.Н. Солдатская песнь. *РусСтих*. URL: <https://rustih.ru/fedor-glinka-soldatskaya-pesn/?ysclid=laar4l-cutv827606207> (дата обращения: 01.11.2022).

Кинчев — Кинчев К.Е. Небо славян. *DarkTexts.ru*. URL: <https://darktexts.ru/477-alisa-nebo-slavyan.html> (дата обращения: 01.11.2022).

Лебедев-Кумач — Лебедев-Кумач В.И. Священная война. *РусСтих*. URL: <https://rustih.ru/vasilij-lebedev-kumach-svyashhennaya-vojna> (дата обращения: 01.11.2022).

ЛИТЕРАТУРА

Дейкина 2019 — Дейкина А.Д. Аксиологическая методика преподавания русского языка. М.: МПГУ, 2019. 210 с.

Еремеева 1999 — Еремеева А.П. Роль образцового художественного текста в обучении связной речи. *Русская словесность*. 1999. (4): 72–76.

Левушкина 2014 — Левушкина О.Н. Понимание и интерпретация текста в обучении русскому языку. В сб.: *Гуманизация и гуманитаризация образования XXI века: духовно-нравственные основы образования*. Ульяновск: УГПУ им. И.Н. Ульянова, 2014. С. 89–96.

Макарова 2021 — Макарова В.Ю. Когнитивный подход в обучении русскому языку (на примере работы с поэтическим текстом). *Мир русского слова*. 2021. (2): 88–97.

Мишати́на, Цыбу́лько 2016 — Мишати́на Н.Л., Цыбу́лько И.П. Антропологическая лингвометодика: в поисках смысла, содержания и оценивания. М.: Национальное образование, 2016. 231 с.

Пахнова 2000 — Пахнова Т.М. Текст как основа создания на уроках русского языка развивающей среды. *Русский язык в школе*. 2000. (4): 3–11.

Романичева 2020 — Романичева Е.С. Текстовая деятельность как одно из условий успешной реализации метапредметного подхода к обучению. *Мир русского слова*. 2020. (2): 95–100.

Татубаев 1982 — Татубаев С.С. Певческая речь как особый способ функционирования языка. *Вопросы языкознания*. 1982. (2): 113–118.

Ходякова 2018 — Ходякова Л.А. Методика речевого развития творческой личности школьника в контексте культуры: теория и практика. М.: МПГУ, 2018. 188 с.

Чотчаева, Фокин 2018 — Чотчаева М.Ю., Фокин А.А. Педагогический потенциал песен военной поры. *Kant*. 2018. 2 (27): 145–148.

SOURCES

Глинка — Glinka F.N. Soldier's Song. *RuStih*. Available at: <https://rustih.ru/fedor-glinka-soldatskaya-pesn/?ysclid=laar4l-cutv827606207> (accessed: 01.11.2022). (In Russian)

Кинчев — Kinchev K.E. Heaven of the Slavs. *DarkTexts.ru*. Available at: <https://darktexts.ru/477-alisa-nebo-slavyan.html> (accessed: 01.11.2022). (In Russian)

Лебедев-Кумач — Lebedev-Kumach V.I. Holy War. *RuStih*. Available at: <https://rustih.ru/vasilij-lebedev-kumach-svyashhennaya-vojna> (accessed: 01.11.2022). (In Russian)

REFERENCES

Дейкина 2019 — Deikina A.D. *Axiological Methodology of Teaching the Russian Language*. Moscow: Izdatel'stvo MSPU Publ., 2019. 210 p. (In Russian)

Еремеева 1999 — Eremeeva A.P. The Role of Classical Literary Texts in Teaching Coherent Speech. *Russkaia slovesnost'*. 1999, (4): 72–76. (In Russian)

Левушкина 2014 — Levushkina O.N. Understanding and Interpreting a Text in Teaching the Russian Language. In: *Gumanizatsiia i humanitarizatsiia obrazovaniia XXI veka: dukhovno-nravstvennye osnovy obrazovaniia*. Ul'ianovsk: Izdatel'stvo USPU imeni I.N. Ul'ianova Publ., 2014. P. 89–96. (In Russian)

Макарова 2021 — Makarova V.Iu. Cognitive approach in teaching russian language (On the example of working with poetic text). *Mir russkogo slova*. 2021, (2): 88–97. (In Russian)

Мишати́на, Цыбу́лько 2016 — Mishatina N.L., Tsybul'ko I.P. *Anthropological Linguomethods: in search of sense, content and estimations*. Moscow: Natsional'noe obrazovanie Publ., 2016. 231 p. (In Russian)

Пахнова 2000 — Pakhnova T.M. Text as the Basis for Creating a Developing Speech Environment in Russian Language Lessons. *Russkii iazyk v shkole*. 2000, (4): 3–11. (In Russian)

Романичева 2020 — Romanicheva E.S. Text activities as one of the conditions for the successful implementation of the metapodismic approach to learning. *Mir russkogo slova*. 2020, (2): 95–100. (In Russian)

Татубаев 1982 — Tatubaev S.S. Singing a Text as a Specific Way of Language Functioning. *Voprosy iazykoznaniiia*. 1982, (2): 113–118. (In Russian)

Ходякова 2018 — Khodiakova L.A. *Methodology of Developing School Students' Speech and Creativity in the Context of Culture: Theory and Practice*. Moscow: Izdatel'stvo MSPU Publ., 2018. 188 p. (In Russian)

Чотчаева, Фокин 2018 — Chotchaeva M.Iu., Fokin A.A. The pedagogical potential of songs of wartime. *Kant*. 2018, 2 (27): 145–148. (In Russian)

СОВРЕМЕННОЕ НАУЧНОЕ ОБЩЕНИЕ И ТИПОЛОГИЯ ТЕКСТА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА (ЖАНР АННОТАЦИИ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ)

IRINA V. REBROVA, COLIN GREGORY-MOORES

MODERN ACADEMIC DISCOURSE AND THE TYPOLOGY OF THE TEXT IN THEORY AND PRACTICE
(A COMPARATIVE STUDY OF THE ABSTRACT GENRE)

Ирина Витальевна Реброва

Кандидат филологических наук, доцент

► irina.rebrova@plus.ac.at

Зальцбургский государственный
университет
имени Париса Лодрона
Австрия, 5020, Зальцбург,
Эрцбт-Клотцтрассе, 1

Irina V. Rebrova

PhD in Philology, Associate Professor

Paris-Lodron-Universität Salzburg,
1, Erzbischof-Kloster-Str., Salzburg, 5020, Austria

Колин Грегори-Мурес

Кандидат филологических наук, доцент

► colin.gregory-moores@fhv.at

Университет прикладных наук
Форарльберга
Австрия, 6850, Дорнбирн,
Хохшюльцтрассе, 1

Colin Gregory-Moore

PhD in Philology, Lecturer

Vorarlberg University of Applied Sciences,
1, Hochschulstraße, Dornbirn, 6850, Austria

Предметом исследования в настоящей статье является типология жанра аннотации и ее структурно-содержательных компонентов. Аннотация представлена с двух позиций: интернационализации и обособления научного общения, что позволяет увидеть специфику данного типа текста как внутри одной лингвокультуры, так и за ее пределами. Описываются разные подходы к жанру в западных и российских исследованиях; при анализе текста во главу угла ставится такая категория текстuality, как «культурная маркированность»; рассматриваются характерные черты жанра на фоне языка *lingua franca*. Используются общенаучные методы: *дедуктивный* (от анализа ошибок учащихся в тексте аннотации — к типологическим чертам жанра) и *индуктивный* (от специфики структурно-содержательных компонентов — к построению жанра аннотации), а также филологические методы: непосредственного наблюдения над текстом и компаративного анализа. Материалом исследования служат работы учащихся и примеры аннотаций (как немецкоговорящих учащихся, изучающих русский язык, так и русско- и немецкоговорящих учащихся, изучающих английский язык). В процессе анализа выявляются несоответствия структурных компонентов текста при общей передаче его смысла; выделяются текстовые лакуны в матрице жанра другой лингвокультуры; проводится жанровая дифференциация внутри определенного типа текста, передающего информацию о его структуре и содержании; называется прецедентный жанр русской и английской лингвокультуры; подчеркивается необходимость включения в этнометодику информации о специфике жанра с позиций современного профессионального общения. Намечены перспективы дальнейшего исследования, затрагивающие следующие вопросы: нарушение нормы текста с учетом ошибок в жанропостроении; факультативные компоненты в типологии текста и национальный научный дискурс; трехступенчатая модель анализа жанра в иностранной аудитории: *изучаемый иностранный язык — родной язык учащегося — язык lingua franca*.

Ключевые слова: научное общение, аннотация, типология жанра, структурно-содержательный компонент, текстовая лакуна, *lingua franca*.

This article discusses the abstract as a typological genre as well as the components that comprise its structure and content. Abstract writing as a discursive act is viewed from two angles: internationally and from within the isolation of national perspectives. Comparing the development of the genre within and beyond a single linguistic culture, the article describes the different approaches to the genre in Western and Russian research. Furthermore, it highlights the importance of such categories as textuality and “cultural markedness” and discusses the main char-

acteristics of the genre in relation to the *lingua franca*. Through a close reading and comparative analysis of student abstracts, the article examines 1) mistakes occurring in these abstracts in order to make inferences about the typological features of the genre, and 2) specific structural and content components against the backdrop of the *lingua franca* in order to draw conclusions about the structure of the genre. This analysis reveals discrepancies between the structural components of the text and the transfer of the general meaning of the text as well as textual lacunae in the matrix of the genre of another linguistic culture. It subdivides the genre of specific types of texts according to their structure and content, and also identifies the precedent genre in Russian and English linguistic culture. Furthermore, it argues that an ethnomethodology should include information about the specificity of the genre within contemporary academic discourse. The article recommends further research in the following areas: divergences from norms within the genre; optional components in the typology of the text and national academic discourse; a three-tier model for analyzing the genre in the foreign-language classroom: *the language being studied — the native language — the lingua franca*.

Keywords: academic discourse, abstract, typology of the genre, structural and content components, textual lacunae, *lingua franca*.

Введение

Процессы глобализации охватывают все сферы жизни современного мирового сообщества, в том числе научного, представляющего собой социальную группу, но не обязательно составляющего единую лингвокультуру. Ученые «говорят» на языке конкретной науки. Специфичность такого общения ведет к интернационализации научного диалога и влияет на изучение иностранного языка: при сформированной лингвистической компетенции научная коммуникация практически не вызывает проблем для межкультурного общения и понимания (см.: [Liang 1993:153]).

В то же время научное общение включает в себя две фазы единого цикла: фазу универсализации и фазу изоляции, обособления [Holenstein 1985: 175]. Последняя концентрируется на национальном языке и процессах, которые в нем происходят. Обе фазы научной коммуникации имеют прямую проекцию на методику преподавания иностранных языков, о чем писали уже в 60–80-е годы XX в. в работах по контрастивной риторике (*Contrastive Rhetoric*). Исследователи отмечали, что при ведении диалога на английском языке носители иных лингвокультур (часто неосознанно) ориентируются на текстопостроение,

характерное для их родного языка (см.: [Kaplan 1966; Clyne 1984]).

В 90-е годы прошлого столетия процесс интернационализации общения также рассматривается учеными в динамике, в его взаимосвязи с конкретной наукой. Так, Х. Шрёдер (H. Schröder) пишет о том, что интернационализация в большей степени представлена в естественно-научных дисциплинах [Schröder 1995: 159] и зависит от роли английского языка как в мире, так и в научном сообществе. Усиление интернациональных процессов связывается с дальнейшим развитием цифровых технологий.

В то же время вторая фаза научной коммуникации — изоляция, обособление от *lingua franca* — остается перспективным направлением современных исследований и доказывает, что положения контрастивной риторики не утратили своей актуальности в новой цифровой реальности. Появление такого понятия, как «дисциплинарные дискурсы» (*Disciplinary Discourses*), связанного с двумя фазами научной коммуникации, — яркое тому подтверждение [Hyland 2000].

Для обоснования теоретических положений данной статьи важную роль играет тот факт, что ее авторы принадлежат к различным лингвокультурам и научным школам, преподавали/преподают свой родной язык как иностранный в российских и европейских университетах, погружены в один дисциплинарный дискурс, анализируют методики изучения одного и того же типа текста на разных языках с учетом лингвистических и экстралингвистических факторов.

Цель написания статьи — рассмотреть жанр аннотации и его структурно-содержательные компоненты в разных лингвокультурах в сопоставительном аспекте не только на уровне языкового знака, но и на уровне прототипической структуры текста на фоне процессов интернационализации и национальной изоляции научной коммуникации; выявить культурную детерминированность структурных компонентов в конкретном жанре и лакуны в типологии текста на фоне английского языка; связать полученные результаты с этнометодическим описанием.

Состояние изучения вопроса

Изучение в различных университетах мира английского языка, который как язык *lingua franca* оказывает влияние на достижение научно-исследовательских результатов, поставило перед преподавателями-практиками вопросы об эффективности презентации в учебной аудитории дисциплинарных дискурсов, об их соотношении между собой и их уникальности как в масштабе одной лингвокультуры, так и в плане интернациональности в профессиональном научном общении.

Прикладная направленность этих вопросов привела на рубеже XX и XXI вв. к новому всплеску сопоставительных исследований в области гуманитарных наук, был сделан вывод о значимости культурного компонента как особой категории текстуальности (*Kulturalität* [Fix 2002 и др.]; в русском переводе — «культурная маркированность» [Чернявская 2014]; «культуральность» [Кузьменко 2021]).

В российской лингвистике большое внимание уделяется «изучению культурно обусловленных особенностей научной речи и культурно-языковых особенностей научных текстов разного типа» [Цурикова, Кузьменко 2020: 145]. Приоритет конвенциональности своей языковой культуры при построении научного текста анализируется в работах германистов, исследующих процесс изучения немецко- и франкоговорящими студентами английского языка (см.: [Fix 2020; Venohr 2020]). «Культурная маркированность» конкретного жанра может быть рассмотрена в следующей системе координат: *текст — личность — термины — позиция и модели текста* [Adamzik 2018: 249].

Модели типов текста *статья и аннотация* — в центре внимания различных дисциплинарных дискурсов. Подобные исследования выявляют специфику порождения текста на основании конвенций конкретной лингвокультуры (см. подробнее: [Кузьменко 2021]).

При обучении жанру англоязычной аннотации большинство практических рекомендаций касается языковой специфики и фиксации грамматических ошибок [Рогожкина 2020]. Комплекс упражнений для изучающих английский язык включает также анализ структуры аннотации

[Ерёмина 2016]. Кроме того, в настоящее время при составлении учебных пособий по изучению английского языка учитывается зависимость научных текстов «от особенностей коллективной идентичности носителей культуры и языка как коллективного субъекта <...> от коммуникативно-прагматических условий, в которых порождается текст», а также «от науки и дидактических задач» [Гришаева, Мартюхина 2017: 122–125].

Жанр русскоязычной аннотации изучается с учетом процесса интернационализации общения на основании методов сопоставительного и контент-анализа, автоматизированных инструментов семантического анализа и морфологической разметки и др. (см.: [Тивьяева, Кузнецова 2020: 139]). В большинстве современных сопоставительных работ акцент делается на структурных особенностях жанра, с одной стороны, и конвенции издательско-редакционного характера — с другой. При этом в стороне остается изучение динамики в структуре жанра в границах только своей лингвокультуры с проекцией на культурную маркированность всех компонентов и представление жанра в соответствии с традицией, принятой в стране изучаемого языка. Этот факт дает новый ракурс рассмотрения жанра аннотации в теоретическом и прикладном аспектах.

При анализе текста основной для автора статьи стала категория «культурная маркированность», однако учитывались все категории текстуальности.

Методы анализа

На основании общенаучного дедуктивного метода — от общего к частному — рассмотрено 100 аннотаций: 50 — на английском языке, созданных русско- и немецкоговорящими студентами, изучающими английский язык как иностранный; 50 — на русском языке, написанных немецко- и англоговорящими студентами, изучающими русский язык как иностранный. Все аннотации созданы вне страны изучаемого языка. Тексты русскоговорящих студентов рассматривались на предмет отклонения от текстовой нормы только на фоне английского языка, немецкоговорящих — на фоне английского и русского языков. Специ-

фика немецкоязычной аннотации принималась во внимание при анализе ошибок студентов при построении ими текста на русском и английском языках.

В статье предлагается анализ жанра аннотации в компаративистском аспекте с учетом структурно-содержательных компонентов. Прототипические характеристики англоязычной аннотации служат инструментом для контроля и выявления несоответствий в структуре русскоязычного жанра с последующим возможным включением в лингводидактическое описание.

Обсуждение

Рассмотрим ошибки в студенческих работах, демонстрирующие отступление от текстовой нормы. Учитывая, что характеристики жанра аннотации в лингвокультурах не совпадают, исходя из профессиональной деятельности учащихся и принимая во внимание требования к данному типу текста в западных университетах, на первом этапе анализа авторы статьи понимают жанр аннотации широко, как вторичный текст с информацией о содержании авторского текста (от научной статьи до магистерской диссертации). В российской научной коммуникации для передачи содержания первичного текста существуют разные жанры — аннотация и автореферат. Последний отсутствует в английском и немецком научном дискурсе.

В аннотации к магистерской диссертации на тему «Конструкции пространства в романе Али Рахмановой *“Молочница в Оттокринге”*» студент передает биографию писательницы Али Рахмановой, не включая другие обязательные компоненты жанра вторичного текста: *предмет, объект изучения, теоретическая и практическая значимость, методы*, и не следует его жесткой структуре.

В представлении заголовка аннотации и исходного аннотируемого текста обнаруживается незнание традиций передачи имен известных русских писателей и терминологии: «*Искушение посредством литературы: Роман в стихах Александра Пушкина “Евгений Онегин” и функция чтения протагонистки Татьяны Лариной*». Термин *протагонистка* отражает специфику немецкого

научного дискурса, в том числе активное использование феминитивов, переводимых субстантивами с суффиксом *-к*. Заключительная часть аннотации включает слово *наверное*, что не соответствует ее смысловому содержанию: «*В заключение делается вывод, что были, наверное, некоторые освободительные и даже утопические тенденции в большевистской политике*».

Анализ ошибок 100 проанализированных работ немецко-/англоговорящих студентов на русском и английском языках и русско-/немецкоговорящих студентов на английском языке позволил выстроить следующий ряд с позициями, нарушающими текстовую норму: *жанр и структурно-содержательные компоненты — языковые и стилистические особенности — порядок слов — персональность (выражение авторского я)*. Данные позиции носят прогностический характер, позволяя, с одной стороны, продолжить наблюдения за нормой текста аннотации и определяя — с другой, круг тем, требующих методической обработки для обучения написанию аннотации на неродном языке. Эти позиции становятся критериями, по которым можно строить сопоставительный анализ жанра в рассматриваемых лингвокультурах.

Далее речь пойдет только о первом члене ряда: *жанр и структурно-содержательные компоненты* на примере филологических текстов. Начнем с типологических особенностей аннотации в российской лингводидактике и вспомним его дефиницию.

Аннотация 1. Жанр аннотации (условно — *аннотация 1*) не входит в ядерные жанры научного стиля речи и относится к вторичным научным жанрам. В определении Т.В.Матвеевой сделан акцент на прагматической установке такого текста: «предельно кратко и обобщенно представить некоторые важные сведения о существующем крупном тексте и таким образом дать читателю возможность быстро с ним ознакомиться» [Матвеева 2003: 56]. Прототипическая структура жанра остается неизменной для всех первичных текстов (*книга, статья, рукопись*). Ср. дефиницию: аннотация «кратко информирует о содержании и структуре научного произведения, эксплицирует центральную проблему исследования, репре-

зентирует цели и задачи автора, а также намечает перспективу развертывания основного текста. Аннотация характеризуется высокой степенью обобщения научного содержания, имеет специфическую прагматическую установку» [Баженова, Котюрова 2006: 60].

Е. А. Баженова и М. П. Котюрова имплицитно указывают на важные композиционно-содержательные компоненты текста: *проблема исследования, цели и задачи, композиция, перспектива*. Это определение применимо к любому первичному научному тексту, а также к издательской аннотации с обязательными: (1) *библиографическим описанием*, (2) *собственно текстом аннотации* и факультативным компонентом — (3) *фактором адресата*.

См.: Котин М. Л. *Язык и время*. М.: ЯСК, 2018. 224 с. (1) Целью монографии является введение в проблематику развития естественных языков и языковых изменений, обсуждение достоинств и недостатков главных теорий и концепций, касающихся их причин и механизмов, а также представление тезисов автора, позволяющих в общих чертах изложить его собственный взгляд на данные вопросы. (2) Книга адресована широкому кругу читателей, заинтересованных данными вопросами, — в первую очередь филологам и лингвистам. (3) (Разбиение текста выполнено нами. — И. Р., К. Г.-М.)

Это справочная (описательная и информационная) аннотация. Работа с данным жанром и языковыми клише, эксплицирующими его факультативные и обязательные компоненты, известна преподавателям-практикам русского языка как иностранного (РКИ) (см. пособия: [Демидова 1991; Величко, Юдина 2008; Афанасьева, Попова 2015; Грекова, Кузьмина 2017] и др.).

Англоязычная аннотация располагается на оборотной стороне обложки (что возможно и в русском варианте) или на 3–4-й странице книги и не связана с библиографическим описанием. Можно говорить о сопоставлении на фоне *lingua franca* только одного структурно-содержательного компонента: *собственно текста аннотации* с условной долей отнесения его к жанру *аннотация 1*.

Такие структурно-содержательные компоненты, как *библиографическое описание* и *фактор адресата* (факультативный) отсутствуют в английской матрице и являются жанровыми лакунами.

Первая фраза в информационном тексте о книге Кена Хайланда, опубликованном на сайте издательства и условно названном авторами статьи аннотацией, содержит вопрос: *Why do engineers “report” while philosophers “argue” and biologists “describe”?* Его прагматическая функция не проинформировать читателя (адресата), а пробудить его интерес, оказать на него воздействие как на возможного покупателя. Такое начало типично для рекламных текстов и свидетельствует о смешении рекламного и научного текста, что не так типично для русской лингвокультуры. Далее текст содержит структурные компоненты и языковые клише, характерные для аннотации и включенные в учебные пособия по академическому общению: ср.: *In addition, Disciplinary Discourses presents a useful framework for understanding the interactions between writers and their readers in published academic writing* [Hyland 2004].

Для изложения краткой информации о книге на английском языке на сайте и в бумажном варианте встречаются разные названия одного и того же типа текста: *Summary/Description*, то есть информация об одном и том же тексте соотносится с разными языковыми номинациями. Прагматическая функция текста — «вызвать интерес к первоисточнику» — позволяет соотнести его с русскоязычной *аннотацией 1*.

Таким образом, *аннотация 1* (справочная) закреплена в «памяти жанра» (М. М. Бахтин) для носителей русской лингвокультуры, а также хорошо разработана в аспекте РКИ, но не является приоритетным жанром при обучении английскому академическому письму, находится на периферии научного дискурса и соотносится с такими жанрами, как *Summary (Description)*.

При использовании жанра в коммуникации следует также учитывать профессиональное общение. Методисты отмечают, что при обучении профессиональному общению на русском языке «умение составлять аннотацию необходимо для того, чтобы охарактеризовать книгу или тот или

иной текст на семинаре, а также при написании докладов, сообщений, курсовых работ, при составлении аннотированного списка работ какого-либо автора или на какую-либо тему» [Величко, Юдина, 2008: 40–41].

Жанр устного доклада на научной конференции требует также предварительной отправки письменной аннотации в оргкомитет. Кроме того, в состав учебно-профессиональной ситуации входит публикация в профильном журнале научной статьи, включающей аннотацию, составленную на двух языках. Назовем этот тип аннотации условно *аннотация 2* и рассмотрим русский вариант в сопоставлении с его английским *Abstract* и *аннотацией 1*.

Аннотация 2. Эта жанровая разновидность аннотации, необходимой для оформления статьи в научном журнале. Она отличается от *аннотации 1* прежде всего объемом. Прагматическая установка текста сохраняется: дать краткую информацию для журнала/конференции.

В качестве примера рассмотрим аннотацию к данной статье для публикации ее в «Мире русского слова». Заголовочный комплекс *на русском и английском языках: заголовок — информация об авторах — аннотация и ключевые слова*.

Все эти компоненты повторяются и в других научных журналах. Классическим примером с точным соблюдением такой структуры на английском языке являются аннотации в журнале «Вопросы языкознания» (ВЯ). Заметим, что объем текста в разных рейтинговых изданиях варьируется и зависит от требований издания (в «Вопросах языкознания» — 700 слов, в «Мире русского слова» — 200–250). В ВЯ можно выделить факультативные структурно-содержательные компоненты жанра: *благодарности*, «для цитирования», *индекс DOI* (их английский эквивалент: *Acknowledgements, For citation, DOI*) [Горбова, Чуйкова, Шарыгина 2021, 4: 91–130].

Следовательно, английский текст аннотации — обязательный элемент жанра научной статьи на русском языке — становится элементом текстовой нормы для статьи с другим языковым кодом, что связано с интернационализацией профессионального научного общения. Для выявления специфики *аннотации 2* обратимся к ее английскому эквиваленту.

Abstract. Обобщив данные по научной и лингвометодической литературе в западных и российских источниках, можно охарактеризовать *Abstract*: 1) как универсальный тип научного текста, играющего важную роль в профессиональном журнале; 2) текст, входящий в журнал и в статью на правах субжанра и в то же время способный выступать самостоятельно в ситуации подачи заявки на конференцию; 3) имеющий прагматическую цель — убедить читателя в том, что текст статьи важен и ценен для прочтения: “to persuade readers that the article is worth reading” [Hyland 2000: 64]. В отличие от *аннотации 1* цель *Abstract* не только информация, но и убеждение. *Abstract* связан с конкретным первичным текстом — с научной статьей, что имеет непосредственный выход в методику. Однако презентация этих двух жанров в аудитории требует единого алгоритма, так как они связаны общей методической целью.

Оба жанра содержат структурные компоненты, которые в тексте являются обязательными составляющими: *Introduction, Methods, Results (and) Discussion*, сокращенно *IMRaD*. В формуле *AIMRaD-Formel* добавляется *A (Abstract)*. Наличие данного набора структурных компонентов доказывает единство двух типов текста (аннотация повторяет структуру статьи), что используется в качестве методического приема при обучении для запоминания «жанровой формулы».

В теоретических работах компоненты жанра могут быть названы: *Introduction, Purpose, Method, Product und Conclusion* [Hyland 2000: 67]. В этом случае важен не акроним *AIMRaD*, а речевые действия (*moves*) и связанные с ними пять структурно-содержательных компонентов жанра, композиционно повторяющих научную статью. Рассмотрим их более подробно в сопоставлении с жанровыми конвенциями русской научной лингвокультуры, акцентируя смысловое наполнение структурного компонента.

Introduction/Введение включает обоснование темы, обзор работ по теме, новизну, границы исследования, представление о структуре. При этом читатель должен получить мотивацию для дальнейшего чтения.

Purpose/Цель содержит цели и формулировку гипотезы; может объединяться с **Introduction** и не выделяться в отдельную рубрику.

Methods/Материал. Этот компонент включает элементы: *материал, методы, эксперимент, инструментарий* (ср. выделение этих компонентов в отдельные рубрики, например, в тексте автореферата на русском языке).

Product/Результаты предполагает связь с целью, гипотезой, содержит таблицы, графики (здесь представлены реальные факты).

Conclusion/Выводы включает информацию о практической значимости, перспективах исследования [Hyland 2000: 67].

Структурно-содержательные компоненты жанра могут отличаться от аналогичных структур в русскоязычном тексте по смысловому наполнению (при сохранении общего смысла текста и прагматической цели). *Abstract* включает четыре обязательных структурно-содержательных компонента: *границы исследования, недостатки, практическая и социальная значимость*. Следовательно, жанр *Abstract* имеет жесткую структуру даже при наличии факультативных составляющих. Каждый компонент этого жанра имеет свою языковую специфику: *грамматическое время, актив-пассив, агенс, специальные слова-коннекторы, причастные конструкции* (см.: [Рогожкина 2020]).

Структурно-содержательные различия обнаруживают себя при рассмотрении компонентов текста с учетом такой категории текстуальности, как *когезия (связность)*. Перевод рубрик демонстрирует полное совпадение названий, но эти различия не выявляет.

Результаты

Сопоставление жанра аннотации в русской и английской лингвокультуре на фоне процессов интернационализации и изоляции обнаруживает различия на структурном (наличие/отсутствие композиционно-жанровых компонентов) и содержательном уровнях.

Аннотация 1 отличается от *аннотации 2* как в русском языке, так и в *lingua franca*. Наличие таких понятий, как *Abstract/Summary/Description*, при передаче информации о первичном английском

научном жанре свидетельствует, что такой жанр, как издательская *аннотация 1*, находится на периферии английского научного дискурса в отличие от русской лингвокультуры, в которой этот тип текста можно считать «прецедентным жанром». Его когнитивные и композиционно-содержательные структуры культурно детерминированы и отражают прототипические структуры текста, отсутствующие в других лингвокультурах. *Аннотация 1* в наибольшей степени разработана в методике РКИ, представлена в учебных пособиях.

Несовпадение матриц *аннотации 1* в русской и английской лингвокультуре (отсутствие выходящих данных и факультативного компонента в англоязычном тексте) при сохранении передачи прагматической цели «краткая информация о первичном тексте» позволяет выделить структурно-содержательные лакуны в матрице англоязычной аннотации и учитывать их в лингводидактике.

Аннотация 2 и *Abstract* также не являются полностью идентичными, что показывает их сопоставление на прототипическом уровне. Отсутствие жесткой матрицы, проявляющейся на уровне формулы *AIMRaD*, различные методические приемы даже при идентичности перевода структурных компонентов в русской лингвокультуре свидетельствует о наметившейся тенденции к трансформации русскоязычного жанра *аннотация 2* и всех его структурных компонентов в *Abstract*, который, на наш взгляд, является англоязычным прецедентным жанром.

Условная *аннотация 2* обнаруживает текстовые лакуны только на уровне «глубинных структур» (при проникновении в общий смысл текста благодаря принадлежности представителей разных лингвокультур к одному социуму), а также на уровне самого названия жанра — существуют его различные номинации при сохранении типологии и прагматической установки текста. Заголовок — компонент текста и его сильная позиция — может быть также рассмотрен как текстовая лакуна.

Таким образом, сопоставительный анализ выявил несовпадение в прототипической структуре жанра при сохранении передачи общего смысла текста. Текстовые лакуны раскрывают содержательное наполнение каждого композиционного блока,

его культурную маркированность и могут служить базой для обучения (см. подробнее: [Рогова 2013]). Результаты проведенного анализа могут быть использованы как в преподавании РКИ, так и в преподавании английского языка русскоговорящим студентам, а также для этнометодических описаний, включающих информацию о специфике жанра с позиций современного профессионального общения.

Выводы

Текст, его типология, становится тем культурно детерминированным знаком, который требует особой интерпретации в научной коммуникации в аспекте «язык и культура» с позиции как своей, так и других культур.

Объединение усилий исследователей — представителей разных научных школ, опыт в преподавании иностранных языков дают возможность включить в методический аппарат задания, делающие акцент на такой категории, как «культурная маркированность».

Анализ научного жанра вне страны изучаемого языка, обособленность от интернациональных процессов позволяет выявить «локальные» факультативные компоненты в типологии текста, зависящие от экстралингвистических факторов, что также должно учитываться в методике преподавания иностранного языка и в целом наметить перспективы разработки трехстороннего подхода к анализу научного текста: *изучаемый иностранный язык — родной язык учащегося — язык lingua franca*.

ИСТОЧНИКИ

Котин 2018 — Котин М. Л. *Язык и время*. М.: ЯСК, 2018. 224 с.

Горбова, Чуйкова, Шарыгина 2021 — Горбова Е. В., Чуйкова О. Ю., Шарыгина С. С. Имперфективируемость русских приставочных перфективов: регулярность и специфика. *Вопросы языкознания*. 2021, (4): 91–130.

Hyland 2004 — Hyland K. *Disciplinary Discourses: Social Interactions in Academic Writing*. Michigan: University of Michigan Press, 2004. URL: https://www.press.umich.edu/6719/disciplinary_discourses_michigan_classics_ed (дата обращения: 29.10.2023).

ЛИТЕРАТУРА

Афанасьева, Попова 2015 — Афанасьева Н. А., Попова Т. И. *Палитра стилей: учебное пособие по стилистике русского языка для иностранцев*. 3-е изд. СПб.: Златоуст, 2015. 116 с.

Баженова, Котюрова 2006 — Баженова Е. А., Котюрова М. П. Жанры научной литературы. В сб.: *Стилистический энциклопедический словарь русского языка*. Кожина М. Н. (ред.). М.: Флинта; Наука, 2006. С. 57–67.

Величко, Юдина 2008 — Величко А. В., Юдина Л. П. *Русский язык в текстах о филологии: пособие для иностранных учащихся*. М.: Русский язык. Курсы, 2008. 256 с.

Грекова, Кузьминова 2017 — Грекова О. К., Кузьминова Е. А. *Обсуждаем, пишем диссертацию и автореферат*. 6-е изд., доп. М.: Флинта; Наука, 2017. 293 с.

Гришаева, Мартюхина 2017 — Гришаева Л. И., Мартюхина М. В. Учебное пособие как тип текста: универсальное и культурно специфическое. *Профессиональное лингвообразование: материалы 11-й международной научно-практич. конференции*. Н. Новгород, 2017. С. 117–128.

Демидова 1991 — Демидова А. К. *Научный стиль речи: Оформление научной работы*. М.: Русский язык, 1991. 201 с.

Ерёмина 2016 — Ерёмина В. М. Особенности обучения написанию аннотаций на английском языке. *Ученые записки ЗабГУ*. 2016, 11 (6): 86–92.

Кузьменко 2021 — Кузьменко П. Б. Конвенциональная структура англоязычной научной статьи по лингвистике. *Russian Linguistic Bulletin*. 2021, 2 (26): 93–98.

Матвеева 2003 — Матвеева Т. В. *Русский язык. Культура речи. Стилистика. Риторика. Словарь*. М.: Флинта; Наука, 2003. 431 с.

Рогова 2013 — Рогова К. А. Типы текста как явления глубинного литературно-языкового уровня. В сб.: *Язык, литература, культура: актуальные проблемы изучения и преподавания*: сб. научных и научно-методических статей. Клобукова Л. П., Дунаева Л. А. (ред.). М.: МАКС Пресс, 2013, (9): 6–12.

Рогожкина 2020 — Рогожкина Ю. О. Дискурсивные ошибки в англоязычных аннотациях: анализ и методические рекомендации к их профилактике и устранению. В сб.: *Наука и техника. Мировые исследования: материалы междунар. науч.-практич. конференции*, 13 февраля. Екатеринбург, Саратов: ООО Центр профессионального менеджмента «Академия Бизнеса», 2020. С. 196–200.

Тивьяева, Кузнецова 2020 — Тивьяева И. В., Кузнецова Д. Л. Компаративный анализ структурно-содержательной организации аннотаций к русскоязычным и англоязычным научным статьям. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2020, (3): 139–152.

Цурикова, Кузьменко 2020 — Цурикова Л. В., Кузьменко П. Б. Сопоставление содержательного наполнения англоязычных и русскоязычных статей по лингвистике. *Культура и текст*. 2020, 1 (40): 144–158.

Чернявская 2014 — Чернявская В. Е. Культурная маркированность текста: лингвистика текста в межкультурной проекции. *Филологические науки (Научные доклады высшей школы)*. Чернявская В. Е., Закарян С. С. (ред.) 2014, (2): 10–16.

Adamzik 2018 — Adamzik K. *Fachsprachen. Die Konstruktion von Welten*. Tübingen: Narr Francke Attempto, 2018. 357 p.

Clyne 1984 — Clyne M. Wissenschaftliche Texte Englisch- und Deutschsprachiger: Textstrukturelle Vergleiche. In: *Studium Linguistik*. 1984, (15): 93–97.

Fix 2020 — Fix U. Der Wandel von Denk- und Sprachstilen in der Sprachwissenschaft. Zur Textsorte ‚wissenschaftlicher Aufsatz‘ in der zweiten Hälfte des 20. Jahrhunderts. In: Adamzik K., Petkova-Kessanlis M. (Hrsg.): *Stilwechsel und ihre Funktionen in Textsorten der Fach- und Wissenschaftskommunikation*. Tübingen, 2020. S. 85–109.

Fix 2002 — Fix U. Sind Textsorten kulturspezifisch geprägt? Plädoyer für einen erweiterten Textsortenbegriff. In: *Akten des X. Internationalen Germanistenkongresses Wien 2000 „Zeitenwende — die Germanistik auf dem Weg vom 20. ins 21. Jahrhundert“*. Hrsg. v. Peter Wiesinger. Band 2. Frankfurt am Main, Berlin, Bern, 2002. S. 173–178.

Holenstein 1985 — Holenstein E. *Menschliches Selbstverständnis: Ichbewußtsein, intersubjektive Verantwortung, interkulturelle Verständigung*. Frankfurt: Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1985. 218 s.

Hyland 2000 — Hyland K. *Disciplinary Discourses: Social Interactions in Academic Writing*. London: Longman UK, 2000, XXI. 211 p.

Hyland 2004 — Hyland K. *Disciplinary Discourses. Social Interactions in Academic Writing*. University of Michigan Press, 2004. 232 p. URL: https://www.press.umich.edu/6719/disciplinary_discourses_michigan_classics_ed (дата обращения: 29.10.2023).

Kaplan 1966 — Kaplan R. Cultural Thought Patterns in Inter-Cultural Education. In: *Language Learning*. 1966, (16): 16–20.

Liang 1993 — Liang Y. Zur Fremdheitsproblematik in der interkulturellen Fachkommunikation. In: Wierlacher, Alois (Hg.) *Kulturthema Fremdheit. Leitbegriffe und Problemfelder kulturwissenschaftlicher Fremdheitsforschung*. München, 1993. P. 153–172.

Schröder 1995 — Schröder H. Der Stil wissenschaftlichen Schreibens zwischen Disziplin, Kultur und Paradigma. Methodologische Anmerkungen zur interkulturellen Stilforschung. In: *Stilfragen*. Stickel G. (Hrsg.) Berlin, New York: de Gruyter, 1995. S. 150–180.

Venohr 2020 — Venohr E. Grenzüberschreitende Mehrsprachigkeit im Wissenschaftsdiskurs: Interkulturelle Schreibpraxen und Stilwechsel am Beispiel von Lernertexten französischer Studierender im Deutschen als fremder Wissenschaftssprache (Universität der Großregion/UniGR). In: Adamzik K., Petkova-Kessanlis M. (Hgg.) *Stilwechsel und ihre Funktionen in Textsorten der Fach- und Wissenschaftskommunikation*. Tübingen: Narr (= Europäische Studien zur Textlinguistik), 2020. P. 327–352.

SOURCES

Котин 2018 — Kotin M.L. *Language and time*. Moscow: IaSK Publ., 2018. 224 p.

Горбова, Чуйкова, Шарыгина 2021 — Gorbova E. V., Chuykova O. Iu., Sharygina S. S. Imperfectivability of Russian prefix perfectives: regularity and specificity. *Voprosy iazykoznanii*. 2021, (4): 91–130.

Hyland 2004 — Hyland K. *Disciplinary Discourses: Social Interactions in Academic Writing*. Michigan: University of Michigan

Press, 2004. Available at: https://www.press.umich.edu/6719/disciplinary_discourses_michigan_classics_ed (accessed 29.10.2023).

REFERENCES

Афанасьева, Попова 2015 — Afanas'eva N. A., Popova T. I. *The palette of styles: a manual of Russian stylistics for foreigners*. 3rd ed. St. Petersburg: Zlatoust, 2015. 116 p. (In Russian)

Баженова, Котюрова 2006 — Bazhenova E. A., Kotiurova M. P. The Genres of Academic Literature. In: *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo iazyka*. Kozhina M. N. (red.). Moscow: Flinta; Nauka Publ., 2006. P. 57–67. (In Russian)

Величко, Юдина 2008 — Velichko A. V., Iudina L. P. *Russian Language in Texts about Philology: Textbooks for Foreign Participants*. Moscow: Russkii iazyk. Kursy Publ., 2008. 256 p. (In Russian)

Грекова, Кузьминова 2017 — Grekova O. K., Kuz'minova E. A. *Let's Discuss, Let's Write Dissertations and Abstracts*. 6th ed., Moscow: Flinta; Nauka Publ., 2017. 293 p. (In Russian)

Гришаева, Мартюхина 2017 — Grishaeva L. I., Martiukhina M. V. Textbooks as a Text Type: Universal and Culture-Specific Features of Professional Education through Foreign Language Acquisition. In: *Professional'noe lingvoobrazovanie. Materialy 11 mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Nizhniy Novgorod, 2017. P. 117–128 (In Russian)

Демидова 1991 — Demidova A. K. *The Russian Language Textbook. Academic Language: How to Write an Academic Text: Academic Textbook*. Moscow: Russkii iazyk Publ., 1991. 201 p. (In Russian)

Ерёмина 2016 — Eremina V. M. Some Features of Teaching Writing Abstracts in English. In: *Uchenye zapiski ZabGU*. 2016, 11 (6). P. 86–92. (In Russian)

Кузьменко 2021 — Kuz'menko P. B. The Conventional Structure of an English-Language Research Article. *Russian Linguistic Bulletin*. 2021, 2 (26): 93–98. (In Russian)

Матвеева 2003 — Matveeva T. V. *Russian Language. Standard Speech. Stylistics. Rhetoric. Lexis. Dictionary*. Moscow: Flinta; Nauka Publ., 2003. 431 p. (In Russian)

Рогова 2013 — Rogova K. A. Types of Texts as Phenomena of Deep Literary — linguistic Level. In: *Iazyk, literatura, kul'tura: aktual'nye problemy izucheniia i prepodavaniia: sb. nauchnykh i nauchno-metodicheskikh statei*. Klobukova L. P., Dunaeva L. A. (eds) Moscow: MAKSS Press. 2013, (9). P. 6–12. (In Russian)

Рогожкина 2020 — Rogozhkina Iu. O. Discursive Mistakes in English-Language Abstracts: Analysis and Guidelines for Their Prevention and Elimination. In: *Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakt. konferentsii. Nauka i tekhnika. Mirovye issledovaniia 13 fevralia. Ekaterinburg*. Saratov: OOO Tsentri professional'nogo menedzhmenta «Akademiia Biznesa» Publ., 2020. P. 196–200. (In Russian)

Тивьяева, Кузнецова 2020 — Tiv'iaeva I. V., Kuznetsova D. L. Comparative analysis of abstract content and structure in Russian and English research papers. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki*. 2020, (3): 139–152. (In Russian)

Цурикова, Кузьменко 2020 — Tsurikova L. V., Kuz'menko P. B. A Comparison of Content Organization in Articles Written by

English Native and Non-Native Speakers. In: *Kul'tura i tekst*. 2020, 1 (40): 144–158. (In Russian)

Чернявская 2014 — Cherniavskaia V. E. Culturally Marked Texts: Intercultural Dimensions of the Language of Texts. In: Cherniavskaia V. E., Zakarian S. S. (eds) *Filologicheskie nauki (Nauchnye doklady vysshei shkoly)*. 2014, (2): 10–16. (In Russian)

Adamzik 2018 — Adamzik K. *Fachsprachen. Die Konstruktion von Welten*. Tübingen: Narr Francke Attempto, 2018. 357 p.

Clyne 1984 — Clyne M. Wissenschaftliche Texte Englisch- und Deutschsprachiger: Textstrukturelle Vergleiche. In: *Studium Linguistik*. 1984, (15): 93–97.

Fix 2020 — Fix U. Der Wandel von Denk- und Sprachstilen in der Sprachwissenschaft. Zur Textsorte ‚wissenschaftlicher Aufsatz‘ in der zweiten Hälfte des 20. Jahrhunderts. In: Adamzik K., Petkova-Kessanlis M. (Hrsg.): *Stilwechsel und ihre Funktionen in Textsorten der Fach- und Wissenschaftskommunikation*. Tübingen, 2020. S. 85–109.

Fix 2002 — Fix U. Sind Textsorten kulturspezifisch geprägt? Plädoyer für einen erweiterten Textsortenbegriff. In: *Akten des X. Internationalen Germanistenkongresses Wien 2000 „Zeitenwende — die Germanistik auf dem Weg vom 20. ins 21. Jahrhundert“*. Hrsg. v. Peter Wiesinger. Band 2. Frankfurt am Main, Berlin, Bern, 2002. S. 173–178.

Holstein 1985 — Holstein E. *Menschliches Selbstverständnis: Ichbewußtsein, intersubjektive Verantwortung, interkulturelle Verständigung*. Frankfurt: Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1985. 218 s.

Hyland 2000 — Hyland K. *Disciplinary Discourses: Social Interactions in Academic Writing*. London: Longman UK, 2000, XXI. 211 p.

Hyland 2004 — Hyland K. *Disciplinary Discourses. Social Interactions in Academic Writing*. University of Michigan Press, 2004. 232 p. Available at: https://www.press.umich.edu/6719/disciplinary_discourses_michigan_classics_ed (accessed: 29.10.2023).

Kaplan 1966 — Kaplan R. Cultural Thought Patterns in Inter-Cultural Education. In: *Language Learning*. 1966, (16): 16–20.

Liang 1993 — Liang Y. Zur Fremdheitsproblematik in der interkulturellen Fachkommunikation. In: Wierlacher, Alois (Hg.) *Kulturthema Fremdheit. Leitbegriffe und Problemfelder kulturwissenschaftlicher Fremdheitsforschung*. München, 1993. S. 153–172.

Schröder 1995 — Schröder H. Der Stil wissenschaftlichen Schreibens zwischen Disziplin, Kultur und Paradigma. Methodologische Anmerkungen zur interkulturellen Stilforschung. In: *Stilfragen*. Stickel G. (Hrsg.) Berlin, New York: de Gruyter, 1995. S. 150–180.

Venohr 2020 — Venohr E. Grenzüberschreitende Mehrsprachigkeit im Wissenschaftsdiskurs: Interkulturelle Schreibpraxen und Stilwechsel am Beispiel von Lernertexten französischer Studierender im Deutschen als fremder Wissenschaftssprache (Universität der Großregion/UniGR). In: Adamzik K., Petkova-Kessanlis M. (Hgg.) *Stilwechsel und ihre Funktionen in Textsorten der Fach- und Wissenschaftskommunikation*. Tübingen: Narr (= Europäische Studien zur Textlinguistik), 2020. S. 327–352.

ТВОРЧЕСТВО СОВРЕМЕННЫХ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА ТАДЖИКСКИМ ШКОЛЬНИКАМ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

ZAYNULARAB Z. SAIDOV

CREATIVITY OF MODERN RUSSIAN WRITERS IN TEACHING RUSSIAN LANGUAGE TO TAJIK HIGH
SCHOOL STUDENTS: THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS

**Зайнулараб
Забуриддинович
Саидов**

аспирант

► szaynularab1994@inbox.ru

Российский университет
дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
Российская Федерация,
117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

Zaynularab Z. Saidov

Postgraduate Student

Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba,
6, ul. Miklukho-Maklaia, Moscow,
117198, Russian Federation

В данной статье речь идет об обращении при обучении русскому языку таджикских школьников к творчеству современных русских писателей, которые известны в России и за рубежом. В качестве произведения для анализа был выбран рассказ Е. Г. Водолазкина «Кунсткамера в лицах». В статье дается обоснование методической ценности произведения, проводится лингвистический анализ текста, даны задания и упражнения, которые направлены на улучшение понимания текста, на закрепление использованного грамматического и лексического материала, на развитие коммуникативных умений. Рекомендуются обращение к произведениям других современных русских писателей: Д. Рубиной, З. Прилепина, Л. Улицкой, Л. Петрушевской, С. Мосовой, С. Шаргунова, Т. Толстой. Представляемый материал выбран с учетом состояния русского языка в современном Таджикистане. Использование художественных текстов писателей-классиков русской и советской литературы в таджикской школе имеет давнюю традицию, однако требуется расширение изучаемого материала за счет произведений современных русских писателей. Очевидно, что изучение произведений XXI в. будет способствовать росту интереса таджикских учащихся к русскому языку, а также знакомить их с современной культурой русского народа.

Ключевые слова: современные русские писатели, таджикские школьники, русский язык в заданиях и упражнениях, таджикская и русская лингвокультура.

In this article we are talking about the appeal in teaching the Russian language to the work of modern Russian writers who are known in Russia and abroad, when teaching the Russian language to Tajik high school students. As a work, the analysis of which can serve as an example for work in the lessons of Russian language and literature in a Tajik school, the story of Evgeny G. Vodolazkin "Kunstkamera in faces" was chosen. The article provides a rationale for its methodological value in teaching the Russian language, a linguistic analysis of the text is carried out, accompanied by tasks and exercises that are aimed at understanding the content of the text, at fixing the grammatical and lexical material used in it, and at developing students' communicative skills. On this basis, it is recommended to work with the works of other contemporary Russian writers: Dina Rubina, Zakhar Prilepin. Lyudmila Ulitskaya, Lyudmila Petrushevskaya, Svetlana Mosova, Sergei Shargunov, Tatyana Tolstaya. The specific material presented is chosen taking into account the situation of the Russian language in the Tajik Soviet Socialist Republic and in modern Tajikistan. It is emphasized that the use of literary texts in the Tajik school has a long tradition of referring to the work of classic writers of Russian and Soviet literature, which requires, however, the expansion

of the studied material at the expense of the works of contemporary Russian writers. Obviously, the study of the works of the 21st century will contribute to the interested study of the Russian language by Tajik students, as well as to acquaint them with the modern culture of the Russian people.

Keywords: modern Russian writers, Tajik high school students, Russian language in tasks and exercises.

Актуальность исследования

Актуальность исследования выбранной темы обусловлена тем, что произведения современных русских писателей крайне редко становятся предметом исследования в процессе изучения русского языка в таджикских школах. Обычно упор делается на творчество писателей-классиков. В связи с этим будет целесообразно включить в курс русского языка тексты современных писателей. Ценность произведений современников состоит в том, что в процессе знакомства с ними учащиеся могут воспринимать современный язык, а также те мысли и чувства, которые свойственны современным носителям лингвокультуры. Так, профессор Н. В. Кулибина пишет, что «лексикон русской классики уже существенно отличается от словаря современного русского языка: в нем много историзмов и архаизмов, устаревших стилистических оборотов и т. д. Современный русский читатель при чтении классического произведения нередко встречает слова, значения которых он не в состоянии точно определить. Что же говорить об иностранце!» [Кулибина 2001: 221]. Кроме того, при целенаправленном выборе произведений для изучения можно повысить мотивацию учащихся к освоению русского языка и культуры, поскольку в современных произведениях зачастую описываются реалии бытия, обладающие значимостью в настоящее время.

Новизна исследования

Для анализа выбран текст современного русского писателя Е. Г. Водолазкина — «Кунсткамера в лицах», на основе которого разработаны задания и упражнения для таджикских учащихся. Впервые исследуется творчество автора-современника применительно к изучению русского языка в школе с национальным языком обучения.

Нужно отметить, что произведения современных авторов отражают реалии наших дней, в них

затрагиваются темы и проблемы, которые близки и понятны таджикским учащимся. Учителю русского языка легче вовлечь школьников в обсуждение того или иного текста, события. Рассказы, повести, романы, которые написаны писателями сегодня, характеризуют разные стороны жизни, с которыми подростки сталкиваются в реальной жизни. Произведения часто содержат этнографические и исторические данные, представляют характеры людей разных профессий и устремлений. Знакомство с произведениями современных писателей и поэтов может быть дополнено информацией о них из сети Интернет, в том числе их рассказами и выступлениями.

Цель исследования

Целью исследования является описание возможностей использования отдельного произведения современного русского писателя на уроках русского языка в таджикских школах. Исходя из данной цели нами были поставлены **следующие задачи:**

- кратко охарактеризовать особенности творчества современного русского писателя Е. Г. Водолазкина;
- выбрать произведение, которое может быть рекомендовано для занятий по русскому языку в таджикской аудитории;
- разработать модель (шаги) работы с ним, которая будет решать задачу как смыслового, так и собственно языкового анализа, соответствующего программе обучения русскому языку;
- разработать методические рекомендации по работе с произведениями других современных писателей.

Материал для анализа

Материалом для анализа и разработки модели обучения послужили:

- рассказ Е. Г. Водолазкина «Кунсткамера в лицах»;
- исследования таджикских и русских ученых по работе с художественным текстом; учебники и программа по русскому языку для образовательных учреждений с таджикским языком обучения [Гусейнова 2008] и др.

В процессе написания статьи использованы следующие методы:

- теоретико-описательный, который предполагает обобщение современного состояния научно-методических разработок по проблеме;
- аналитико-синтетический, направленный на анализ существующих практических методических решений в отдельности и объединение их элементов;
- аналитический, предполагающий анализ художественного текста с целью выявления его лингводидактического потенциала.

Обсуждение

В первую очередь необходимо отметить, что изучение русского языка в школах современного Таджикистана имеет относительно короткую историю, поскольку Таджикистан был частью Советского Союза и изучение русского языка в школах было обязательным. После распада СССР, отделения Таджикистана и превращения его в самостоятельное государство русский язык в таджикских школах изучается в рамках курса «Русский язык» и закреплён в Конституции страны как язык межнационального общения. Несмотря на то что преподавание русского языка в Таджикистане постоянно совершенствуется, в стране существует дефицит языковой среды для более эффективного его изучения. Также нужно отметить, что у таджикских учащихся не составлено представление о произведениях современных русских писателей, так как в учебниках по русскому языку отсутствуют их произведения, что и определило выбор темы статьи.

Представляется целесообразным предпринять попытку отбора текстов современных авторов и создания системы заданий и упражнений по русскому языку с целью формирования речевой компетенции таджикских учащихся. «Облегчает работу и тот факт, что произведения современных авторов, как правило, пишутся на современном русском языке, который в свою очередь, усиливает мотивацию чтения» [Кулибина 2015: 129]. Придерживаясь точки зрения методистов в области преподавания русского языка иноязычным учащимся,

считаем уместным обучать русскому языку таджикских учащихся на основе современной литературы, написанной на современном русском языке.

Вопросами использования художественных текстов при работе в иностранной аудитории занимались российские и таджикские ученые (В. Н. Бачерикова, А. Н. Васильева, Н. В. Кулибина, Н. Г. Большакова, К. А. Рогова, Т. В. Гусейнова, М. Б. Нагзибекова, С. Р. Валиджанова и др.).

Профессор Т. В. Гусейнова отмечает, что «только комплексная работа на базе художественного произведения, на котором основан интегрированный урок, позволит продемонстрировать все аспекты взаимодействия языка с текстом» [Гусейнова, 2020: 60].

Необходимо отметить важность отбора произведений. В качестве дидактического материала может использоваться художественный текст, который соответствует определенным критериям. Е. С. Богданова указывает на следующие критерии:

- учет развивающего, образовательного и воспитательного потенциала художественного текста;
- наличие изучаемой темы в тексте (языковой, культурно-исторической и др.);
- стимулирование учащихся к коммуникации посредством текста;
- многослойность текстовой информации (у каждого читателя свое понимание текста. Это способствует дискуссии на занятиях на основе прочитанного);
- соответствие художественного произведения критериям возраста, уровня владения языком;
- целостность текста. Рекомендуется брать произведения небольшого объема или отрывки, обладающий логической завершенностью;
- доступность [Богданова 2021: 312–314].

Еще один момент, который необходимо учитывать в процессе подбора произведений для уроков русского языка в таджикских школах, — это учет особенностей менталитета, а также культурно-религиозной составляющей. Так, неприемлемы произведения, содержащие сцены насилия, откровенные описания отношений между полами, неприличных

сцен, а также неуважительное отношение к любой религии, и в особенности к исламу [Валиджанова 2016]. Соответственно, выбор произведений еще более сужается. Объемные повести и романы в данном случае являются неподходящими, поскольку ученики могут утратить интерес в процессе чтения (см. об этом, например: [Салтыкова 2021]).

Однако, если в том или ином произведении имеются части, которые, с точки зрения преподавателя РКИ и РКН, подходят для изучения, целесообразно кратко ознакомить учащихся с основным содержанием произведения, после чего предложить выбранный преподавателем отрывок [Кудоярова 2010]. Так можно сохранить интерес учащихся и мотивировать их к прочтению всего произведения от начала до конца.

Учитывая все критерии, автор статьи выбрал произведение современного русского писателя Е. Г. Водолазкина, а именно отрывки из рассказа «Кунсткамера в лицах», который входит в сборник писателя «Совсем другое время». Данный художественный текст может быть предназначен для 10 класса национальной школы. Ссылаясь на программу и учебники для 10 класса [Гусейнова 2008; Глазунова, Колесова, Попова 2018], отметим, что выбранные части произведения являются подходящими по объему и уровню владения русским языком для десятиклассников национальной школы.

На основе рассказа был предложен комментарий, носящий историко-культурный характер, и составлены задания для выполнения на уроках русского языка и в качестве самостоятельной работы. Предложенные задания направлены на формирование критического мышления, языковой и коммуникативной компетенции учащихся. Задания носят интегративный характер, что очень важно: само изучение русского языка в средних школах Республики Таджикистан проходит на интегративной основе.

Таджикский исследователь М. М. Товбаева пишет, что занятия по русскому языку на интегративной основе носят комплексный характер: «Учащиеся — носители таджикского языка — овладевают определенной системой лингвистических и литературоведческих знаний, которые

помогают осознать языковые основы образности и выразительности художественных текстов» [Товбаева 2010].

Автор выбранного рассказа Евгений Германович Водолазкин — писатель и литературовед, доктор филологических наук, обладатель Национальной литературной премии «Большая книга» и международной литературной премии «Ясная Поляна», финалист «Русского Букера», автор романов-бестселлеров «Соловьев и Ларионов», «Лавр», «Авиатор», «Брисбен» и др. Написанные им рассказы включены в сборники «Оправдание острова», «Совсем другое время», «Счастье-то какое», «Птичий рынок» и др. В рейтинге лучших русских писателей, опубликованном изданием *Russia Beyond the Headlines*, он занял 25-е место — самое высокое среди ныне живущих авторов.

В выбранном для анализа рассказе идет речь о двух сотрудниках Санкт-Петербургской Кунсткамеры, в настоящее время Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (МАЭ РАН), Юрии Валентиновиче Кнорозове и Лидии Георгиевне Нечаевой. Произведение, с одной стороны, дает возможность ввести культурно-историческую информацию, с другой — представить характеры людей, занимающихся наукой.

Обе эти темы представлены в рассказе достаточно стабильным языковым материалом, овладение которым и составляет суть процесса обучения русскому языку.

Анализ выделенных текстовых компонентов проведен с учетом методических указаний на характер *предтекстовой, притекстовой и послетекстовой* работы: «В процессе работы с художественным текстом на занятиях с иностранными учащимися важнейшую роль приобретает способ прочтения художественного текста, поэтому мы полагаем, что один из методов сделать текст эффективным учебным материалом, позволяющим развивать навык зрелого изучающего чтения, заключается в использовании предтекстовых, послетекстовых и притекстовых упражнений» [Потёмкина 2015: 78].

Предтекстовый этап включает в нашем случае *информацию об авторе* текста, которую может

сообщить преподаватель или ученик, заранее ее подготовивший.

Следующий шаг — *анализ заголовка* текста «Кунсткамера в лицах», который дает самую общую информацию о его содержании. Пояснения требуют оба компонента заголовка.

Кунсткамера — первый музей в России, учрежденный императором Петром I в Санкт-Петербурге (1714). Музей обладает уникальной коллекцией предметов старины, раскрывающих историю и быт многих народов, что позволило на его основе создать Институт антропологии и этнографии.

Антропология — «наука о происхождении и эволюции человека, об образовании человеческих рас и о вариациях физического строения человека» [МАС I: 41].

Этнография — «1. Наука, изучающая состав, происхождение, расселение, культурно-исторические взаимоотношения народов мира, а также их материальную и духовную культуру, особенности быта.

2. Совокупность всех особенностей быта, нравов, культуры какого-либо народа, народности, местности» [МАС IV: 770].

Приведенные определения дают возможность повторить типы предложений, вводящих термины, и уточнить содержание терминов.

«Кунсткамера в лицах» — второй компонент заголовка, указывающий на то, что речь пойдет о лицах (персонажах), которые имеют отношение к этому учреждению.

Указание на время и создателя музея открывает возможности введения экстралингвистической информации, касающейся XVIII в. в истории России и создания новой столицы, глубоко продуманных планов Петра I. Эта информация носит факультативный характер и зависит от интересов учащихся. Можно сообщить о городе, о том, что район города, расположенный на Васильевском острове, отводился по замыслу многих императоров для научных учреждений. И сейчас рядом с Кунсткамерой находятся Зоологический музей, Библиотека Академии наук, Университет, далее на набережной — Академия художеств и первый в России профильный институт — Горный. Возможны использование иллюстративного материала и отработка лексико-грамматических кон-

струкций: *где что находится; когда что построено; когда что открыто* и др.

Далее следует обращение к первому отрывку текста (вводящий, интрадуктивный компонент), он знакомит с двумя сотрудниками института. Здесь работа с текстом переходит на **притекстовый** уровень, вводится информация, которая носит частный характер, имеющий отношение к деятельности данных лиц: *Пришло время рассказать о двух сотрудниках Кунсткамеры — Юрии Валентиновиче Кнорозове и Лидии Георгиевне Нечаевой. <...> Юрий Валентинович расшифровал письменность майя. Ученики Кнорозова считают его гением и, судя по всему, имеют на то основания. Лидия Георгиевна занималась историей народов Кавказа, постоянно ездила на раскопки. <...> и на основании своих находок написала книгу «Происхождение осетин» [Водолазкин 2014: 431].*

Информация-комментарий:

Письменность древних майя — письменные памятники южно-американского народа, исчезнувшего к настоящему времени. Долгое время считалось невозможным их расшифровать, было непонятно, что означал знак этого языка: звук, слог или слово.

Юрий Валентинович Кнорозов — историк и лингвист — сумел расшифровать язык майя. (В ноябре 2022 г. исполняется 100 лет со дня его рождения.) «Кабинетный ученый», он много позже посетил Мексику и познакомился с архитектурными сооружениями, созданными народами майя.

В этой части текста есть свои элементы языка, которые способствуют построению и оформлению номинативных и коммуникативных единиц. Они имеют характеризующее значение, сообщают об исследовательской работе ученого и особенностях языка, который до его открытия был непонятен.

Второй персонаж текста, Лидия Георгиевна Нечаева *изучала историю осетин: Осетия — этнолингвистический регион центрального Кавказа, в настоящее время представлена двумя республиками: Северная Осетия и Южная Осетия.*

Лидия Георгиевна была археологом, постоянно выезжала в Осетию.

Текст дает возможность сравнить характер деятельности ученых и приобрести языковые знания для обозначения явления.

Второй отрывок текста, выбранный для чтения, позволяет познакомиться с такой чертой характера персонажей, как любовь к домашним животным: *Ни в чем, может быть, сходство Юрия Валентиновича и Лидии Георгиевны не проявлялось так ярко, как в отношении к котам. Влечение, которого нельзя не испытывать к этим замечательным созданиям, усиливалось у них определенными трудностями в общении с людьми* [Водолазкин 2014: 437]

При работе с данным отрывком можно проследить за различиями и близостью таджикской и русской культур. Например, в таджикской бытовой культуре можно завести и содержать дома кошек, а собак нельзя. В русских домах принято содержать и кошек, и собак. Схожесть же в том, что голубей держать нетипично в обеих культурах.

Как и предыдущий, отрывок, будучи тематически организованным, содержит языковые средства, характерные для данной темы и важные для закрепления в памяти учащихся для последующего использования в аналогичных условиях.

Этап **послетекстовой работы** направлен «на обеспечение контроля понимания прочитанного аутентичного текста, успешность выполнения смысловой обработки информации» [Гу Ши 2021: 110].

На этом этапе нужно предложить учащимся:

А. Собственно языковые упражнения с использованием материала текста — лексические и грамматические упражнения. Например:

Упражнение 1. Найдите эти слова в тексте, прочитайте предложения с ними. Подберите синонимы к данным словам и словосочетаниям.

Замечательный, скандал, исчезать, чрезмерно, ценный материал.

Упражнение 2. Объясните, какие правила нужно знать, чтобы правильно заполнить пропуски в словах. Вставьте пропущенные буквы: *ак...демический, млек...питающие, пер...грызли, цивил...зация, осн...вания, ст...ловая.*

Вспомните, в каких словосочетаниях используются эти слова. Запишите эти словосочетания.

Упражнение 3. Объясните значение слов и словосочетаний и поставьте слова в скобках в правильную падежную форму: *естественная среда (обитание), увечные (животный), (беспокойный) жильцы, покупала (объедки), опекала (коты).*

Найдите в тексте предложения, где используются эти слова и словосочетания.

Упражнение 4. Перепишите первый абзац второго отрывка текста в настоящем времени.

Б. Упражнения и задания, связанные с лексическим и грамматическим материалом, употребляющимся в тематически ориентированном контексте. Например:

Упражнение 1. Выделите слова и словосочетания, которые передают состояние персонажей текста, называют их поступки.

Упражнение 2. Подберите синонимы и антонимы к следующим словам: *объедки, терроризировать, опекать, приманить, приручить.* Объясните свой выбор.

Упражнение 3. Вместо точек вставьте глаголы: *наполнять, собираться опубликовать статью.*

Коты ... всю его жизнь и помогали в выражении как положительных эмоций (в минуту радости он порой мяукал), так и отрицательных.

Исследователь ... под двумя именами — своим и Асиным.

После выполнения языковых заданий следует обратиться к обсуждению текста.

Первую группу вопросов могут составлять такие, ответы на которые должны свидетельствовать о том, что содержание текста понято правильно.

Вторая группа вопросов должна носить проблемный характер, например: почему коллекция Петра Первого состояла из предметов, представляющих характер и быт других народов; почему язык майя, несмотря на множество попыток его расшифровать, оставался неразгаданным; с какими условиями жизни, чертами характера человека связана его любовь к домашним животным и т. п. Учитывая факт работы со школьниками, нужно указать на важность проявления милосердия к тем, кто слабее (животным, детям, старикам и т. д.), сделать акцент на том, что милосердие и помощь слабым представляют собой один из столпов как русской, так и таджикской культуры.

жикской культуры. Это один из множества сближающих факторов между народами.

Перед старшеклассниками стоит важная проблема — предстоящий выбор профессии. Нужно обратить внимание на то, чем интересна научно-исследовательская работа, какой характер она может носить. В перечень вопросов должны быть включены и вопросы, касающиеся науки и культуры Таджикистана.

В качестве домашнего задания учащимся можно предложить написать изложение по отрывку или эссе на тему «Как помочь слабым?» или сочинение «Мой опыт помощи животным». Несколько лучших эссе или сочинений по желанию учащихся могут быть зачитаны на следующем уроке, причем целесообразно, чтобы преподаватель выделил особенно удачные обороты или описания, подчеркивая, что тщательный подбор эпитетов и иных словесных конструкций оказывает большое влияние на уровень понимания письменного текста. Работа над рассказом Е. Г. Водолазкина «Кунсткамера в лицах» будет способствовать не только формированию коммуникативной компетенции учащихся, но и развитию их мотивации к изучению творчества современных русских писателей.

Проведенный анализ свидетельствует, что рассмотренное произведение с успехом использовалось бы на уроках русского языка в таджикских школах, такого рода произведения или отрывки представляют собой эффективную базу для разработки разнообразных упражнений лексического, грамматического и коммуникативного характера.

Можно использовать произведения и других писателей. Так, С. Мосовой написаны короткие рассказы, которые были бы применимы для анализа на уроках. В первую очередь речь идет о таких рассказах, как «Ангел мой», «Непрощенный», «Четыре пышки» и т. д.

В национальной школе можно анализировать рассказы Л. Улицкой «Человек в горном пейзаже», «Серпантин», «Благословенны те, которые...», рассказ Д. Рубиной под названием «Уроки музыки» и др.

Подходящие рассказы и сказки есть у Л. Петрушевской. Такие ее произведения, как «Две сестры» (отдельные части), «Роза», «Счастливые

кошки» и т. д., будут интересны учащимся старшего возраста. Эти произведения написаны простым языком, предложения грамматически не перегружены и достаточно легко воспринимаются иностранными учащимися, что делает тексты хорошим материалом для обучения.

Произведения З. Прилепина могут быть заданы учащимся как домашнее чтение. Рассказы типа «Какой случится день недели», «Бабушка, осы, арбуз» наполнены современной лексикой, в них множество речевых конструкций и клише, которые активно употребляются носителями русской лингвокультуры. Кроме того, рассказы просты для восприятия учащимися подросткового возраста в силу того, что речь в них идет о том, что волнует практически каждого человека.

Выводы

Подводя итог проведенного исследования, можно сделать ряд выводов относительно использования произведений современных русских писателей в процессе преподавания русского языка таджикским школьникам:

1. Творчество современных русских писателей должно занимать значительную часть уроков русского языка. В силу того, что Россия и Таджикистан соединены крепкими экономическими, политическими, культурными и социальными связями, необходимость преподавания русского языка в таджикских школах не подвергается сомнению.

2. Упражнения и задания, разработанные на основе произведения Е. Г. Водолазкина, доказали свою эффективность при формировании у учащихся необходимых грамматических, лексических и иных языковых навыков, а также социокультурной и страноведческой компетенции, которая является основой для выстраивания целенаправленного и эффективного общения с представителями иной (в данном случае русской) лингвокультуры.

3. Помимо произведений Е. Г. Водолазкина, могут быть также использованы произведения других современных русских писателей, например Д. Рубиной, З. Прилепина, Л. Улицкой, Л. Петрушевской, С. Мосовой, С. Шаргунова, Т. Толстой и др. Короткие рассказы упомянутых писателей

насыщены современной лексикой и речевыми оборотами, которые активно употребляются в русском языке. Кроме того, эти произведения легко воспринимаются учащимися подросткового возраста.

Таким образом, изучение рассказов современных писателей в рамках отмеченных в статье этапов работы — неотъемлемая часть процесса обучения русскому языку иноязычных учащихся с целью развития практически всех видов речевой деятельности.

Разработка теоретических и практических аспектов использования текстов современных русских писателей в процессе преподавания русского языка таджикским школьникам требует дальнейшего развития и совершенствования на основе положений представленного исследования.

ИСТОЧНИКИ

Водолазкин 2014 — Водолазкин Е. Г. Кунсткамера в лицах. В сб.: Е. Г. Водолазкин. *Совсем другое время: роман, повесть, рассказы*, М.: АСТ, 2014. С. 431–440.

Гусейнова 2020 — Гусейнова Т. В. *Художественный текст на интегрированном уроке русского языка в таджикской школе*. Российский государственный профессионально-педагогический университет: официальный сайт. С. 57–65. URL: https://elar.rspu.ru/bitstream/123456789/32278/1/sprz_2020_9_009.pdf (дата обращения: 31.10.2023).

РУДН 2010 — *Лингводидактическая программа по русскому языку как иностранному*. М.: Изд-во РУДН, 2010.

Halva.tj 2020 — *Русский как иностранный: как преподают язык для таджикских школьников*. Halva.tj. 19.10.2020. URL: https://halva.tj/articles/talk/ruskiy_kak_inostranny_kak_prepodayut_yazyk_dlya_tadzhikskikh_shkolnikov/ (дата обращения: 17.08.2021).

СЛОВАРИ

Ожегов, Шведова 2017 — Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. *Толковый словарь русского языка*. 4-е изд., доп. М.: ТЕМП, 2017. 896 с.

МАС 1985 — *Словарь русского языка (МАС): в 4 т.* АН СССР, Ин-т рус. яз. Евгеньева А. П. (ред.). 3-е изд., стереотипное. М.: Русский язык, 1985. Т. I. А — Й. 696 с.

МАС 1988 — *Словарь русского языка (МАС): в 4 т.* АН СССР, Ин-т рус. яз. Евгеньева А. П. (ред.). 3-е изд., стереотипное. М.: Русский язык, 1988. Т. IV. 800 с.

ЛИТЕРАТУРА

Бабаева, Бегматова, Махмудова 2018 — Бабаева Р. Н., Бегматова Р. А., Махмудова М. О. *Русский язык: учебник для 10 классов общеобразовательных учреждений с таджикским языком обучения*. Душанбе: Маориф, 2018. 288 с.

Богданова 2021 — Богданова Е. С. *Система обучения текстовой деятельности на уроках русского языка в старших классах средней школы: интегративный подход*: дис. ... д-ра пед. наук. М., 2021. 518 с.

Болотнова 1992 — Болотнова Н. С. *Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня*. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1992. С. 19–37.

Валиджанова 2016 — Валиджанова С. Р. *Основы интегрированного обучения русскому языку в таджикской школе средствами адаптированного художественного текста коммуникативной и лингвокультурологической ценности*: дис. ... канд. пед. наук. Душанбе, 2016. 179 с.

Верещагин, Костомаров 2015 — Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. *Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного*. М.: Русский язык, 2015. 246 с.

Глазунова, Колесова, Попова 2018 — Глазунова О. И., Колесова Д. В., Попова Т. И. *Программа по русскому языку как иностранному. Уровни А1–С1. Основной курс. Фонетика. Лексика. Грамматика. Аудирование. Чтение. Говорение. Письмо*. 2-е изд., стереотип. М.: Русский язык. Курсы, 2018. 216 с.

Гу Шии 2021 — Гу Шии. *Методический потенциал историко-культурных аутентичных текстов в обучении русскому языку китайских студентов*: дис. ... канд. пед. наук. М., 2021. 217 с.

Гусейнова 2008 — Гусейнова Т. В. *Программа по русскому языку для общеобразовательных учреждений с таджикским языком обучения*. Душанбе, 2008. 124 с.

Кудоярова 2010 — Кудоярова Т. В. Проблемы функционирования и изучения русского языка в постсоветском Таджикистане. *Вестник РУДН*. 2010, (1): 36–44.

Кулибина 2000 — Кулибина Н. В. *Художественный текст в лингводидактическом осмыслении*. М.: ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2000. 303 с.

Кулибина 2001 — Кулибина, Н. В. *Художественный текст в лингводидактическом осмыслении*: дис. ... д-ра пед. наук. М.: ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2001. 328 с.

Кулибина 2015 — Кулибина Н. В. *Зачем, что и как читать на уроке: методич. пособие для преподавателей русского языка как иностранного*. СПб.: Златоуст, 2015. 224 с.

Нагзибекова, Мягкая 2018 — Нагзибекова М. Б., Мягкая Л. В. *Русский язык: учебник для 11 классов общеобразовательных учреждений с таджикским языком обучения*. Душанбе: Маориф, 2018. 288 с.

Потёмкина 2015 — Потёмкина Е. В. *Комментированное чтение художественного текста в иностранной аудитории как метод формирования билингвальной личности*: дис. ... канд. пед. наук. М., 2015. 209 с.

Салтыкова 2021 — Салтыкова К. Ими сложнее манипулировать, чем когда-то нами. Как понять поколение Z. ТАСС. 01.06.2021. URL: https://tass.ru/obschestvo/11492951?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения: 31.08.2022).

Товбаева 2010 — Товбаева М. М. *Научно-методические основы интегрированного обучения русскому языку в таджик-*

ской школе: дис. ... канд. пед. наук. Душанбе, 2010. 170 с.

Усмонов 2011 — Усмонов Р.А. Русский язык в культуре и политике Таджикистана. *Язык. Словесность. Культура*. 2011, (2). С. 8–22.

Шукин 2015 — Шукин А.Н. *Обучение речевому общению на русском языке как иностранном*. 2-е изд., стереотип. М.: Русский язык. Курсы, 2015. 784 с.

SOURCES

Водолазкин 2014 — Vodolazkin E. Faces of the Kunstkamera. In: *A completely different time: novel, story, stories*. Moscow: AST Publ., 2014. P. 431–440. (In Russian)

Гусейнова 2020 — Guseinova T. V. *Literary text in an integrated Russian language lesson in a Tajik school*. Rossiiskii gosudarstvennyi professional'no-pedagogicheskii universitet. Available at: https://elar.rsvpu.ru/bitstream/123456789/32278/1/sprz_2020_9_009.pdf C. 57–65 (accessed: 31.10.2023). (In Russian)

РУДН 2010 — Linguodidactic program in Russian as a foreign language. Moscow: Izdatel'stvo PFUR Publ., 2010. (In Russian)

Halva.tj 2020 — Russian as a foreign language: how the language is taught to Tajik schoolchildren. Halva.tj. 19.10.2020. Available at: https://halva.tj/articles/talk/russkiy_kak_inostranny_kak_prepodayut_yazyk_dlya_tadzhikskikh_shkolnikov/ (accessed: 17.08.2021). (In Russian)

DICTIONARIES

Ожегов, Шведова 2017 — Ozhegov S.I., Shvedova N. Yu. *Explanatory dictionary of the Russian language*. 4th ed., supplemented. Moscow: TEMP Publ., 2017. 896 p. (In Russian)

SAD 1985 — Dictionary of the Russian language (SAD): in 4 vols. USSR Academy of Sciences, Institut russkogo iazyka. Evgen'eva A. P. (ed.). 3rd ed. stereotypical. Moscow: Russkii iazyk Publ., 1985. Vol. I. A — I. 696 p. (In Russian)

SAD 1988 — Dictionary of the Russian language (SAD): in 4 vols. USSR Academy of Sciences, Institut russkogo iazyka. Evgen'eva A. P. (ed.). 3rd ed. stereotypical. Moscow: Russkii iazyk Publ., 1988. Vol. IV. 800 p. (In Russian)

REFERENCES

Бабаева, Бегматова, Махмудова 2018 — Babaeva R.N., Begmatova R. A., Makhmudova M. O. *Russian language. Textbook for 10 classes of educational institutions with the Tajik language of instruction*. Dushanbe, Maorif Publ., 2018. 288 p. (In Russian)

Богданова 2021 — Bogdanova E. S. *The system of teaching textual activity in the lessons of the Russian language in high school: an integrative approach*: Dr. Sci. thesis (Pedagogical Sciences). Moscow, 2021. 518 p. (In Russian)

Болотнова 1992 — Bolotnova N. S. *Literary text in the communicative aspect and complex analysis of units of the lexical level*. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta Publ., 1992. P. 19–37. (In Russian)

Валиджанова 2016 — Validzhonova S. R. *Fundamentals of integrated teaching of the Russian language in the Tajik school by*

means of an adapted literary text of communicative and linguocultural value: PhD thesis (Pedagogical Sciences). Dushanbe, 2016. 179 p. (In Russian)

Верещагин, Костомаров 2015 — Vershchagin E. M., Kostomarov V. G. *Language and culture. Linguistic and regional studies in teaching Russian as a foreign language*. Moscow: Russkii iazyk Publ., 2015. 246 p. (In Russian)

Глазунова, Колесова, Попова 2018 — Glazunov O. I., Kolesov D. V., Popov T. I. *Program in Russian as a foreign language. Levels A1-C1. Main course. Phonetics. Vocabulary. Grammar. Listening. Reading. Speaking. Letter*. 2nd ed., stereotypical. Moscow: Russkii iazyk Publ., 2018. 216 p. (In Russian)

Гу Шии 2021 — Gu Shii. *Methodological potential of historical and cultural authentic texts in teaching Russian to Chinese students*: PhD thesis (Pedagogical Sciences). Moscow, 2021. 217 p. (In Russian)

Гусейнова 2008 — Guseinova T. V. *Russian language program for educational institutions with the Tajik language of instruction*. Dushanbe, 2008. 124 p. (In Russian)

Кудоярова 2010 — Kudoyarova T. V. Problems of functioning and learning of the Russian language in post-Soviet Tajikistan. In: *Vestnik RUDN*. 2010, (1): 36–44. (In Russian)

Кулибина 2000 — Kulibina N. V. *Literary text in linguodidactic comprehension*. Moscow: Izdatel'stvo Instituta russkogo iazyka Publ., 2000. 303 p. (In Russian)

Кулибина 2001 — Kulibina, N. V. *Literary text in linguodidactic comprehension*: Dr. Sci. thesis (Pedagogical Sciences). Moscow: Izdatel'stvo Instituta russkogo iazyka Publ., 2001. 328 p. (In Russian)

Кулибина 2015 — Kulibina N. V. *Why, what and how to read in the lesson*. St. Petersburg: Zlatoust Publ., 2015. 224 p. (In Russian)

Нарзибекова, Мягкая 2018 — Nagzibekova M. B., Miagkaia L. V. *Russian language: Textbook for the 11th grade of educational institutions with the Tajik language of instruction*. Dushanbe, Maorif Publ., 2018. 288 p. (In Russian)

Потёмкина 2015 — Potemkina E. V. *Commented reading of a literary text in a foreign audience as a method of forming a bilingual personality*: PhD thesis (Pedagogical Sciences). Moscow, 2015. 209 p. (In Russian)

Салтыкова 2021 — Saltykova K. They are more difficult to manipulate than we once were. How to understand generation Z. TASS. 01.06.2021. Available at: https://tass.ru/obschestvo/11492951?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (accessed: 31.08.2022). (In Russian)

Товбаева 2010 — Tovbaev M. M. *Scientific and methodological foundations of internal teaching of English in the Tajik school*: PhD thesis (Pedagogical Sciences). Dushanbe, 2010. 170 P. (In Russian)

Усманов 2011 — Usmonov R. A. Russian language in the culture and politics of Tajikistan. *Yazyk. Slovesnost'. Kul'tura*. 2011, (2): 8–22. (In Russian)

Шукин 2015 — Shchukin A. N. *Teaching speech communication in Russian as a foreign language*. 2nd ed., stereotypical. Moscow: Russkii iazyk Publ., 2015. 784 p. (In Russian)

Н. А. Аксарина,
О. В. Трофимова

ОЛИМПИАДА ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК КОГНИТИВНО-КУЛЬТУРНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ (НА МАТЕРИАЛЕ «ГИМНА ЛИРО-ЭПИЧЕСКОГО НА ПРОГНАНИЕ ФРАНЦУЗОВ ИЗ ОТЕЧЕСТВА» Г.Р. ДЕРЖАВИНА)

NATALIA A. AKSARINA, OLGA V. TROFIMOVA
RUSSIAN LANGUAGE OLYMPIAD AS A COGNITIVE AND CULTURAL EXPERIMENT
(ON THE MATERIAL OF THE "LYRO-EPIC HYMN FOR DRIVING THE FRENCH OUT OF THE FATHERLAND" G. R. DERZHAVIN)

**Наталья Александровна
Аксарина**

Кандидат филологических наук, доцент

► n.a.aksarina@utmn.ru

Тюменский государственный университет,
Российская Федерация,
625003, Тюмень, ул. Володарского, 6

Natalia A. Aksarina

PhD in Philology,
Associate Professor

University of Tyumen,
6, ul. Volodarskogo, Tyumen,
625003, Russian Federation

**Ольга Викторовна
Трофимова**

Доктор филологических наук, профессор

► o.v.trofimova@utmn.ru

Тюменский государственный университет,
Российская Федерация,
625003, Тюмень, ул. Володарского, 6

Olga V. Trofimova

Doctor of Philology, Professor

University of Tyumen,
6, ul. Volodarskogo, Tyumen,
625003, Russian Federation

В статье рассматриваются особенности методического подхода к формированию заданий для школьной олимпиады по русскому языку как комплекта взаимодополняющих исследовательских задач. Актуализируются культурно-когнитивная направленность развиваемых компетенций учащихся, текстоцентричность как основа теоретической концепции разработчиков, культурно-историческая значимость текстового материала. Оценивается обучающий и контрольный функционал заданий. На примере анализа комплекта заданий межрегиональной олимпиады школьников «Менделеев», на материале «Гимна лиро-эпического на прогнание французов из отечества» Г.Р.Державина, обосновывается целесообразность формирования всего комплекта на базе единого текста. Системный характер заданий такого рода позволяет участникам олимпиады прийти к целостному осмыслению текста, опирающемуся на его лингвистический анализ, способствует развитию навыков аналитического чтения. Обращение к текстовому материалу прошлых эпох позволяет увидеть языковые факты и явления в динамике, осознать связанную с языком культуру в процессе развития, сформировать ассоциативное мышление, базирующееся на межпредметных связях и энциклопедических фоновых знаниях. Исследовательский характер олимпиады предполагает, во-первых, научное обоснование формулируемых заданий в связи с выявленной разработчиками в процессе анализа художественного текста собственно лингвистической проблематикой (в частности, обнаружены пунктуационные различия в изданиях текста «Гимна...» 1815 г. и 1870 г. и осмыслена семантика разночтений). Во-вторых, участник олимпиады оказывается в ситуации когнитивно-культурного эксперимента, при котором невозможно прямое воспроизведение знаний, сформированных школьной программой, а требуется их интеграция в процессе интерпретации личного опыта языковых размышлений.

Ключевые слова: предметные олимпиады, методика обучения русскому языку, аналитическое чтение, текстоцентрический подход, лингвистический анализ художественного текста, Г.Р.Державин, русская пунктуация.

The article deals with the peculiarities of the methodological approach to the formation of tasks for the school Olympiad in the Russian language as a set of complementary research tasks. The cultural and cognitive orientation of the developed competences of students, text-centeredness as the basis of the theoretical concept of the developers, and the cultural and historical value of the text material are brought up to date. The teaching and controlling func-

tionality of the tasks are evaluated. By the example of the analysis of the set of tasks for the Interregional Olympiad “Mendeleev” on the example of “Lyro-epic Hymn for driving the French out of the Fatherland” by G. R. Derzhavin the expediency of forming the whole set on the basis of a single text is substantiated. The systemic nature of this kind of tasks allows participants of the Olympiad to come to a holistic understanding of the text, based on its linguistic analysis, contributes to the development of analytical reading skills. Appealing to the text material of the past epochs lets see the language facts and phenomena in dynamics, realize the language and culture connected with it in the process of development, develop associative thinking, based on the interdisciplinary links and encyclopedic background knowledge. The research character of the Olympiad presupposes, firstly, a scientific grounding of the tasks formulated by the teachers in connection with the linguistic problems, revealed by them during the analysis of the literary text (in particular, punctuation differences were revealed in the editions of the text of “Hymn...” of 1815, 1870, and the semantics of the differences was comprehended). Secondly, a participant of the Olympiad finds himself in a situation of “cognitive-cultural experiment”, in which it is impossible to directly reproduce the knowledge formed by the school curriculum, but requires their integration in the process of interpreting the pupil’s personal experience of linguistic reflection.

Keywords: subject olympiads, Russian language teaching methodology, analytical reading, text-centered approach, linguistic analysis of the literary text, G. R. Derzhavin, Russian punctuation.

Методические основания концепции олимпиадных заданий

В современных школьных предметных олимпиадах разного уровня на первое место выдвигается обучающий функционал, и только затем — контролирующий: основанные на содержании программы олимпиадные вопросы должны тем не менее позволить школьникам в ходе размышления над ними сформировать особые знания выше школьного уровня.

Обучающая функция, реализуемая пошагово, обуславливает структуру олимпиадных заданий по русскому языку, рассчитанных на то, чтобы в ходе размышления учащийся имел возможность: 1) приобрести новые предметные знания; 2) использовать языковой опыт для лингвистического размышления; 3) актуализировать имеющиеся знания (включая междисциплинарные и полученные непосредственно при решении олимпиадных задач) для решения новой задачи.

Контрольная функция предполагает оценку уровня сформированности у школьников:

1) предметных компетенций; 2) навыков экстраполяции знаний одних разделов дисциплины при решении задач в области других разделов; 3) способности видеть и использовать межпредметные связи при осмыслении лингвистического объекта; 4) навыков логического мышления (метапредметный аспект).

Таким образом, олимпиадные задания по русскому языку должны апеллировать к языковому опыту школьника и носить комплексный характер.

При общности ключевых подходов к содержанию современных школьных предметных олимпиад каждая тем не менее имеет особое «методическое лицо» — структурную и содержательную уникальность, свою постоянно, год за годом, совершенствующуюся концепцию.

Так, в Тюменском государственном университете методический центр по подготовке олимпиадных заданий по русскому языку сформировался благодаря накопленному опыту проведения школьного и муниципального этапов Всероссийской олимпиады школьников [Купчик 2010], олимпиады «Гуманитариус», секции «Филология», в рамках Межрегиональной (в границах Уральского федерального округа) многопрофильной олимпиады «Менделеев», цели которой связаны с развитием у участников — одаренных и углубленно изучающих русскую словесность школьников — интереса к научно-исследовательской деятельности с популяризацией научных знаний, с содействием в профессиональной ориентации [Положение]. Методика разработки олимпиадных заданий с учетом этих целей при совершенствовании лучших методических традиций, сложившихся в вузе [Байдуж, Кудряшова, Смирнова 2002; Аксарина 2014], верялась также во время подготовки и проведения в Тюмени вузовского, регионального и федерального туров Всероссийской студенческой олимпиады по русскому языку, культуре речи и литературе.

Текстоцентрический подход как базовый принцип авторской концепции

В основу концепции предметных олимпиад по русскому языку положен *текстоцентрический подход*: материалом всех заданий служит один

текст либо коммуникативно завершённый фрагмент текста прошлых эпох (тексты в школьную программу не входят). Если же каждое задание базируется на новом текстовом материале, *текстоцентрический* подход и методический потенциал комплексного анализа текста (в том числе отражающего историческое прошлое языка) [Бекасова 2021] не могут быть реализованы в полной мере.

Принцип комплексности при подготовке пакета олимпиадных заданий, обуславливающий возможность применения элементов компетентностного, культуроведческого, когнитивного и других подходов при изучении текста [Жеребило, Шабаетова 2021], предполагает, что ожидаемое от школьника в каждом ответе описание языковых явлений, наблюдаемых в тексте, в итоге составит часть целостного представления о языковых особенностях произведения и эпохи его создания, т. е. *воссоздаст часть образа языка в динамике*.

Ориентированность заданий на текстовую деятельность позволяет участникам олимпиады использовать собственный *речевой, языковедческий, культурный и читательский опыт*. То есть в круг методических задач школьных предметных олимпиад по русскому языку входит *формирование читательской грамотности* [Добротина, Осипова 2021]. Такой подход способствует развитию у учащихся общелингвистической компетенции [Дроздова 2010] и выработке *полифункционального индивидуального лингвистического инструментария*, объединяющего разнообразные формы и типы лингвистической (аналитической, синтетической, когнитивной, комментирующей, реконструктивной и др.) научно-учебной деятельности школьника.

Избираемые для олимпиад произведения имеют большое историко-культурное значение, и внимательное (насколько это возможно в условиях олимпиады!) чтение и изучение даже их фрагментов, с точки зрения авторов статьи, может быть эффективным средством расширения кругозора школьников. Важно, что опыт такого чтения способствует становлению *когнитивных навыков и умений*, позволяющих реципиенту использовать не только исторический, но и современный текст и как предмет, и как инструмент познания.

Таким образом, участники олимпиады погружаются в подготовленный для них своеобразный когнитивно-культурный эксперимент, направленный *на получение нового знания*. Однако первыми входят в ситуацию эксперимента и формируют ее разработчики заданий.

Текстовый материал

Как правило, выбор текста¹ связан с важными для России датами и именами.

В 2017 г. в качестве исследовательского материала школьникам 9–11-х классов были предложены фрагменты «Гимна лиро-эпического на прогнание французов из отечества» Г. Р. Державина. На этом текстовом фрагменте было сформулировано 11 заданий².

Обратим внимание на пунктуационное оформление текста «Гимна...» в разных изданиях³. Школьникам предложен вариант с финальным восклицательным знаком, оформляющим развернутое риторическое обращение на первые четыре строки в строфе. Такой вариант есть и в академическом издании «Сочинений Державина» с объяснительными примечаниями Я. Грота⁴ (рис. 1), и в издании из «Школьной библиотеки», и практически во всех доступных в интернете публикациях.

Однако в издании 1815 г.⁵ наблюдается иной пунктуационный вариант, свидетельствующий, по представлению авторов, об иных семантико-грамматических отношениях в тексте и, как следует из модели ответа на задание 9 (на нем остановимся далее), более корректный в объеме текстового фрагмента, — а именно вариант с двоеточием (рис. 2) в структуре сложной синтаксической конструкции (при этом функцию обращения

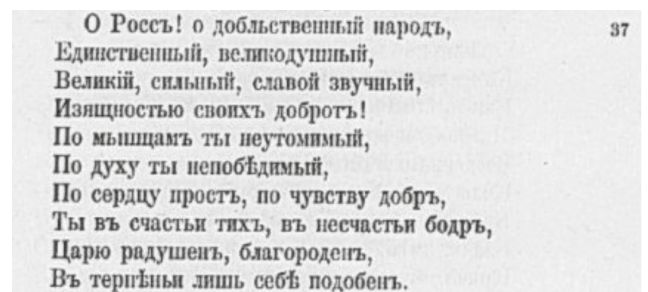

Рис. 1. Вариант с финальным восклицательным знаком после обращения (1870)

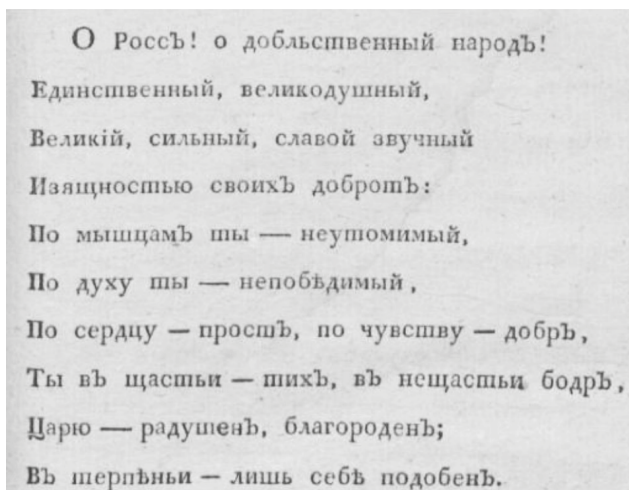

Рис. 2. Вариант с двоеточием (1815)

выполняет лишь первая строка с единственным определением к существительному НАРОД — *доблѣственный*).

Другие пунктуационные различия (первым указываем вариант 1815 г., вторым — 1870 г.) связаны со строками:

- (1) восклицательный знак в конце строки / запятая;
- (3) отсутствие знака в конце строки / запятая;
- (5, 6, 8) три тире между подлежащим *ты* и именным сказуемым / нет знака;
- (7) тире в неполном варианте предыдущей синтаксической модели (синтаксический параллелизм) / нет знака;
- (9) тире после актуализированного объектного детерминанта / нет знака; точка с запятой в конце строки / запятая;
- (10) тире после актуализированного обстоятельственного (с семантикой состояния) детерминанта / нет знака.

Представляется, что отсутствие запятой в конце третьей строки в издании 1815 г. действительно может быть досадной опечаткой, затеняющей смысл текста и грамматическую однородность словоформ *славой* и *изящностью*, которые зависят от прилагательного *звучный* ('звонкий, громкий') [СЦСиРЯ 1847, кн. 2: 79]. Однако в остальных случаях ситуация иная. Если тире во всех строках, кроме последней, можно расценить

как знак факультативный авторской экспрессии, то в последней строке тире играет смыслообразительную роль, подчеркивая ограничительную функцию частицы *лишь*, которая может актуализировать исключительность либо *терпенья* (в сопоставлении со всеми перечисленными выше качествами Расса), ср.: в *терпеньи* *лишь себе подобен* (следовательно, в остальных качествах — похож на других, а это противоречит утверждению во второй строке — *единственный*), либо *самого* Расса, ср.: в *терпеньи* — *лишь себе подобен*, что подчеркивает уникальное долготерпение Россов как национальное свойство. При таком восприятии смысла, следовательно, в конце девятой строки необходим знак точки с запятой, отделяющей перечисленные «типологические» признаки всех народов («параметры»: мышцы, дух, сердце и т. д.) от неповторимого свойства Россов. (Отметим еще раз, что это «попутные» сведения, актуализирующие необходимость именно скрупулезной подготовительной деятельности разработчиков олимпиадных заданий.)

Примеры заданий и моделей ответов-рассуждений

Анализ словообразовательной модели

Остановимся на отдельных заданиях, работающих именно в *текстоориентированном* аспекте. Задание 1 имеет следующую формулировку:

В русском языке до начала XIX века на одной ступени словообразовательной цепи с двумя из подчеркнутых в тексте прилагательных могли находиться глаголы, которые образовывались от той же производящей базы (от тех же слов), что и прилагательные. Назовите эти прилагательные, слова, от которых они образованы (их производящие базы), и глаголы, которые могли образовываться от этих же слов (баз). (*В тексте подчеркнуты прилагательные *тайнственный*, *доблѣственный* и *единственный*).*

Модель предполагаемого ответа-рассуждения. Это прилагательные *доблѣственный* и *единственный*, образованные от существительных *доблѣство* и *единство*. От этих же существительных могли быть образованы и глаголы:

- 1) *добльство* → *добльств-енн-ый*
добльство → *добльств-ова-ть*
- 2) *единство* → *единств-енн-ый*
единство → *единств-ова-ть*

Задание 1 предполагает выявление общей для анализируемых единиц словообразовательной модели, с опорой на которую следует определить модель семантизации и восстановить внутреннюю форму как сохранившихся в современном языке, так и утраченных слов, то есть сделать определенный шаг к пониманию внутренней логики языка. Примечательно, что нередко школьники рассматривают такие задания исключительно как структурно-словообразовательные, не принимая во внимание модель деривационной семантизации единицы. Поэтому особую трудность в решении заданий подобного рода представляет необходимость следовать именно модели, а не знакомым современным дериватам. В нашем случае участники олимпиады испытывали трудности в экстраполяции знакомой модели *единственный* ← *единство* на незнакомую пару *добльственный* ← *добльство*: предлагали ответ, опираясь на представления исключительно о современной лексической единице (*добльственный* → *доблесть*), тогда как требовалось восстановить утраченное слово. Еще бóльшей трудностью оказался поиск модели образования утраченных глаголов *добльствовать* и *единствовать*, несмотря на наличие двух возможных направлений поиска — структурно (присоединив глагольный суффикс к производящей основе) и по аналогии (например, *господство* → *господствовать*, *юродство* → *юродствовать* и др.).

Формат олимпиады предполагает постолимпиадные обсуждения ее итогов, во время которых разработчики заданий имеют возможность познакомить школьников с результатами подготовительной работы, имеющей часто собственно научную ценность. В частности, в ходе разработки задания 1 было проанализировано шесть исторических словарей; их материалы позволяют воссоздать историю двух словообразовательных гнезд, предложенных для частичного восстановления участникам олимпиады, а также сведения о частотности слов из основного подкорпуса Нацио-

нального корпуса русского языка. Так, в процессе разработки заданий олимпиады в истории русского языка были обнаружены и классифицированы 35 производных слов с корнем *ДОБЛ'* и 10 с корнем *ЕДИН-* — абстрактных и конкретных существительных, прилагательных, наречий и глаголов.

Возвращаясь к характеристике олимпиадного пакета, отметим, что целесообразно начинать олимпиаду подобного типа именно с таких заданий, сразу ориентирующих участников на то, что они имеют дело с явлением иного языка и иной лингвистической культуры, и нацеливать их на осознанное (аналитическое) чтение. Как показывает опыт, часто неудачи в решении задач, особенно комплексных, связаны с поверхностным прочтением и формулировки, и материала задания. Нередко школьники пытаются осмысливать факты исторического текста так же, как современного, ошибочно распространяя значение и свойства единицы современного языка на единицу языка эпохи создания текста и при этом расценивая задание как «слишком легкое». Чаше всего подобные ошибки допускаются при выполнении синтаксических заданий, особенно на материале исторического поэтического текста, изобилующего инверсией, затрудняющей выявление главной и зависимой словоформ.

Лексико-грамматическая обусловленность связного текста

В каждом комплекте олимпиадных заданий обязательно есть хотя бы одно с вопросами, ответы на которые являются звеньями одной цепочки рассуждений. Так, в рассматриваемом комплекте первая часть (А) задания 3 требует найти подлежащие в следующем фрагменте и грамматически обосновать свой выбор:

- (1) *Как Запад с Севером сражался,*
- (2) *И гром о громах ударялся,*
- (3) *И молнии с молниями секлись,*
- (4) *И небо и земля тряслись*
- (5) *На Бородинском поле страшином,*
- (6) *На Малоярославском, Красном.*

Вторая часть задания (Б) сформулирована так:

Сравните приведенные словарные толкования значений глаголов. Обоснуйте выявленную Вами лингвистическую ситуацию в проекции на содержание текста.

Для справок: Значения глаголов по словарю СЦСиРЯ (1847):

Сражаться — 1. Биться с кем-либо. 2. Церк. Ударяться друг о друга. 3. Противиться, противоборствовать [СЦСиРЯ, т. 4, с. 210].

Ударяться — 1. Биться, приражаться. 2. Стремительно убегать, уходить. 3. Вдаваться во что-либо [СЦСиРЯ, т. 4, с. 325].

Съчься — 1. Рубить друг друга мечами; биться. 2. Съчь самого себя; бичеваться. 3. Отдѣляться, разщепившись с конца. 4. Рваться по нитям основы или утка. 5. Церк. Раздѣляться [СЦСиРЯ, т. 4, 265].

Трястися — 1. Приходить въ дрожаніе. 2. Трепетать отъ страха [СЦСиРЯ, т. 4, с. 303].

Грамматическое обоснование — обязательная составляющая ответа, поскольку материал, в которой мере провокационный, допускает варианты в определении подлежащего.

Первая, вторая и четвертая строки дискуссии не вызывают, а вот в строке (3) глагол-сказуемое *секлись* грамматически зависит от подлежащего с семантикой множественного субъекта: *молнии* или *молнии с молниями*⁶. Глагол *сечься* в основном значении (уже подразумевающим по крайней мере двух субъектов, каждый из которых выступает и как активный деятель, и как объект чужого действия: 'рубить друг друга мечами', тем более что субъект и объект одноименны) обозначает обоюдное действие, следовательно, в качестве подлежащего может быть выделено и сочетание *молнии с молниями* (как аналог сочинительного, обращаем внимание на контактную позицию словоформ в Им. и Тв. падежах), и одно существительное *молнии*. В этом случае форма *с молниями* может рассматриваться как препозитивная, грамматически зависящая от глагола: *молнии секлись с молниями*. Такое прочтение возможно и в силу синтаксического параллелизма с приведенными ранее строками.

В ходе решения второй части задания 3 участники олимпиады должны были прийти к выводу

о том, что значения четырех глаголов частично пересекаются и что в тексте они функционируют как синонимы, образуя два ряда, в которых нагнетаются близкие признаки: создается общая картина сотрясающей и грозящей разрушить (один ряд) все мироздание битвы равных противников (второй ряд). С учетом того, что общеупотребительные («мирские») значения оказываются синонимичны некоторым церковнославянским, в анализируемых строках война России с Наполеоном аллегорически предстает как определяющая судьбу Вселенной битва божественных сил с силами ада. Важно, что второе значение глагола *трястися* ('трепетать от страха') соотносится с дальнейшим контекстом: на *Бородинском поле страшном* — и т.д. Таким образом, предполагалось, что школьники сумеют сделать вывод о каламбурном употреблении глаголов в анализируемых строках.

В задании 3 специфическим «провокатором» стала потенциальная фиксация внимания участников на готовых словарных формулировках, то есть на слове, в то время как требовалось осмыслить *лингвокультурную роль* слова в тексте: выявить близость церковнославянских и «мирских» значений, объяснить аллегорию.

Лексико-семантические «провокаторы» в тексте

Особое значение для развития лингвокогнитивных навыков школьников имеет наличие в анализируемом тексте *лексико-семантических «провокаторов»* — слов и оборотов, отличающихся от современного употребления составом и вариантами значений, а иногда и семантической валентностью. Анализ работы школьников с подобным лексическим, лексико-словообразовательным и фразеологическим материалом показывает, что они слабо владеют навыками контекстной и деривационной семантизации и, следовательно, навыками интерпретации внутренней формы слова. Участники олимпиады, сумевшие хотя бы отчасти в ходе выполнения задания восстановить внутреннюю форму слова и освоить механизм ее поиска, оценивают этот новый для себя навык как важный и функциональный инструмент познания лингвистической культуры ушедшей эпохи.

Рассмотрим такого рода «провокаторы» на материале заданий 4 и 9.

Формулировке задания 4 предшествует следующая информация от разработчиков:

Ни в Словаре Академии Российской (СПб., 1794), ни в Словаре церковнославянского и русского языка, составленном Вторым Отделением Императорской Академии Наук (СПб., 1847) не дается толкования глаголу ТЕМНИТЬ, хотя приведено много однокоренных слов (в том числе ТЕМНѢТЬ), образованных от существительного ТМА со значением:

«ТМА, тмы, с. ж. 1. Мракъ, темнота; отсутствіе свѣта. 2. Въ преносномъ и нравственномъ смыслѣ именуется иногда состояніе противоположенное состоянію благодатному или просвѣщенію» [САР 1794, т. 6, с. 141].

«ТМА, ы, с. ж. 1. Отсутствіе свѣта, темнота, мракъ. 2. Церк. и Стар. Десять тысячъ. 3. Неопредѣленное множество. Тма кромъшная. Церк. Мѣсто, лишенное свѣта; преисподняя» [СЦСиРЯ 1847, т. 4, с. 282–283].

Однако в Словаре живого великорусского языка В. И. Даля глагол ТЕМНИТЬ уже описывается в словарной статье существительного ТЕМЬ. В материалах Национального корпуса русского языка в текстах с начала XVIII века по 2015 год зафиксировано 4 230 вхождений различных глагольных форм для инфинитива ТЕМНЕТЬ и 341 — для инфинитива ТЕМНИТЬ⁷. Прокомментируйте значение и употребление глагольной формы ТЕМНИЛИ в поэтическом тексте Г. Р. Державина.

Модель ответа-рассуждения. Из анализа данных словарей и НКРЯ следует, что во время создания «Гимна...» глагол ТЕМНИТЬ (в прямом значении ‘делать что-либо темным, затемнять’) еще не входил в узуальное употребление. Следовательно, у Державина этот глагол является потенциальным словом, не закрепленным традицией его использования, созданным в конкретных контекстных условиях по образцу существующих в языке слов, а именно акционального переходного глагола с двумя объектными существительными: темнить — что (свод лазурный) — чем (пылью), ср.: «Там всадники, как вихри бурны, / Темнили пылью свод лазурный».

Задание 9:

Определите, в каком значении употребляет Г. Р. Державин слово «изящность» (в строке «Изящ-

ностью своих доброт»). Приведите этимологически родственное ему слово из современного русского языка.

Справка: В «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского отмечены словосочетания «изящное мужество», «изящен воин». В древнерусском языке слова с этим корнем принадлежали к высокому книжному стилю.

Ожидался примерно такой ответ. Сочетание *изящностью своих доброт* (ср.: *доброта* ‘1. Цѣнность, достоинство вещей. 2. Церк. Красота, статность, взрачность’; *доброта* ‘свойство доброй души’ [СЦСиРЯ 1847, т. 1: 331]) в структуре строфы занимает центральную позицию в списке ценностных качеств Россов, как внешних примет (начало списка), так и внутренних добродетелей, перечисляемых далее (и потому двоеточие, о котором упоминалось выше, при указании пунктуационных «разночтений» изданий 1815 и 1870 гг. представляется корректным знаком). Слово *изящность* — эквивалент современного *изящество* (ср.: ‘тонкое и строгое соответствие, соразмерность во всем, отвечающие требованиям художественного вкуса’ [МАС 1985, т. 1: 658]). Это значение в державинском контексте может считаться актуальным для передачи идеи гармоничности, уравновешенности (в картине мира Г. Р. Державина) внешних признаков и внутренних черт Россов. Значение обусловлено контекстом и, вероятно, должно быть мотивировано этимологической семантикой слова.

Вся последняя строфа фрагмента — градационный ряд, в котором нагнетаются позитивные характеристики русского народа, и *терпенье* (занимающее сильную позицию в конце ряда) представляется высшей добродетелью. Существительное *изящность/изящество* мотивировано прилагательным *изящный* (‘лучший’ [Срезневский 1893, т. 1, стлб. 1086]; ‘ловкий; знатный’, коррелирует с ‘избранный’ [Фасмер 1986, т. 2: 124]), которое, в свою очередь, восходит к глаголу *изъять*, возводимому к глаголу *яти* — *избирать* [Преображенский 2010, т. 1: 267]. Следовательно, изначальное значение прилагательного *изящный* соответствует контексту Державина: сочетание *изящность до-*

брот следует понимать как избранность, уникальность, превосходство ценностей/добродетелей, которые и перечисляются далее в структуре многочлена с синтаксическим параллелизмом (что само по себе может быть признаком риторического начала в тексте).

Заключение

В основе представленных разработанных олимпиадных заданий лежат предметные знания, формируемые школьной программой. При этом предметное знание служит лишь основой для мышления, направленного «на развитие исследовательских компетенций и формирование научного типа мышления» [Пригорьев, Добротина, Осипова 2020: 34]. «Провокационный» характер заданий и обращение к трудным текстам иных эпох создают интеллектуальную интригу и способствуют повышению внутренней мотивации участника олимпиады. Так как школьные олимпиады нацелены на выявление и поддержку увлеченных языкознанием учеников, важно дать им возможность увидеть язык с принципиально иного ракурса, близкого к тому, с которого смотрит ученый-языковед [Володина 2016: 75].

Авторы убеждены, что представленный подход к школьным олимпиадам по русскому языку отвечает этим требованиям, так как предполагает решение не только образовательных, но и просветительских задач, направлен на расширение лингвокультурного кругозора школьников. Познание русского языка через исторический текст — путь не только к получению новых знаний о языке в прошлом, но и к осмыслению запечатленных текстом ценностей, при этом не столько ценностей ушедшей эпохи, сколько — в проекции на современность — вечных ценностей, и национальных, и общегуманитарных.

произношении буквы Г в русском языке»), Д. И. Менделеева («Заветные мысли»), А. П. Сумарокова («Эпистола о русском языке»), И. И. Хемницера (басня «Лестница»), М. М. Хераскова (песня XII эпической поэмы «Россиада»).

² В ходе олимпиады ответы были получены суммарно, по всем заданиям от 30 участников второго (очного) тура, что может свидетельствовать о валидности заданий, но выполнить все задания получилось только у немногих школьников, при этом полных ответов на все задания ни в одной из работ члены жюри не обнаружили.

³ В частности, проблема пунктуационных «разночтений» в публикациях текстов Державина исследовалась в докладе А. А. Лебедева «Особенности пунктуационного оформления лирических произведений Г. Р. Державина», прочитанном 29.11.2021 г. на Международной конференции «Литературная культура России XVIII века», организованной ИЛИ РАН и семинаром «Русский XVIII век» СПбГУ. (Отметим, что пунктуация «Гимна...» автором доклада не рассматривалась.)

⁴ Державин. Сочинения: в 7 т. / с объясн., прим. и предисл. Я. Грота. Стихотворения. Державин Гаврила Романович. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003861487?page=66&rotate=0&theme=white (дата обращения: 31.10.2023).

⁵ Державин Г. Р. Гимн лиро-эпический, на прогнание французов из Отечества 1812 года. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_002987365?page=2&rotate=0&theme=white (дата обращения: 31.10.2023).

⁶ Выбор ответа в данном задании мог предопределить и решение задания 2, ориентированного на анализ грамматики текстового фрагмента: «Выпишите из текста все словоформы, построенные по модели С + сущ. в Тв. п.; укажите, какими членами предложения они являются [ответ: дополнением: с Севером; частью подлежащего: с молниями, с штыком, с роем пуль, с ядром, с бомбой (или дополнением: с молниями, с штыком, с роем пуль, с ядром, с бомбой); обстоятельством: с злобой; частью несогласованного определения: с косой]».

⁷ Ср. данные на 02.12.2022: *темнеть* — 5648 примеров (1745–2019), *темнеть* — 426 примеров (1795–2019). Судя по примерам из НКРЯ, единичные употребления глагола *темнеть* зафиксированы на границе XVIII–XIX вв., однако скорее с актуализацией значения «естественных» обстоятельств, способствующих интенсификации исходного состояния, см.: «Может быть, зоны погрузились в вечность, и несколько раз сиял день в умах людей, и несколько раз *ночь темнила* души, прежде нежели воссиял Египет, с которого начинается полная история» (Н. М. Карамзин. Мелодор к Филарету. 1795); «Под аркадами, или под навесами, ходить покойно; но они *темнят город*, и без того уже довольно *мрачный*» (А. И. Тургенев. Хроника русского. 1825–1826). У Державина же описывается ситуация вмешательства в мирную жизнь чуждых всадников, предвестников Смерти, закрывающих — в горизонтальной человеческой жизни — для человека естественную лазурность небесного свода.

¹ В разные годы олимпиады были посвящены творчеству преимущественно писателей XVIII — начала XIX в.: В. И. Даля (сказка «Война грибов с ягодами»), И. А. Гончарова («Фрегат “Паллада”»), М. Н. Загоскина («Юрий Милославский»), Н. М. Карамзина (фрагменты т. I и V «Истории государства Российского»), И. И. Лажечникова («Ледяной дом», «Басурман»), М. В. Ломоносова («Петр Великий», «О сомнительном

ИСТОЧНИКИ

МАС 1985, 1 — *Словарь русского языка*: [в 4 т.]. Т. 1: А — Й. Евгеньева А. П. (ред.) 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1985. 696 с.

Срезневский 1893 — Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам. Труды И. И. Срезневского. Издание Отдѣленія русского языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Томъ первый. А — К. СПб.: Тип. Императорской Академіи Наукъ. 1893. И. И. Срезневский. *Материалы для Словаря древнерусского языка, 1893. Т. 1. EBook 2006*. URL: <http://www.ra-s-ved.ru/DATA/sreznevskyslovar1.pdf?ysclid=lb7ivcyisf654989816> (дата обращения: 31.10.2023).

НКРЯ — *Национальный корпус русского языка*, 2003–2022. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 31.10.2023).

Преображенский 2010 — Преображенский А. Г. *Этимологический словарь русского языка*: А — О. 2-е изд. Т. 1. М.: ЛКИ, 2010. 720 с.

Положение — *Положение о межрегиональной многопрофильной олимпиаде школьников «Менделеев»*. URL: <https://olimpiada.ru/activity/5272> (дата обращения: 08.12.2022).

САР — *Словарь Академии Российской*: [в 6 т.]. Т. 1–6. Изд-во Императорской Академии наук. СПб., 1789–1794. [Словарь Академии Российской — Алфавитный каталог — Электронная библиотека Руниверс]. URL: <https://runivers.ru/lib/book3173/?ysclid=l8y2nx5q1c857839320> (дата обращения: 31.10.2023).

СЦСиРЯ 1847 — *Словарь церковнославянского и русского языка* / сост. Вторым отд. Императ. Академии Наук. Репр. изд.: [в 2 кн.]. Кн. 1–2. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. Кн. I. 928 с.; Кн. II. 1092 с.

СЦСиРЯ 1847 1 — *Словарь церковно-славянского и русского языка* / сост. Вторым отд. Императ. Академии Наукъ: [в 4 т.]. Т. I: А — Ж. СПб.: Въ тип. Императ. Академіи Наукъ, 1847. 416 с.

СЦСиРЯ 1847 4 — *Словарь церковно-славянского и русского языка* / сост. Вторым отд. Императ. Академии Наукъ: [в 4 т.]. Т. IV: Н — В. СПб.: Въ тип. Императ. Академіи Наукъ, 1847. 589 с.

Фасмер 1986 — Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. В 4 т. Т. 2 (Е — Муж) / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1986. 672 с.

ЛИТЕРАТУРА

Аксарина 2014 — Аксарина Н. А. Из опыта методического обеспечения предметных олимпиад по русскому языку и культуре речи. В сб.: *Социокультурное пространство России и зарубежья: общество, образование, язык*. Вып. 3. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2014. С. 5–14.

Байдуж, Кудряшова, Смирнова 2002 — Байдуж Л. М., Кудряшова Л. А., Смирнова И. Р. Из опыта проведения городской олимпиады школьников по русскому языку (1996–1999 гг., г. Тюмень). В сб.: *Текст и текстовые категории: аспекты филологического исследования: Межвузовский сборник научных трудов*. Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2002. С. 196–216.

Бекасова 2021 — Бекасова Е. Н. О работе с древнерусскими текстами в рамках олимпиадных заданий по русскому языку. *Мир науки, культуры, образования*. 2021, 5 (90): 63–65.

Володина 2016 — Володина Е. Н. *Языковое развитие личности в условиях модернизации системы общего образования: теория и практика*. М.: Флинта; Наука, 2016. 248 с.

Григорьев, Добротина, Осипова 2020 — Григорьев А. В., Добротина И. Н., Осипова И. В. Об итогах регионального и заключительного этапов Всероссийской олимпиады школьников по русскому языку в 2019 году. *Русский язык в школе*. 2020, 81 (1): 30–35.

Добротина, Осипова 2021 — Добротина И. Н., Осипова И. В. О заданиях Всероссийской олимпиады школьников по русскому языку: отбор содержания и требования к умениям. *Русский язык в школе*. 2021, 82 (6): 16–21.

Дроздова 2010 — Дроздова О. Е. Общелингвистическая компетенция в школьном образовательном процессе. В сб.: *Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический факультет, 20–23 марта 2010 г.): Труды и материалы*. М.: Изд-во Московского ун-та, 2010. С. 796–797.

Жеребило, Шабаева 2021 — Жеребило Т. В., Шабаева Т. З. Модель комплексного анализа художественного текста на уроках русского языка в средней школе. В сб.: *Лингвистическое моделирование в теории коммуникации: Материалы Всероссийской научной онлайн-конференции с международным участием, Грозный, 15–17 января 2021 года*. Грозный: Чеченский государственный педагогический университет, 2021. С. 222–254.

Купчик 2010 — Купчик Е. В. Послесловие к областной олимпиаде по русскому языку. В сб.: *«Дар веков сберечь...»: русский язык на страницах парламентской газеты*. Вып. 2. Тюмень: Мандр и К^а, 2010. С. 42–44.

SOURCES

МАС 1985 1 — *Russian Dictionary*: [in 4 vols]. Vol. 1: A–I. Evgen'eva A. P. (ed.). 3rd ed. Moscow: Russkii iazyk Publ., 1985. 696 p. (In Russian)

Срезневский 1893 — Materials for the Dictionary of Old Russian by Written Monuments. The work of I. I. Sreznevsky. Published by the Russian Language and Literature Department of the Imperial Academy of Sciences. Vol. 1. A — K. St Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences Publ., 1893. In: I. I. Sreznevsky. *Materials for the Dictionary of the Old Russian Language*. 1893. Vol. 1. EBook Publ., 2006. Available at: <http://www.ra-s-ved.ru/DATA/sreznevskyslovar1.pdf?ysclid=lb7ivcyisf654989816> (accessed: 31.10.2023). (In Russian)

НКРЯ — *The National Corpus of the Russian Language*, 2003–2022. Available at: <https://ruscorpora.ru> (accessed: 31.10.2023). (In Russian)

Преображенский 2010 — Preobrazhenskii A. G. *Etymological Dictionary of the Russian Language*: A — O. 2nd ed. Vol. 1. Moscow: LKI Publ., 2010. 720 p. (In Russian)

Положение — *Regulations on Interregional Multidisciplinary Olympiad “Mendeleev” for schoolchildren*. Available at: <https://olympiada.ru/activity/5272> (accessed: 12.08.2022). (In Russian)

САР — Dictionary of the Academy of Russian: [in 6 vols]. Vol. 1–6. In: Ed. of the Imperial Academy of Sciences Publ. St. Petersburg, 1789–1794. [*Dictionary of the Russian Academy of Sciences — Alphabetical Catalogue — The Russian Universe Electronic Library*]. Available at: <https://runivers.ru/lib/book3173/?ysclid=l8y2nx5q1c857839320> (accessed: 31.10.2023). (In Russian)

СЦСиРЯ 1847 — *Dictionary of Church Slavonic and Russian*. Second Department of the Imperial Academy of Sciences. Academy of Sciences. Rev. ed.: [in 4 books]. Book. 1–2. St Petersburg: St. Petersburg University Press, 2001. Book. I. 928 p.; Book. II. 1092 p. (In Russian)

СЦСиРЯ 1847 1 — *Dictionary of Church Slavonic and Russian Language*. Second Department of the Imperial Academy of Sciences. Academy of Sciences: [in 4 vols]. Vol. I: A — ZH. St Petersburg: At the printing house of the Imperial Academy of Sciences Publ., 1847. 416 p. (In Russian)

СЦСиРЯ 1847 4 — *Dictionary of Church Slavonic and Russian Language*. Second Department of the Imperial Academy of Sciences. Academy of Sciences: [in 4 vols]. Vol. IV: H — V. St Petersburg: At the printing house of the Imperial Academy of Sciences Publ., 1847. 589 p. (In Russian)

Фасмер 1986 1 — Fasmer M. *Etymological Dictionary of the Russian Language*. In 4 vols. Vol. 2 (E — Muzh). Translated from German and supplemented by O.N. Trubachev. 2nd ed., stereotyped. Moscow: Progress Publ., 1986. 672 p. (In Russian)

REFERENCES

Аксарина 2014 — Aksarina N. A. From the experience of methodological support of subject Olympiads on the Russian language and the culture of speech. In: *Sotsiokul'turnoe prostranstvo Rossii i zarubezh'ia: obshchestvo, obrazovanie, iazyk*. Issue 3. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Rossiiskogo gosudarstvennogo professional'no-pedagogicheskogo universiteta Publ., 2014. P. 5–14. (In Russian)

Байдуж, Кудряшова, Смирнова 2002 — Baiduzh L. M., Kudriashova L. A., Smirnova I. R. From the experience of the city

Olympiad of schoolchildren in the Russian language (1996–1999, Tyumen). In: *Tekst i tekstovye kategorii: aspekty filologicheskogo issledovaniia: Mezhevuzovskii sbornik nauchnykh trudov*. Tyumen: Izdatel'stvo Tiimenskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2002. P. 196–216. (In Russian)

Бекасова 2021 — Bekasova E. N. On the work with Old Russian texts in the Olympiad assignments in the Russian language. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*. 2021, 5 (90): 63–65. (In Russian)

Володина 2016 — Volodina E. N. *Language development of personality in the modernization of the general education system: theory and practice*. Moscow: Flinta; Nauka Publ., 2016. 248 p. (In Russian)

Григорьев, Добротина, Осипова 2020 — Grigor'ev A. V., Dobrotina I. N., Osipova I. V. On the results of the regional and final stages of the All-Russian Olympiad in Russian language in 2019. *Russkii iazyk v shkole*. 2020, 81 (1): 30–35. (In Russian)

Добротина, Осипова 2021 — Dobrotina I. N., Osipova I. V. About the tasks of the All-Russian Olympiad of Pupils in Russian Language: selection of content and skill requirements. *Russkii iazyk v shkole*. 2021, 82 (6): 16–21. (In Russian)

Дроздова 2010 — Drozdova O. E. General linguistic competence in the school educational process. In: *Russkii iazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost': IV Mezhdunarodnyi kongress issledovatelei russkogo iazyka (Moskva, MGU im. M. V. Lomonosova, filologicheskii fakul'tet, 20–23 marta 2010 g.): Trudy i materialy*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ., 2010. P. 796–797. (In Russian)

Жеребило, Шабаета 2021 — Zherebilo T. V., Shabaeva T. Z. A model for comprehensive analysis of a fiction text in secondary school Russian classes. In: *Lingvisticheskoe modelirovanie v teorii kommunikatsii: Materialy Vserossiiskoi nauchnoi onlain-konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, Groznyi, 15–17 ianvaria 2021 goda*. Grozny: Chechenskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet Publ., 2021. P. 222–254. (In Russian)

Купчик 2010 — Kupchik E. V. Afterword to the regional Olympiad in Russian language. In: *«Dar vekov sberech'...»: russkii iazyk na stranitsakh parlamentskoi gazety*. Issue 2. Tyumen: Mandr i Ka Publ., 2010. P. 42–44. (In Russian)

**Sheila Vieira de Camargo Grillo, Sandrine Reboul-Touré,
Maria Glushkova (dir.) Analyse du discours et comparaison: enjeux
théoriques et méthodologiques.**

Série: Études contrastives. Vol. 16. Brussels, 2021. 350 p.
ISSN 1424-3563, ISBN 978-2-8076-1680-6, DOI 10.3726/b18463

DOI: 10/21638/spbu30.2023.113

По мере того как в современной лингвистике возрастает интерес к функциональной стороне языка и утверждается положение о том, что «именно в дискурсивной деятельности и осуществляется любая коммуникация» [Лазарева 2003: 87], все более актуальным исследовательским объектом становится дискурс — «сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресанта)» [Караулов, Петров 1989: 8], вследствие чего происходит постепенное формирование анализа дискурса как отдельной области науки о языке, предполагающей взаимосвязанное изучение когнитивных, коммуникативных и структурных аспектов речевых произведений. При когнитивно-дискурсивном подходе «тексты начинают трактоваться как источники сведений, выходящих за пределы собственно языкового их содержания, — источники данных об особых ментальных мирах» [Кубрякова 2000: 11], а результаты когнитивно-дискурсивных исследований раскрывают взаимообусловленность воплощенных в дискурсе ментефактов (представлений, знаний, концептов) как маркеров определенной лингвосоциокультурной общности и/или индивидуально-авторской картины мира, с одной стороны, и отбора и комбинации вербальных (а при наличии также паравербальных и невербальных) средств, с другой стороны.

Сегодня в научных изданиях появляется немало публикаций, представляющих результаты таких исследований, однако их временная и пространственная разрозненность не всегда позволяют коллегам увидеть масштабы и значимость этих изысканий. Именно поэтому нам представляется заслуживающим внимания сборник, объединивший в одном томе избранные труды по дискурсив-

ному анализу научных коллективов из Франции, Бразилии и России, в названии которого «Анализ дискурса и сравнение: теоретические и методологические проблемы» ясно определяется, какие именно вопросы и под каким углом зрения здесь рассматриваются.

Представляемая книга состоит из четырех разделов. Первый раздел «Сравнительный/контрастивный анализ дискурса: элементы для теоретической рамки» закономерно посвящен изложению базовых теоретических позиций, при этом их применение продемонстрировано в ходе анализа конкретного дискурсивного материала с выделением этапов его изучения и акцентированием внимания на процедурных особенностях исследования.

В первой статье раздела «Контрастивный анализ дискурса, путешествие в сердце дискурса» Патрисия фон Мюнхов обращается к контрастивному анализу текстов современных французских и немецких учебников истории и обнаруживает, что их языковые особенности обусловлены внутренней гетерогенностью анализируемого дискурса, где наслаиваются друг на друга как минимум две идеологии (одна, свойственная эпохе излагаемых событий, другая — современности). Автор демонстрирует взаимосвязь между статусом представления в определенном сообществе (очевидное, доминирующее, возникающее, уходящее и т. д.), степенью его выраженности в тексте и аналитическими шагами, которые может предпринять исследователь для выявления этого представления в дискурсе (с. 47), подчеркивая, что отраженные в дискурсе представления «ни однородны, ни гибричны, а именно иерархизированы определенным образом» (с. 46), при этом преобладающие представления позволяют определить

тип *дискурсивной культуры*, а «интратекстуальная неоднородность также позволяет исследователю показать дискурсивные культуры в их эволюции, в динамике, в которой они задействованы, и в их маневрировании между различными ограничениями, которые действуют одновременно» (с. 49).

Именно на введенное в научный оборот П. фон Мюнхов понятие *дискурсивной культуры*, определяемое как «проявление в дискурсе социальных представлений, циркулирующих в сообществе и касающихся объектов в широком смысле, с одной стороны, и того, как об этих объектах **следует** говорить, — с другой» (с. 57; выделено нами. — О.Х.) опирается в следующей статье «Теоретико-методологические основы сравнительного/контрастивного анализа дискурсов: официальные документы школьного образования в Бразилии и России» Шейла Виейра де Камарго Грилло. Исследователем особо выделяется значимость для дискурсивного анализа мысли Т. ван Дейка о том, что «на дискурс оказывает влияние (или находится под его влиянием) не социальная ситуация, но то, каким образом участники определяют эту ситуацию», то есть влияние осуществляется через «ментальные модели», являющиеся «когнитивными репрезентациями нашего опыта» (с. 59), что релятивизирует всякий дискурс по отношению к его субъекту (индивидуальному или обобщенному). Автор отмечает, что теоретические основания современного анализа дискурса вообще и предпринимаемого ею исследования развивают выдвинутые в работах Бахтина, Медведева, Волошинова идеи о связи идеологии и высказываний: «Идеология — это аспект, который превращает жизненное событие в культурное явление посредством ценностей, убеждений и смыслов» (с. 59); идеологическая вариативность, порождающая борьбу точек зрения, обуславливает и неоднородность культуры в любом сообществе в определенный момент времени; социокогнитивные модели взаимодействия людей в ситуациях действительности в соединении с их вербальной реализацией закрепляются в форме *речевых жанров* (это введенное в научный оборот М.М. Бахтиным понятие активно используется в трудах участников данного сборника как основание для сопоставления дискурсов).

Ш. Грилло проводит сравнительное изучение жанра государственных базовых образовательных документов в бразильской и российской дискурсивных культурах и приходит к заключению о том, что «официальные документы раскрывают особые способы восприятия образовательного процесса в гармонии с представлениями о реальности, сформированными ценностями, убеждениями и смыслами двух дискурсивных культур, которые отражаются в документах через отбор, оценку и формулировки субъектов, участвующих в разработке предложений для учебных программ» (с. 80).

Завершает первый раздел статья Шанталь Клодель «Сравнение жанров речи на французском и японском языках: теоретические и методологические вопросы». Автор подчеркивает, что для сравнения реализаций на разных языках конкретных жанров важен поиск релевантных критериев на межкультурном, внутрикультурном и микрокультурном уровнях, отмечая, что такой подход позволяет установить, «как каждое из сравниваемых сообществ рассматривает анализируемые компоненты или понятия, чтобы определить, в какой степени категории, привлеченные для анализа, отражают универсальные или частные культурные представления, и в то же время выявить, насколько выбранные для анализа параметры соответствовали характеру исследуемых корпусов» (с. 109).

Название второй части книги — «Связка языка и культуры» — отсылает к постулату В. фон Гумбольдта об обусловленности языка и национального своеобразия, что выступает одним из исходных положений лингвокультурологического подхода, потенциал которого применительно к сравнению дискурсов, сопряженных с реализацией одного жанра на разных языках, и демонстрируется в двух статьях, составляющих данный раздел.

В статье «Контрастивный анализ дискурса и профессиональные дискурсы» Женевиер Трегер-Фельтен выбирает для сопоставительного исследования корпоративные американскую и французскую культуры, различия между которыми устанавливаются на основе дискурсивного анализа корпуса вариантов *битекстов* (текстов,

один из которых появляется в результате перевода другого (с. 117)), возникших в связи с переводом и редактированием для американского и французского филиалов в транснациональной компании этического кодекса ее сотрудников, изначально написанного на английском *lingua franca*, а следовательно, без сопряжения с какой бы то ни было этнокультурой. Анализ убедительно показал, «что, несмотря на стремление создавать “идентичные” документы, служащие одним и тем же управленческим целям, ограничения, налагаемые на говорящих языковым и культурным контекстом среды их происхождения, влияют на их дискурсы, оставляя следы того, что контрастивный анализ дискурса, укоренившийся в науке о языке, позволяет выявить и объективировать» (с. 134).

В следующей статье «Лингвокультурология: сравнение между языками и культурами» Дарья Алексеевна Щукина представляет обзор работ российских исследователей, проводящих свои изыскания в русле активно развивающейся в последние десятилетия лингвокультурологии, которая «изучает воздействие культуры на язык и анализирует, как язык формируется под влиянием культуры» (с. 137–138).

Опираясь на представленные теоретические основания, автор демонстрирует методологию лингвокультурологического сопоставительного исследования на материале юбилейных петербургского и рижского дискурсов, складывающихся из совокупности соответствующих городских пространств с их характерной организацией, архитектурой, скульптурой, рассматриваемых в семиотическом аспекте, и номинаций и высказываний разных жанров, включенных в эти городские пространства и/или посвященных им. Такого рода анализ позволяет вскрыть сходства и различия в функционировании языковых единиц, отражающих особое видение мира разными народами и специфику его отражения в их языках (с. 160).

В третьей части сборника «Сравнение и жанры речи: передача знаний» рассматриваются вопросы когнитивно-коммуникативного изучения научно-популярного дискурса.

В статье «Сравнение и категории для анализа дискурса — на примере научно-популярных бло-

гов» Сандрин Ребуль-Туре проводит наблюдение за особенностями научно-популярной коммуникации в интернет-среде с целью уточнения категорий, подлежащих анализу. Автор отмечает, что рассматриваемый интернет-дискурс сохраняет характерные для традиционного общения базовые принципы популяризации, но при этом от интернета как коммуникативной среды получает существенные структурно-смысловые и коммуникативные приращения. Во-первых, это касается фигуры популяризатора науки, роль которого традиционно исполнялась в СМИ либо ученым, либо журналистом; интернет же предоставил такую возможность и всякому любителю. Во-вторых, цифровые технологии позволяют пользователям интернета при их желании делать репосты опубликованных постов, а блогеру — связывать свой пост/свой блог через гиперссылки с толкованиями терминов или претекстами, обуславливая его текстуальную многослойность, а также соединять с комментариями читателей, расширяющими исходное сообщение до диалога (полилога). Порожденные научно-популярным постом/блогом дискурсы образуют дискурсивную сеть, которую автор называет *гипердискурсом* (с. 195).

Статья «Аспекты научной популяризации в бразильских блогах» Флавио Сильвии Мачадо, переключаясь по методологии и типу материала со статьей С. Ребуль-Туре, знакомит с традицией изучения научно-популярного дискурса в бразильской лингвистике. Автор в ходе исследования, опираясь на идеи Бахтина, доказала, что следует рассматривать «переформулировку как тип двуголосого дискурса, раскрывающего не только голоса научной сферы, но и внутренний голос автора» (с. 219), который, согласно проведенному анализу, может определяться повседневной и/или педагогической идеологией.

Именно дидактико-педагогические аспекты научно-популярного дискурса затрагиваются в двух следующих статьях.

В статье «Следы дидактичности в научной популяризации: диалогический сравнительный анализ дискурса *Ciência Hoje* и *La Recherche*» Урбану Кавальканте Фильо, сопоставляя дискурсы указанных бразильского и португальского журна-

лов, обращает внимание на наличие в них дидактических речевых актов. При этом исследователь подчеркнула, что дидактические высказывания не определяют функциональную специфику дискурса, поскольку его доминантной коммуникативной целью остается не заставить адресата освоить научные сведения, а дать возможность получить информацию о них в доступной ему форме (с. 243).

В статье «*Philosophie Magazine* и *Filosofia Ciència & Vida*: поддержка для образования и инструмент интерпретации новостей в СМИ» Даниэла Ниенкёттер Сарда сравнивает дискурсы двух названных французского и бразильского научно-популярных философских журналов, анализируя их материалы и соответствующие им анонсы на обложках, и отмечает, что, несмотря на то что исторически философия имела различные статусы в общественно-политической и образовательной сферах Бразилии и Франции, сегодня дискурсы обоих журналов выполняют две основные функции: помогают своим читателям осмыслить актуальные общественные процессы и события, получающие освещение в масс-медиа, и становятся вспомогательным материалом к курсу философии для обучающихся и их педагогов.

Завершает третий раздел статья Марии Глушковой «Сравнительный анализ разговора с учеными в СМИ: нехватка воды в Бразилии и России», где, в отличие от других работ, опубликованных в данном сборнике, анализу подвергаются устные дискурсы схожих по проблематике и речевой форме (диалог/полилог) двух передач (на российском радио и бразильском телевидении). Наблюдая за интерпретацией указанной экологической проблемы, автор выявляет ряд когнитивно-коммуникативных особенностей, отражающих специфические черты сопоставляемых культур, стоящих за анализируемыми дискурсами.

Четвертая часть сборника «Сравнение: теоретическая открытость» привлекает внимание к необходимости учета сложности такого объекта исследования, как дискурс, в определении параметров и процедур анализа.

В статье «От теоретических требований метода сравнения к учету специфичности конкретного корпуса: “иммиграционист” в политическом дис-

курсе, ориентированном на полемику» Софи Муаран анализирует представленные журналистами в прессе высказывания французских политиков во время предвыборной президентской кампании 2017 г., отмечая, как могут различаться значения одних и тех же слов в исходном целостном высказывании и в извлеченной из него цитате, погруженной в комментарии журналиста или другого политика: «В итоге посредством представленных высказываний, демонстрируемых средствами массовой информации, строятся не образы кандидатов, а образы их высказываний, что способствует формированию или переосмыслению их преддискурсивного портрета (*éthos*) в ходе национальных и европейских избирательных кампаний» (с. 323).

В результате проведенного анализа автор демонстрирует отличие языкового исследования лексической семантики от ее дискурсивного исследования, подчеркивая значимость для последнего не только ближайшего текстового окружения, но и широкого экстралингвистического контекста, проясняющего параметры ситуации действительности и характеристики коммуникантов.

В статье «Сравнение для понимания институциональной коммуникации: дискурсивный анализ коммуникативной логики информационно-просветительских кампаний» Флоримонд Ракотоноэлина подвергает анализу дискурс веб-сайтов учреждений, занимающихся социальными проблемами, отмечая их общие коммуникативные информационно-просветительские цели и учитывая разные типы адресатов: широкая публика и специфические группы. В ходе анализа автор демонстрирует, что адресация инстанции к профессионалам включает сокращенный объем сведений, касающихся сути рассматриваемой проблемы, но содержит подробные инструкции, как действовать работникам определенной сферы в конкретной проблемной ситуации, в то время как обращение к специфическим группам публики (несовершеннолетним, свидетелям проблемных ситуаций, их жертвам) часто строится в диалогизированной форме: дробя сообщение на вопросно-ответные единства, где вопросы, как показывает анализ дейктических элементов (особенно личных и при-

тяжелых местоимений), нередко задаются в первоначальной форме от имени адресата, как бы повторяя его внутреннюю речь (*что мне делать в случае, если...*), инстанция обеспечивает тем самым комфортное включение проблемного адресата в необходимую ему коммуникацию.

В заключение отметим, что данная книга показывает возможности исследования дискурса как в направлении от особенностей его языковой формы с порождаемой ею семантикой к интерпретации ее в рамках широкого экстралингвистического контекста, так и от выявленных в дискурсе смыслов к их культурной и лингвокультурной обусловленности. Специфика сборника заключается в том, что каждая статья содержит не только исследование конкретного дискурсивного материала, но и подробное изложение методологических оснований, на которые опирается автор в своем анализе материала, что, с одной стороны, делает неизбежным неоднократное повторение некоторых цитат из работ авторитетных ученых, с другой —

позволяет, читая отдельную статью, получать полноценное представление о концепции дискурсивного анализа, объединяющей исследовательские коллективы, ставшие авторами сборника.

О. В. Хорохордина
канд. филол. наук, профессор
Университет иностранных языков Хангук

ЛИТЕРАТУРА

Караулов, Петров 1989 — Караулов Ю. Н., Петров В. В. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса. В сб.: Дейк Т. А. ван. *Язык. Познание. Коммуникация*: пер. с англ., сост. В. В. Петрова; под ред. В. И. Герасимова; вступ. ст. Ю. Н. Караулова и В. В. Петрова. М.: Прогресс, 1989. С. 5–11.

Кубрякова 2000 — Кубрякова Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике. *Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: сборник обзоров. Серия «Теория и история языкознания»*. М.: РАН ИНИОН, 2000. С. 5–13.

Лазарева 2003 — Лазарева Э. А. Рекламный дискурс: стратегии и тактики. *Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества*. 2003 (9): 82–121.

Т. Б. Радбиль, Л. И. Ручина,
М. Г. Уртминцева, И. С. Юхнова

DOI: 10.21638/spbu30.2023.114

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ В НИЖЕГОРОДСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ИМЕНИ Н. И. ЛОБАЧЕВСКОГО В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ СТРАТЕГИЙ НАУЧНОГО ПОИСКА

TIMUR B. RADBIL, LIUDMILA I. RUCHINA, MARINA G. URTMINTSEVA, IRINA S. IUKHNOVA
RUSSIAN PHILOLOGY AT LOBACHEVSKY STATE UNIVERSITY OF NIZHNY NOVGOROD
IN THE LIGHT OF MODERN STRATEGIES OF SCHOLARLY SEARCH

Тимур Беньюминович Радбиль

Доктор филологических наук, профессор
► timur@radbil.ru

Людмила Ивановна Ручина

Кандидат филологических наук, доцент
► ruchinanngu@yandex.ru

Марина Генриховна Уртминцева

Доктор филологических наук, профессор
► urtminzeva@yandex.ru

Ирина Сергеевна Юхнова

Доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры русской литературы
► yuhnova@yandex.ru

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет имени Н. И. Лобачевского,
Российская Федерация, 603022,
Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

Timur B. Radbil
Liudmila I. Ruchina
Marina G. Urtmintseva
Irina S. Iukhnova

National Research Lobachevsky
State University of Nizhny Novgorod,
23, pr. Gagarina, Nizhny Novgorod,
603022, Russian Federation

В статье освещаются основные научные направления в отечественной филологии, которые развиваются учеными Института филологии и журналистики Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского. На кафедре современного русского языка и общего языкознания в последние 20 лет разрабатывается новое научное направление, связанное с исследованием активных процессов в современном русском языке. Ученые кафедры преподавания русского языка в других языковых средах создали и успешно апробировали методику описания концептов русской культуры, которая предполагает выявление разнообразных парадигматических, синтагматических, деривационных связей слов, номинирующих концепт в непосредственно текстовом употреблении, а также анализ толкования слова в словарях. Кафедра теоретической и прикладной лингвистики активно развивает когнитивную лингвистику, лингвокультурологию, лингвопоэтику, а также теорию и практику производства лингвистических экспертиз. Важной составляющей научных исследований членов кафедры славянской филологии и культуры является изучение истории русского языка, современных славянских языков, русской литературы XIX–XXI вв. в ее связях с литературой восточных и западных славян. На кафедре русской литературы ведутся серьезные исследования в области творчества А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, классической и современной русской лирики, духовной поэзии, художественной антропологии, фольклористики и литературного краеведения. Сделан вывод о том, что на сегодняшний день в ННГУ имени Н. И. Лобачевского создана и активно функционирует эффективная научная среда, которая способствует дальнейшему упрочению вклада нижегородских филологов в самые востребованные области современного отечественного гуманитарного знания.

Ключевые слова: русистика в ННГУ имени Н. И. Лобачевского, современный русский язык, общее языкознание, методика преподавания РКИ, теоретическая и прикладная лингвистика, славянская филология, история русского языка, русская литература.

The article highlights the main scholarly trends in Russian philology, which are being developed by the scholars of the Institute of Philology and Journalism of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. In the last 20 years, the Chair of Modern Russian and General Linguistics has been working on a new scholarly research area related to the study of active processes in the modern Russian language. The Chair of Teaching Russian Language in other Language Environments has created and successfully tested a methodology for describing the

concepts of Russian culture, which involves identifying a variety of paradigmatic, syntagmatic, derivational relationships of words nominating the concept in direct textual use, as well as analyzing the interpretation of the word in dictionaries. The Chair of Theoretical and Applied Linguistics actively develops cognitive linguistics, linguoculturology, linguopoetics, as well as the theory and practice of carrying out the linguistic expertise. An important component of the scholarly research of members of the Chair of Slavic Philology and Culture is the study of the history of the Russian language, modern Slavic languages, Russian literature of the 19th–21st centuries in its connections with the literature of the Eastern and Western Slavs. At the Chair of Russian Literature, serious research is being carried out in the field of studying A. S. Pushkin, M. Yu. Lermontov, classical and modern Russian lyrics, spiritual poetry, artistic anthropology, folklore and literary local history. The article draws the conclusion that an effective scholarly environment has been created and is actively functioning at Lobachevsky National Research University of Nizhny Novgorod so far, which conduces to further consolidation of contribution of Nizhny Novgorod Russian language scholars to the most prominent areas of modern national humanitarian knowledge.

Keywords: Russian studies in Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, modern Russian language, general linguistics, methodology of teaching Russian as a foreign language, theoretical and applied linguistics, Slavic philology, history of the Russian language, Russian literature.

Введение

Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского имеет большую славную историю. ННГУ основан 17 января 1916 г. как один из трех Народных университетов России и стал первым высшим учебным заведением в Нижнем Новгороде. В 1956 г. Горьковскому университету было присвоено имя великого русского ученого-математика, урожденного нижегородца Н. И. Лобачевского. Значительные достижения в гуманитарных областях связаны с именами члена-корреспондента АН СССР, основателя историко-филологического факультета С. И. Архангельского, профессоров С. А. Орлова, Н. П. Соколова, Б. Н. Головина и др. В 2009 г. ННГУ была присвоена категория «Национальный исследовательский университет».

Институт филологии и журналистики занимает одно из заметных мест в истории университета. В конце ноября 1918 г. в ННГУ было открыто филологическое отделение, впоследствии (в 1946 г.) вошедшее в состав историко-филологического факультета. Одним из заместите-

лей декана являлся выдающийся отечественный мыслитель, профессор классической филологии А. Ф. Лосев. Курсы истории русской литературы и народной словесности читал известный специалист, член-корреспондент АН СССР С. Ф. Елеонский. Профессорами университета были Н. А. Кун, автор книги «Легенды и мифы Древней Греции», а также Б. М. Эйхенбаум, один из основоположников формального метода в литературоведении.

В 1986 г. историческое и филологическое отделения знаменитого истфила реорганизованы в самостоятельные факультеты, а в апреле 2017 г. филологический факультет преобразован в Институт филологии и журналистики (ИФиЖ), директором которого является Л. И. Жуковская.

Отечественная филология в ННГУ имени Н. И. Лобачевского находится в русле самых актуальных стратегий научных поисков в гуманитарной сфере. Широко известны научные школы в области синхронического изучения русского языка как системно-структурного образования, вероятностно-статистических исследований языка, палеославистики, диалектологическая научная школа. Для деятельности Нижегородской лингвистической научной школы характерна ориентация на актуальный в современной гуманитаристике антропоцентрический подход к исследованию языковой системы и ее функционирования на разных хронологических этапах.

В области литературоведения главными направлениями научных изысканий являются изучение истории русской литературы XIX–XXI вв., типологии художественного мышления и проблем поэтики, особенностей функционирования фольклорных жанров в индивидуальных художественных системах, мифопоэтики, проблемы синтеза искусств, региональных аспектов развития литературы; большим авторитетом пользуются труды нижегородских ученых в области пушкинистики, горьковедения, фольклористики.

Кафедра современного русского языка и общего языкознания

История кафедры современного русского языка и общего языкознания неразрывно связана с именем выдающегося ученого, профессора

А. В. Миртова (1886–1966), который организовал работу кафедры по четырем направлениям: лексикография, языковые взаимодействия, стилистический анализ, вопросы системности языка.

С 1961 г. кафедрой руководил выдающийся ученый, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор Б. Н. Головин (1916–1984), который основал горьковскую школу терминоведения, создал оригинальную теорию культуры речи и новое научное направление — стилостатистику.

С 1981 г. кафедрой заведовали заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор В. Н. Немченко, автор серии словарей лингвистических терминов, учебников по словообразованию и языкознанию, а также профессор Р. Ю. Кобрин (1943–1997), известный специалист по терминоведению, прикладной и математической лингвистике. С 2003 г. кафедрой заведует профессор Л. В. Рацибурская, специалист в области дериватологии, неологии, медиалингвистики. В разное время на кафедре работали такие выдающиеся ученые, как профессор В. А. Гречко, специалист в области общего языкознания и лексикографии языка А. С. Пушкина, доцент М. А. Михайлов, известный славист и дериватолог.

На кафедре в течение многих лет разрабатывались проблемы развития и функционирования русского языка в разных коммуникативных сферах, лингвистической терминологии и терминологии, а в последние 20 лет — новое научное направление, связанное с исследованием активных процессов в современном русском языке в свете новейших, интердисциплинарных и антропоориентированных, стратегий научного поиска (лингвокогнитивный, лингвокультурологический и лингвопрагматический аспекты). Разработаны принципы и методология историко-лингвистических исследований системы стилей и грамматического строя языка с применением вероятностно-статистических методик, а также изучения активных процессов в лексике, словообразовании, грамматике. Представлено лексикографическое описание вариативных и новых явлений в лексике, словообразовании и терминологии.

На основе материалов медийного и научного дискурсов, интернет-коммуникации, устной

разговорной речи исследованы основные закономерности активных процессов в современном русском языке с учетом тенденций к интернационализации, демократизации и стремления к сохранению национально-культурных способов языковой концептуализации мира. Выявлены социально-политические, социально-психологические, социокультурные, идеологические, а также внутриязыковые факторы неологизации в современном русском языке; проанализированы основные пути пополнения словарного состава русского языка на рубеже XX–XXI вв., явления «вербальной агрессии» и экспрессивной деривации, «языковой игры» в лексике и словообразовании (исследования профессоров Л. В. Рацибурской, С. Н. Виноградова, М. В. Сандаковой; доцентов Н. А. Самыличевой, В. Б. Шавлюк, Е. В. Щениковой; кандидатов филологических наук Е. А. Ждановой, С. Г. Бусаревой).

На новом языковом и текстовом материале показано, что активные процессы в современном русском языке отражают речеповеденческие стереотипы и модели коммуникации носителей русского языка и являются надежным средством диагностики социальных, политических, культурных процессов в современном российском обществе.

Результаты научно-исследовательской работы кафедры нашли отражение в докторских и кандидатских диссертациях по проблемам терминологии, лексикологии и стилистики, словообразования, грамматики, неологии и неографии, медиалингвистики; в сборниках статей по проблемам терминологии; в конференциях и семинарах, посвященных научной деятельности ведущих ученых кафедры, а также в традиционной международной филологической сессии совместно с кафедрой зарубежной литературы (завкафедрой — профессор Т. А. Шарыпина) «Национальные коды в языке и литературе» с последующим изданием сборников: «Язык и культура» (2018), «Современные языки в новых условиях коммуникации» (2019), «Язык как культурно-историческое достояние народа» (2020), «Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное» (2021), «Русский язык в России и за рубежом: изучение активных процессов в языке

и речи» (2021), «Языки и культуры в цифровую эпоху» (2022).

На кафедре разработаны образовательные модели внедрения результатов исследования в учебный процесс российских и зарубежных вузов, соответствующее учебно-методическое обеспечение в формате монографий и учебных пособий, а также серии учебных словарей «Человек и его внутренний мир».

Кафедра преподавания русского языка в других языковых средах

В 1996 г. в университете Лобачевского была создана кафедра преподавания русского языка в других языковых средах, бессменным заведующим которой является Л. И. Ручина. Кафедра обеспечивала обучение русскому языку иностранных студентов в рамках различных программ (включая летние школы). Достаточно много иностранцев изучали русский язык на индивидуальной основе (в основном это были студенты из США и Европы). Кроме того, на кафедре велась подготовка студентов-филологов для работы в качестве преподавателей русского языка как иностранного.

В 2002 г. была разработана методика описания концептов, которая предполагает выявление разнообразных парадигматических, синтагматических, деривационных связей слов, номинирующих концепт в непосредственно текстовом употреблении, а также анализ толкования слова в словарях. Вся информация отражается в словарной статье концепта. Приемы тезаурусного представления средств вербализации концепта позволяют установить его когнитивные признаки, моделировать структуру изучаемых концептов в сознании носителей языка, представить национально-культурные модели концептуализации того или иного фрагмента действительности и тем самым эксплицировать форматы знаний, специфику ценностей и моделей поведения. Подобный подход реализован в работе по созданию словаря концептов русского фольклора на материале сказок А. Н. Афанасьева [Горшкова, Ручина 2011; Словарь концептов 2011–2015].

Разработанная методика описания концептов была успешно реализована в монографиях,

научных статьях, выпускных квалификационных работах, магистерских и кандидатских диссертациях. Так, в монографии «Лингвокогнитивные аспекты изучения национальных концептосфер в синхронии и диахронии» [Лингвокогнитивные аспекты 2020] описаны концепты, являющиеся ценностными доминантами русской национальной картины мира (*правда, истина, радость, здоровье, лень* и др.). Разработаны инновационные образовательные модели.

В ряде научных исследований, проводимых на кафедре, рассматриваются социально значимые для современной русской культуры концепты: *общественное мнение* (И. В. Ершова), *патриотизм*, «свое — чужое» (Н. В. Радбиль), *гражданство* (Л. В. Грехнева), *демократия* (Л. И. Ручина).

В когнитивных исследованиях кафедры в качестве инструмента выявления смыслового наполнения концептов в современном сознании используется ассоциативный эксперимент, результаты которого позволяют проследить динамику развития структурно-смысловой организации концептов в рамках национальной концептосферы. На кафедре реализуется научное направление, связанное с описанием лингвистических объектов математическими методами, путем создания формализованной модели представления данных [Синелева 2019].

В рамках грантовых проектов кафедра совместно с образовательными организациями зарубежных стран (Сербия, Казахстан, Италия, Туркменистан, Беларусь и др.) участвовала в организации и проведении международных научно-методических конференций по вопросам методики преподавания на русском языке и русского языка как иностранного.

На кафедре разработана и в течение последних 15 лет реализуется магистерская программа «Русский язык как иностранный». Многие из выпускников остаются преподавать русский язык иностранным студентам из более чем ста стран мира не только в других вузах, но и в родном университете.

С 2018 г. Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского является организатором ежегодной Международной олим-

пиады по русскому языку как иностранному «Лобачевский/RU», а также соорганизатором Международной олимпиады по русскому языку как иностранному «Энергия знания» в Сербии.

Кафедра теоретической и прикладной лингвистики

На кафедре теоретической и прикладной лингвистики, созданной в 2019 г. по инициативе директора ИФиЖ ННГУ им. Н.И. Лобачевского Л.И. Жуковской и профессора Т.Б. Радбиля, разрабатывается несколько актуальных в современной мировой лингвистике научных направлений.

Когнитивная лингвистика и логический анализ естественного языка. Изучение «узловых» проблем современного лингвистического когнитивизма и логического анализа естественного языка осуществляется на кафедре под руководством заведующего кафедрой профессора Т.Б. Радбиля. Итоги многолетних научных изысканий в этой области подводятся в монографии «Язык и мир: парадоксы взаимоотражения» [Радбиль 2017]. В учебнике Т.Б. Радбиля «Когнитивистика» (Нижний Новгород, 2018) характеризуются основные школы, направления и течения современной зарубежной и отечественной когнитивной лингвистики. Когнитивно-дискурсивные и лингвопрагматические аспекты данного направления воплощены в кандидатских диссертациях и монографиях сотрудников кафедры: осуществлен опыт комплексного «лексикографического портретирования» русских личных местоимений I и II лица в свете идей интегрального описания языка [Гранева 2022]; реализована исследовательская модель комплексного описания вербальных и поликодовых механизмов создания аттрактивности в контенте веб-сайтов российских образовательных организаций (кандидатская диссертация А.И. Помазова).

Лингвокультурология и теория языковой картины мира. На кафедре активно развивается актуальное в современной парадигме гуманитарного знания междисциплинарное направление исследований «языка культуры», языковой картины мира и языковой ментальности. Совместно с сотрудниками кафедр современного русского

языка и общего языкознания, преподавания русского языка в других языковых средах, славянской филологии и культуры была издана коллективная монография «Лингвокогнитивные аспекты изучения национальных концептосфер в синхронии и диахронии» (2020). Важные в научном отношении аспекты лингвокультурологического направления в современной русистике затронуты в работах Т.Б. Радбиля [Радбиль 2021] и доктора филологических наук, профессора Е.Н. Широковой, которая разрабатывает проблему языковой концептуализации мира в дискурсивных практиках носителей русского языка, в том числе в художественном дискурсе.

Лингвопоэтика и нарратология. Еще одним значимым направлением в научной деятельности ученых кафедры является когнитивно ориентированное и дискурс-аналитическое исследование языка художественной литературы. Т.Б. Радбиль разрабатывается когнитивно-дискурсивная теория художественной речи, предполагающая лингвофилософское обоснование противопоставления нарратива и лирики как двух форматов ментального моделирования реальности. В рамках лингвопоэтического направления на материале отечественных художественных текстов XIX и XX вв. ученым создана теория языковой аномальности с учетом последовательного рассмотрения языковых аномалий как «мирообразующего», стилеобразующего и текстообразующего факторов по уровням *художественный мир — художественная речь — художественное повествование*. Результаты многолетних исследований обобщены в двух монографиях исследователя: «Мифология языка Андрея Платонова» (1998), «Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и другие» [Радбиль 2006].

Прикладная лингвистика и лингвистическая экспертиза. Новый вектор в научной деятельности ученых кафедры — методология и методика производства речеведческих экспертиз — связан с комплексной (аналитической, лингвистической и информационной) поддержкой органов власти, правоохранительных структур, СМИ и пр., с экспертной деятельностью по выявлению лингвистических диагностических признаков правонаруше-

ний в сфере экстремизма, ненадлежащей рекламы, нарушений антимонопольного законодательства и прав на интеллектуальную собственность и т. д. в спорных текстах с помощью современных технических средств и компьютерных технологий. Результаты данного направления нашли отражение в монографии Т. Б. Радбиля и завкафедрой судебной экспертизы юридического факультета ННГУ имени Н. И. Лобачевского В. А. Юматова «Язык и метод в современной судебной экспертизе» (Нижний Новгород, 2015) и были внедрены в образовательный процесс в форме создания магистерских ОПОП «Прикладная филология» и «Лингвокриминалистика», а также учебно-методического пособия Е. А. Колтуновой и Е. С. Моштылевой «Лингвистическая экспертиза в судебном процессе».

Кафедра славянской филологии и культуры

Кафедра славянской филологии и культуры была создана в 2019 г. в процессе реорганизации первой в России кафедры истории русского языка и сравнительного славянского языкознания, открытой в мае 1973 г. под руководством профессора Н. Д. Русинова (1973–1998), который исследовал историю русского языка в связи с русской историей и культурой, историей других славянских языков.

Научные исследования первых сотрудников кафедры были связаны с созданием Горьковского областного словаря, инициатором которого выступила доцент Е. В. Ухмылина. При кафедре были открыты кабинет диалектологии (1980) и **лаборатория лексикографических исследований имени В. И. Даля** (научный руководитель — доцент И. В. Толкачева, заведующая лабораторией — кандидат филологических наук М. А. Агапова). В настоящее время осуществляется возглавляемая ИЛИ РАН работа по созданию параллельной электронной версии Диалектного словаря Нижегородской области (ДСНО) (доцент И. В. Кузьмин) и «Лексического атласа русских народных говоров».

В 2005 г. при поддержке посольства Чешской Республики был открыт **Чешский центр образования и культуры**, научным руководителем кото-

рого в течение многих лет являлся доцент С. А. Рылов, специалист в области историографии русского языкознания, сопоставительной славянской синтактологии, чешской лингвокультурологии. Работа Чешского центра связана с продвижением научных исследований чешских ученых из университетов Праги, Оломоуца, Брно в России, совершенствованием подготовки русских студентов в области чешского языка, расширением их знаний о культуре Чехии.

В **Центре палеославистических исследований** (2006) под руководством профессора Л. П. Клименко проводятся исследования коллекции рукописных и старопечатных книг XVI–XIX вв., собранных в ходе археографических экспедиций. Результаты изысканий свидетельствуют о том, что данные материалы представляют собой базу для реконструкции менталитета русского народа в преднациональный период.

В настоящее время на кафедре славянской филологии и культуры проводятся исследования в области исторической лексикологии, палеославистики и истории русского литературного языка (профессор Л. П. Клименко, кандидат филологических наук А. Д. Большаков), исторической стилистики, исторической грамматики древнерусской и старорусской книжности (доцент О. Ю. Шавлюк), сравнительного славянского языкознания (доцент И. В. Кузьмин), лингвокультурологии славянских языков (доцент И. Ю. Абрамова), экологии культуры (доценты А. Н. Таланова, П. Е. Янина). Заведует кафедрой профессор М. Г. Уртминцева, специалист в области филологической герменевтики, комплексного анализа текста в связи с его жанровой спецификой, когнитивными особенностями и коммуникативной направленностью.

Совместно с **Сербским центром** (2015 г., руководитель — доцент И. Ю. Абрамова) кафедра проводит изучение в области медиапространства современной славянской культуры. Большую роль в продвижении русского языка за рубежом выполняет созданный совместно с представителями научного сообщества Сербии (университеты Белграда и Нови-Сада) разговорный клуб, программа которого основана на использовании

результатов исследования продуктивных форм и способов ведения диалога в современном медиа-пространстве.

Важной составляющей научных изысканий кафедры являются типологические связи русской литературы XIX–XXI вв. с литературой восточных и западных славян (польской, чешской, сербской), а также характеристика принципов переводов со славянских языков на русский.

Результаты исследований кафедры нашли отражение в докладах Всероссийской конференции с международным участием «Славянский мир: проблема взаимодействия универсального и локального» (21–22 мая 2021 г.), по итогам которой был издан сборник статей «Актуальные проблемы славянской филологии и культуры и журналистики». 200-летний юбилей Ф. М. Достоевского был отмечен Международной научной конференцией «Достоевский и славянский мир» с участием представителей научного сообщества Чехии, Польши, Сербии и Хорватии и последующим изданием коллективной монографии [Достоевский 2022]. Славяноведческой проблематике был посвящен научно-методический межвузовский круглый стол «Актуальные проблемы преподавания и изучения дисциплин историко-лингвистического цикла» (12 мая 2022 г.).

В рамках важнейшего научного направления — горьковедения — кафедра при поддержке ИМЛИ имени А. М. Горького, Министерства культуры Нижегородской области и городского департамента культуры раз в два года (с 1943 года) проводит Международную научную междисциплинарную конференцию «Горьковские чтения», объединяющую исследователей в области литературоведения, культурологии, лингвистики, отечественной истории, архивистики, музееведения. По итогам конференции издаются сборники статей, отражающие современный уровень научного горьковедения.

В междисциплинарных исследованиях экологии культуры Нижегородского региона выявляются пути сохранения культурной памяти в литературе, современных языковой и культурной практиках.

Кафедра русской литературы

Кафедра русской литературы была создана в 1946 г., ее возглавил известный специалист в области древнерусской литературы, фольклора, творчества М. Горького, В. Г. Короленко — А. Н. Свободов.

Этапными в развитии нижегородского литературоведения стали 1960-е годы, когда были образованы три литературоведческие кафедры: русской литературы, зарубежной литературы (1961), советской литературы (1968), в результате были сформированы три авторитетные научные школы.

Кафедрой русской литературы в разные годы руководили профессор Г. В. Краснов, крупнейший специалист в области русской литературы XIX в., член Всесоюзных Пушкинской и Горьковской комиссий при Президиуме АН СССР, член комиссии по этике и стилистике Международного комитета славистов; профессор Г. В. Москвичева, известный специалист в области русской литературы XVIII в.; профессор Н. М. Фортунатов, сфера научных интересов которого — русская проза XIX в.

Г. В. Краснов создал научную школу, вырастил таких ярких литературоведов, как В. А. Грехнёв, Н. М. Фортунатов, В. А. Викторович, Г. Л. Гумённая, Н. В. Живолупова, Е. С. Хаев. Он стал организатором конференции «Болдинские чтения», ответственным редактором одноименного сборника, а пушкиноведение, наряду с исследованиями творчества Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, Ф. М. Достоевского, проблем поэтики, сюжетостроения, стало одним из основных направлений в деятельности кафедры. Уровень пушкинистических исследований определяют труды члена Пушкинской комиссии АН РФ, доктора филологических наук, профессора В. А. Грехнёва «Болдинская лирика А. С. Пушкина», «Лирика Пушкина. О поэтике жанров», «Словесный образ и литературное произведение» и др.

Новые идеи и подходы активно внедрял Н. М. Фортунатов. При нем стали проходить международные научные конференции «Грехнёвские чтения» (научный руководитель — И. С. Юхнова), «Жизнь провинции» (научный руководитель — Н. М. Фортунатов), «Новейшая русская поэзия» (научный руководитель — Е. Е. Прошин)

и другие с регулярным выпуском одноименных сборников.

Кафедру советской литературы в разные годы возглавляли известный теоретик и историк литературы, заслуженный деятель науки РФ, профессор И. К. Кузьмичев и известный горьковед, профессор Г. С. Зайцева. Широкое признание получили работы доктора филологических наук, профессора С. И. Сухих в области теоретической и исторической поэтики, горьковедения, творчества М. А. Шолохова.

В 2014 г. были объединены кафедры русской литературы и новейшей русской литературы. Руководителем обновленной кафедры стал доктор филологических наук А. В. Коровашко — литературный критик, автор книг о М. М. Бахтине, В. К. Арсеньеве и О. Куваеве.

В настоящее время ведутся исследования в области творчества А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова (доктор филологических наук, профессор И. С. Юхнова), классической и современной русской лирики (доценты Е. Е. Прошин, Ю. А. Изумрудов; кандидат филологических наук Е. В. Болнова), духовной поэзии (Н. Б. Храмова), творчества шестидесятников (кандидат филологических наук К. И. Яшина), художественной антропологии (кандидат филологических наук А. А. Курочкина). Изучаются проблемы преемственности литературы XIX–XXI вв. (доктор филологических наук, профессор О. С. Сухих).

Научные подходы к изучению и преподаванию русской литературы нашли отражение в учебнике «История русской литературы XIX века» (в трех томах).

При кафедре много лет работают **Центр литературного краеведения** (руководитель — Н. М. Фортунатов, в настоящее время — Е. В. Самостиенко) и **Фольклорный центр** (руководитель — профессор К. Е. Корепова, в настоящее время — доцент Ю. М. Шеваренкова). Благодаря исследованиям творчества писателей-нижегородцев в Нижнем Новгороде были открыты музеи Н. А. Добролюбова, В. Г. Короленко (школа № 14), В. А. Грехнёва (школа № 161), филиал музея А. С. Пушкина «Болдино». В 2022 г. Ю. А. Изумрудовым была защищена докторская диссертация о литературном наследии Бориса Садовского,

ставшая первым монографическим исследованием творчества писателя.

Фольклорный центр осуществляет активную собирательскую и научную деятельность. Широко известны монографии К. Е. Кореповой «Русская лубочная сказка» (1999) и «Русская свадьба в Нижегородском Поволжье» (2019). Большой вклад в исследование русского религиозного фольклора внесли труды доцента Ю. М. Шеваренковой.

Кафедра русской литературы продолжает традиции нижегородского литературоведения. С 2019 г. издается научный журнал «Палимпсест». С 2021 г. начал проходить международный научный форум «История литературы и история литературоведения: имена, школы, концепции, локусы». Традиционными стали круглые столы с университетами Гродно, Стамбула, Ташкента, Кишинева и др. В этом же году были проведены литературные гостиные «Современная литература для детей и о детях» для 43 стран, а также открылся Пушкинский центр (руководитель — профессор И. С. Юхнова).

Заключение

В настоящее время ННГУ имени Н. И. Лобачевского является многофункциональным научным и образовательным центром, имеющим всероссийское и международное значение. Он осуществляет активную деятельность по научному обмену и организации совместных исследований, научно-организационную и просветительскую деятельность.

Научные публикации ученых ИФиЖ, качественное разнообразие направлений научной деятельности, преемственность традиций в сфере отечественной филологии свидетельствуют о том, что в Нижегородском университете создана и активно функционирует эффективная научная среда, которая способствует дальнейшему упрочению вклада нижегородских филологов в самые востребованные области современного отечественного и зарубежного гуманитарного знания.

ЛИТЕРАТУРА

Активные процессы 2022 — *Активные процессы в русском языке новейшего периода*. Радбиль Т. Б. (ред.). М.: Флинта, 2022. 232 с.

Горшкова, Ручина 2011 — Горшкова Т.М., Ручина Л.И. Словарь комбинированного типа как способ лексикографического описания концептосферы русской народной сказки. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. Серия: Филология*. 2011, 6 (2): 130–135.

Гранева 2022 — Гранева И.Ю. *Русские личные местоимения в свете интегрального описания языка («Лексикографические портреты» местоимений Я, ТЫ, МЫ и ВЫ)*. Н.Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И.Лобачевского, 2022. 281 с.

Диалектный словарь — *Диалектный словарь Нижегородской области*. Вып. 1–4. Н.Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И.Лобачевского, 2013–2022.

Достоевский 2022 — *Достоевский и славянский мир*. Уртминцева М.Г. (ред.). Н.Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И.Лобачевского, 2022. 174 с.

Измурдов 2017 — Измурдов Ю.А. *Нижегородский поэт Иван Ермолаев: портрет на фоне эпохи: Новое имя из литературного окружения Сергея Есенина*. Н.Новгород: БегемотНН, 2017. 304 с.

Коровашко 2009 — Коровашко А.В. *Заговоры и заклинания в русской литературе XIX–XX веков*. М.: Изд-во Кулагиной INTRADA, 2009. 383 с.

Лексический атлас 2017 — *Лексический атлас русских народных говоров* (ЛАРНГ). Толкачева И.В., Агапова М.А. (ред.). Т. 1. Природа. Вып. 1. Растительный мир. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. 736 с.

Лингвокогнитивные аспекты 2020 — *Лингвокогнитивные аспекты изучения национальных концептосфер в синхронии и диахронии*. Рацибурская Л.В. (ред.). Н.Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И.Лобачевского, 2020. 248 с.

Радбиль 2006 — Радбиль Т.Б. *Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и другие*. М.: МПГУ, 2006. 320 с.

Радбиль 2017 — Радбиль Т.Б. *Язык и мир: парадоксы взаимоотношения*. М.: ЯСК, 2017. 592 с.

Радбиль 2021 — Радбиль Т.Б. *Основы изучения языкового менталитета*. М.: Флинта; Наука, 2021. 328 с.

Рацибурская 2009 — Рацибурская Л.В. *Словарь уникальных морфем современного русского языка*. М.: Флинта, 2009. 155 с.

Рацибурская, Соловьева 2021 — Рацибурская Л.В., Соловьева Д.В. *Коммуникативные риски в современном медийном словотворчестве*. М.: Флинта; Наука, 2021. 168 с.

Русский язык 2021 — *Русский язык в интернет-коммуникации: лингвокогнитивный и прагматический аспекты*. Рацибурская Л.В. (ред.). М.: Флинта, 2021. 328 с.

Синелева 2019 — Синелева А.В. *Фреймовый метод описания содержания и структуры лингвистических объектов*. Н.Новгород: ННГУ им. Н.И.Лобачевского, 2019. 196 с.

Словарь концептов 2011–2015 — *Словарь концептов русской народной сказки*. Кузьмин И.В. (ред.). В 2 ч. Н.Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И.Лобачевского, 2011–2015.

Социокультурные 2018 — *Социокультурные и лингвопрагматические аспекты современных словообразовательных процессов*. Рацибурская Л.В. (ред.). М.: Флинта, 2018. 232 с.

Сухих 2012 — Сухих О.С. *«Великие инквизиторы» в русской литературе XX века*. Н.Новгород: Медиаграфик, 2012. 208 с.

Уртминцева 2019 — Уртминцева М.Г. *Пушкин. Болдинские монологи*. Н.Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И.Лобачевского, 2019. 223 с.

Человек 2019 — *Человек и его внутренний мир. Учебный комплексный лингвокультурологический словарь*. Рацибурская Л.В. (ред.). Н.Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И.Лобачевского, 2019. 142 с.

Шеваренкова 2004 — Шеваренкова Ю.М. *Исследования в области русской фольклорной легенды*. Н.Новгород: Растр-НН, 2004. 157 с.

Юхнова 2011 — Юхнова И.С. *Проблема общения и поэтика диалога в прозе М.Ю.Лермонтова*. Н.Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И.Лобачевского, 2011. 218 с.

Юхнова 2014 — Юхнова И.С. *Общение и диалог в творчестве А.С.Пушкина*. Н.Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И.Лобачевского, 2014. 204 с.

REFERENCES

Активные процессы 2022 — *Active processes in the Russian language of the newest period*. Radbil' T.B. (ed.). Moscow: Flinta Publ., 2022. 232 p. (In Russian)

Горшкова, Ручина 2011 — Gorshkova T.M., Ruchina L.I. Dictionary of combined type as a way of lexicographic description of the conceptosphere of the Russian folk tale. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I.Lobachevskogo. Seriya: Filologiya*, 2011, 6 (2): 130–135. (In Russian)

Гранева 2022 — Graneva I.Iu. *Russian personal pronouns in the light of the integral description of the language ("Lexicographic portraits" of pronouns I, YOU, WE and YOU)*. Nizhny Novgorod: Izd-vo NNGU im. N.I.Lobachevskogo Publ., 2022. 281 p. (In Russian)

Диалектный словарь — *Dialect Dictionary is a dialect dictionary of the Nizhny Novgorod region*. Issue 1–4. Nizhny Novgorod: Izd-vo NNGU im. N.I.Lobachevskogo Publ., 2013–2022. (In Russian)

Достоевский 2022 — *Dostoevsky and the Slavic world*. Urtmintseva M.G. (ed.). Nizhny Novgorod: Izd-vo NNGU im. N.I.Lobachevskogo Publ., 2022. 174 p. (In Russian)

Измурдов 2017 — Izumrudov Iu. A. *Nizhny Novgorod poet Ivan Ermolaev: portrait against the background of the epoch: A new name from the literary environment of Sergei Yesenin*. Nizhny Novgorod: BegemotNN Publ., 2017. 304 p. (In Russian)

Коровашко 2009 — Korovashko A.V. *Conspiracies and spells in Russian literature of the XIX–XX centuries*. Moscow: INTRADA Publ., 2009. 383 p. (In Russian)

Лексический атлас 2017 — *Lexical Atlas of Russian folk dialects* (LARNG). Tolkacheva I.V., Agapova M.A. (eds). Vol. 1. Nature. Issue 1. Plant world. Moscow; St Petersburg: Nestor-History Publ., 2017. 736 p. (In Russian)

Лингвокогнитивные аспекты 2020 — *Linguocognitive aspects of the study of national conceptual spheres in synchrony and diachrony*. Ratsiburskaya (ed.). Nizhny Novgorod: Izd-vo NNGU im. N.I.Lobachevskogo Publ., 2020. 248 p. (In Russian)

Радбиль 2006 — Radbil' T. B. *Language anomalies in a literary text: Andrey Platonov and others*. Moscow: MPGU Publ., 2006. 320 p. (In Russian)

Радбиль 2017 — Radbil' T. B. *Language and the world: paradoxes of mutual reflection*. Moscow: YASK Publ., 2017. 592 p. (In Russian)

Радбиль 2021 — Radbil' T. B. *Fundamentals of the study of language mentality*. Moscow: Flinta; Nauka Publ., 2021. 328 p. (In Russian)

Рацибурская 2009 — Ratsiburskaia L. V. *Dictionary of unique morphemes of the modern Russian language*. Moscow: Flinta Publ., 2009. 155 p. (In Russian)

Рацибурская, Соловьева 2021 — Ratsiburskaia L. V., Solov'eva D. V. *Communicative risks in modern media word-making*. Moscow: Flinta; Nauka Publ., 2021. 168 p. (In Russian)

Русский язык 2021 — *The Russian language in Internet communication: linguocognitive and pragmatic aspects*. Ratsiburskaya L. V. (ed.). Moscow: Flinta Publ., 2021. 328 p. (In Russian)

Синелева 2019 — Sineleva A. V. *Frame method of describing the content and structure of linguistic objects*. Nizhny Novgorod: Izd-vo NNGU im. N. I. Lobachevskogo Publ., 2019. 196 p. (In Russian)

Словарь концептов 2011–2015 — *Dictionary of concepts of the Russian folk tale*. Kuz'min I. V. (ed.). In 2 parts. Nizhny Novgorod: Izd-vo NNGU im. N. I. Lobachevskogo Publ., 2011–2015. (In Russian)

Социокультурные 2018 — *Sociocultural and linguopragmatic aspects of modern word-formation processes*. Ratsiburskaya L. V. (ed.). Moscow: Flinta Publ., 2018. 232 p. (In Russian)

Сухих 2012 — Sukhikh O. S. *"The Grand Inquisitors" in Russian literature of the twentieth century*. N. Novgorod: Mediagrafik Publ., 2012. 208 p. (In Russian)

Уртминцева 2019 — Urtmintseva M. G. *Pushkin. Boldinsky monologues*. Nizhny Novgorod: Izd-vo NNGU im. N. I. Lobachevskogo Publ., 2019. 223 p. (In Russian)

Человек 2019 — *Man and his inner world. Educational complex linguoculturological dictionary*. Ratsiburskaya L. V. (ed.). Nizhny Novgorod: Izd-vo NNGU im. N. I. Lobachevskogo Publ., 2019. 142 p. (In Russian)

Шеваренкова 2004 — Shevarenkova Iu. M. *Research in the field of Russian folklore legend*. Nizhny Novgorod: Rastr-NN Publ., 2004. 157 p. (In Russian)

Юхнова 2011 — Iukhnova I. S. *The problem of communication and the poetics of dialogue in prose by M. Yu. Lermontov*. Nizhny Novgorod: Izd-vo NNGU im. N. I. Lobachevskogo Publ., 2011. 218 p. (In Russian)

Юхнова 2014 — Iukhnova I. S. *Communication and dialogue in the works of A. S. Pushkin*. Nizhny Novgorod: Izd-vo NNGU im. N. I. Lobachevskogo Publ., 2014. 204 p. (In Russian)